

Троицкие листки

(духовно-нравственное чтение для народа,
публикуемое в конце 19 века)

№ 151-200

Содержание

151. Греховные привычки	2
152. «Не пожелай». Десятая заповедь Божия.....	5
153. Многоскорбная жизнь Царя Давида, им самим рассказанная.....	8
154. Храм Божий – отрада для души.....	10
Коль возлюблена селения твоя, Господи сил!	11
155. Помилуй меня, Боже, помилуй мя!	13
156. Не уклоняйся от причастия Святых Христовых Таин	15
157. Страшный Суд.....	18
158. Что легче: грешить или каяться?.....	21
159. Трапеза кающегося Давида	24
160. Что такое шестопсалмие.....	26
161. Вселенские Соборы.....	29
162. Не божись понапрасну.....	32
163. Как учит о посте Священное Писание	34
164. Воздыхание грешной души у Креста Христова.....	37
165. Богослужение Великой Субботы.....	39
166. Магдалина у Гроба Христова.....	42
167. Кто первый утвердил благословение Божие за Москву	45
168. Царские Псалмы	47
Псалом 19-й	48
Псалом 20-й	49
169. Юный царь – избранник по сердцу Божию.....	50
170. Не обижайте сирот!.....	53
171. В утешение родителям, скорбящим о потере детей	55
172. Жилище христианина	58
173. Изложение молитвы Господней	61
174. Благодатный свет добродетели.....	63
175. Священный памятник 1812 года.....	66
176. Что такое Царствие Божие?	68
177. Прежде сам прости.....	71

178. Невидимые сети.....	74
179. Бедностью не оправдаешься пред Богом.....	77
180. Святой князь – труженик для родной земли	79
181. Страшное дело – клеветать на ближнего!	82
182. Вера слепая и вера мертвая	85
183. Мир Божий – храм Божий	87
184. Славянские Апостолы.....	90
185. И жизнь, и смерть – в руках Божиих (По поводу известий о холере).....	93
186. Рождество Пресвятой Богородицы	96
187. Таинство миропомазания	98
188. Великая книга Божия, понятная и для неграмотных.....	101
189. Бога не обманешь	103
190. Без труда не спасешься.....	106
191. «Сделавши добро – не кайся!» Русская пословица	109
192. Как стоять в Церкви Божией.....	112
193. Как творить милостыню	114
194. Как трудиться во славу Божию.....	117
195. Кем мир стоит?	120
196. Не соблазняй.....	123
197. Борьба с плотью	125
198. Жертва хваления среди мучений.....	128
199. «Бойся Господа, и почитай священника» (Сир.7,33)	131
200. Терпи до конца!	134

151. Греховные привычки

Напрасно думает иной: "Раз согрешу — и больше не стану". Ты по себе, пожалуй, и не стал бы повторять греха, да грех-то потребует от тебя послушания себе. Верно слово Господа: «творяй грех — раб есть греха» (Ин. 8; 24). «Раб» — слышите, что говорит Господь! Пока не грешишь — ты свободный человек, и грех не имеет власти над тобою, а как согрешил, так стал рабом греха. Но вот где опасность великая: пока не грешишь, грех кажется таким пустым делом, игрушкой, забавой, и человеку думается: "раз согрешить — не велика беда". — Но это только пока: поддайся лишь этому лукавому обольстителю, согреши раз, и ты попал уже к нему на удочку: грех потянет тебя к себе еще сильнее, и ты сам не заметишь, как, повторяя грех, ты попадешь к нему в тяжкую неволю, в жестокое рабство... О, какое это мучительное рабство! Теперь грех манит тебя своею приятностью, а тогда будет повелевать тобою как властелин; теперь льстит — тогда будет тянуть насильно, и ты не в силах будешь противиться ему! — А мы, грешные,

иногда думаем: "Вот стоит только захотеть, и — перестанем грешить, и святыми сделаемся!" О, если б это была правда! Но "посмотрите, — говорит святитель Тихон, — на несчастных пьяниц: как они, протрезвившись, плачут, рыдают, окаевают себя, видя свою беду и души пагубу, но представился случай — и они снова хватаются за чарку, и как часто многие из них кончают свою жизнь в этом бедственном, воистинну плача достойном состоянии! Мы видим, что воров и лихоимцев ни стыд, ни страх человеческий, ни страх Божий не могут удержать от злодеяний: они скорее соглашаются все терпеть и погибать, нежели расстаться со своею губительною привычкой" (т. II, стр. 125). А сколько раз жалкий развратник, изнуривший сам себя в отвратительном пороке, проклинал свою страсть, заклинал себя не грешить — и снова грешил, и снова мучился... А обман? А божба? А сквернословие и пересуды?.. Справедливо говорит Святой Иоанн Златоуст, что "привычка имеет великую, очень великую силу: она обращается даже в необходимость природы" (на 2 Кор. беседа, 7). "Иной согрешает немного, — говорит преподобный Дорофей, — а сколько времени он проводит потом, проливая кровь свою, пока исправит себя!" Именно — проливая кровь: ибо для того, чтобы вырвать из сердца греховную привычку, должно понуждать себя до пота кровавого, не жалея самой жизни своей... Как тяжела борьба с греховною привычкою, показывает следующий рассказ преподобного Дорофея: "Однажды, — говорит он, — пришел ко мне некто из братии и сказал мне: "Прости меня, отче, и помолись о мне, я краду и ем". Я спросил его: "Зачем же? Разве ты голоден?" Он отвечал: "Да, я не насыщаюсь за братской трапезой, и не могу просить". Я сказал ему: "Отчего же ты не пойдешь и не скажешь игумену?" Он отвечал мне: "Стыжусь". Говорю ему: "Хочешь ли, чтоб я пошел и сказал ему?" Он говорит: "Как тебе угодно, господине". Итак, я пошел и объявил о сем игумену. Он сказал мне: "Окажи любовь и позаботься о нем, как знаешь". Тогда я взял его и сказал келарю при нем: "Окажи любовь, и когда придет к тебе сей брат, давай ему, сколько он хочет, и ни в чем не отказывай ему". Услышав это, келарь отвечал мне: "Как ты приказал, так и исполню". Проведя таким образом несколько дней, брат этот опять приходит и говорит мне: "Прости меня, отче, я снова начал красть". Говорю ему: "Зачем же? Разве келарь не давал тебе, чего ты хочешь?" Он отвечал мне: "Да, прости меня, он дает мне, чего я желаю, но я стыжусь его". Говорю ему: "Что же, ты и меня стыдишься?" Он отвечал: "Нет". Тогда я сказал ему: "Итак, когда хочешь приходи и бери у меня, но не кради"; и он приходил и брал, что хотел. Но чрез несколько дней он опять начал красть, и пришел со скорбию и сказал мне: "Вот, я опять краду". Я спросил его: "Зачем, брат мой? Разве я не даю тебе, чего ты хочешь?" Он отвечал: "Нет, даешь". Говорю ему: "Что же, ты стыдишься брать у меня?" Он говорит: "Нет". Я сказал ему: "Так зачем же ты крадешь?" Он отвечал мне: "Прости меня, сам не знаю зачем; но так просто краду". Тогда я сказал ему: "Скажи мне по крайней мере по правде, что ты делаешь с тем, что крадешь?" Он отвечал: "Я отдаю это ослу". И действительно, оказалось, что

этот брат крал куски хлеба, финики, смоквы, лук, и вообще все, что он ни находил, и прятал это; одно под свою постель, другое на ином месте, и наконец не зная, куда это употребить, и видя, что оно портится, он выносил это вон и выбрасывал или отдавал безсловесным животным. Вот видите ли, что значит обратить страсть в навык? — заключает преподобный Дорофей свой рассказ: — видите ли, какого это достойно сожаления, какое это страдание? Он знал, что сие есть зло, он знал, что худо делает, и скорбел и плакал; однако увлекался, несчастный, дурным навыком". И хорошо сказал Авва Несторий: "Если кто увлекается страстью, то он будет рабом страсти". — Скажут: что же делать, чтобы избежать этого страшного рабства? — Ведь мы — люди, а не ангелы, мы слабы и немощны; кто чист от скверны греховной, аще и один день жития его будет на земли? — В ответ на это выслушайте еще рассказ преподобного Дорофея. "Один великий старец прохаживался с учениками своими на месте, где были различные кипарисы, большие и малые. Старец сказал одному из учеников своих: "Вырви этот кипарис". Кипарис же тот был мал, и брат тотчас одною рукою вырвал его. Потом старец показал ему на другой, больший первого, и сказал: "Вырви и этот". Брат раскачал его обеими руками и выдернул. Опять показал ему старец другой, еще больший: он с великим трудом вырвал и тот. Потом указал ему на иной, еще больший; брат же с величайшим трудом, сперва много раскачивал его, трудился и потел, и наконец вырвал и сей. Потом показал ему старец и еще больший, но брат, хотя и много трудился и потел над ним, однако не мог его вырвать. Тогда старец велел другому брату встать и помочь ему, и так они оба вместе едва успели вырвать его. И сказал старец братьям: "Вот так и страсти, или греховные влечения: пока они малы, то, если мы пожелаем, легко можем исторгнуть их из сердца; если же вознерадим о них, то они укрепляются, и чем более укрепляются, тем большего требуют от нас труда; а когда очень укрепятся в нас, тогда даже и с трудом мы не можем одни исторгнуть их из себя, ежели не получим помощи от некоторых святых, помогающих нам по Боге". — "Убивай врагов, — поучает святитель Тихон, — пока они малы, чтоб когда подрастут и укрепятся, не убили тебя самого. Пусть они умирают, да живет душа твоя. Горе душе, которою завладеют сии супостаты — злые страсти и греховные привычки!" (т. IV, 186) Они и за гробом не дадут ей покоя. "Поверьте, братия, — увещевает преподобный Дорофей: если у кого-нибудь хотя одна страсть обратилась в навык, то он подлежит муке. Орел, если весь будет вне сети, но запутается в ней одним когтем, то чрез эту малость низлагается вся сила его; ибо разве не может ловец схватить его, лишь только захочет? Так и душа: если хотя одну только страсть обратить себе в навык, то враг, когда ни вздумает, низлагает ее, ибо она находится в его руках, по причине той страсти".

Но как бороться со грехом, когда он стал уже привычкою? — А вот как учит о сем святитель Христов Тихон: "Во-первых, — говорит он, — неотменно нужно познать свою греховную привычку, ибо она ослепляет

человека так, что он не видит своего погибельного состояния. Для сего читай или слушай Священное Писание, смотри, как живут добрые люди, и сличай с их жизнью — свою жизнь, и усердно моли Господа Иисуса Христа, просветителя слепых, дабы Сам Он просветил твои духовные очи; ибо пока Он не коснется слепых наших очес, мы будем блуждать во тьме греховной. Когда познаешь свои греховные привычки, спеши скорее бросить их: трудно будет — что и говорить? Но призывай на помощь Господа и борись. Страсть подобна псу: кто поддается ей, того она гонит, а кто не уступает ей, от того она сама бежит. Доброе желание, старание и труд с помощью Божиею все преодолевают. Разве мало было разбойников, блудниц и других грешников, которые из рабов греха — соделались рабами Христовыми? В сем подвиге много помогает и укрепляет частое размышление о смерти, о страшном суде, о Царстве Небесном и муке бесконечной. Наконец, когда, с помощью Божией, одолеешь худую привычку, то бойся как огня возвращаться к ней. «Вспоминайте, - говорит Спаситель, жену Лотову» (Лк. 17; 32), которая оглянулась на Содом, откуда вышла, и обратилась в столп слан..."

152. «Не пожелай». Десятая заповедь Божия

Думает иной: "Где уж нам, мирским людям, уследить за каждым словом своим, за каждою мыслию? Это дело монашествующих, а нам лишь бы делом не согрешить, а помечтать иной раз о чем-нибудь греховном, пошутить, поговорить еще не велика беда". Нет, друг мой любезный, сказано: «не пожелай», значит и помыслы греховные — великая беда, если ты будешь услаждаться ими, находить в них удовольствие, а не гнать их от себя прочь, как бесовские внушения. Подумай только, когда больше опасности: тогда ли, когда убийца ходит вокруг дома, а внутрь проникнуть не может, или тогда, когда он уже пробрался к тебе в дом? Тогда ли, когда змея ползает только около тебя, или тогда, когда ты посадишь ее за пазуху? А греховные помыслы, греховные пожелания — разве это не убийцы души нашей, разве это не змеи лютые? Если тебе приятно мечтать о грехе, то значит, он уже у тебя в сердце, — эта лютая змея у тебя уже в пазухе; скорее выбрось ее вон, иначе она ужалит тебя насмерть, от греховного помысла неминуемо дойдешь и до самого греха, не говоря уже о том, что и помыслы грешные оскверняют сердце человеческое, удаляют от него благодать Божию и делают его жилищем сатаны. Как радуется враг спасения и одному греховному помыслу, если человек усладится им, показывает следующий рассказ святого Григория Двоеслова о блаженном епископе Андрее.

Этот благочестивый муж, из сострадания к одной бесприютной монахине, позволил ей жить при своем архиерейском доме. Епископ был святой жизни, монахиня — тоже, но враг не переставал внушать епископу нечистые помыслы и довел его до того, что раз он позволил себе прикоснуться к ней с грешною мыслью. — В тот самый день, когда это случилось, один еврей проходил пустынною дорогою близ того города, где

жил епископ, и, застигнутый ночью, зашел в идольское капище, чтобы там провести ночь. Ему стало страшно в этом бесовском жилище, и он, хотя не веровал во Христа, однако же оградил себя крестным знаменем. Долго не мог заснуть еврей, и вот, в самую глухую полночь, вдруг он видит, что в капище пришло множество злых духов, а среди них сам сатана, который сел среди капища и стал расспрашивать своих подчиненных, сколько каждый из них наделал зла. Каждый рассказывал, чем он соблазнял людей добродетельных, и один из них с гордостью поведал, что ему удалось сегодня соблазнить грешными помыслами епископа Андрея, который хотя и не согрешил делом, но в сердце усладился нечистым помыслом и даже прикоснулся с нечистой мыслью к инокине. Нельзя и сказать, с каким восторгом выслушал сатана этот рассказ! Он хвалил беса и обещал ему первое место в своем царстве, если тот dokonчит погибель такой души, а все прочие бесы поздравляли своего товарища с успехом и побуждали его продолжать начатое. — Еврей трепетал от страха, слушая бесовские речи: с ужасом заметил он, что сатана приказал подчиненным посмотреть, кто это осмелился ночевать в их капище? Злые духи подошли к еврею, и увидев, что он огражден крестным знаменем, в страхе только воскликнули: "О, это пустой запечатанный сосуд!" — и все исчезло. Еврей поспешил к епископу и рассказал ему свое видение. Горько восскорбел человек Божий, что своим легкомыслием доставил такую радость демонам, и раскаялся в своем согрешении. Он удалил монахиню из своего дома, а еврея, в благодарность за свое спасение, обратил ко Христу и просветил святым Крещением.

Вот что значит услаждение мысли и сердца греховными помыслами! От мысли до самого дела — один шаг. Потому-то, конечно, и сказал Спаситель: «всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем» (Мф. 5; 28), В таком случае «лучше, - по слову Священного Писания, - женитесь, нежели разжизаетесь» (1Кор. 7; 9). И скажу вам: многие — о как многие, не совершая самым делом плотского греха, строго сохраняя чистоту плоти, не вошли и не войдут в Царствие Божие только потому, что мысленно услаждались, лакомились в сердце нечистыми желаниями. Вот послушайте еще повесть, которая находится в одной греческой книге, называемой "Спасение грешных".

При одной игуменье, в женском монастыре, оставалась племянница ее для того, чтоб в самый расцвет юной жизни посвятить себя на служение Господу Богу и на все труды монастырского послушания; она была прекрасна собою и неукоризненного поведения, так что все сестры любовались ее ангельскою непорочностью и истинно-иноческой скромностью. Не долго, впрочем, любимица доброй настоятельницы быша украшением ее девственного общества: она скончалась и ее торжественно похоронили, в надежде, что ее чистая душа унеслась к Богу, в Его райские обители. Немного протекло дней после погребения девственницы, как игуменья, слишком огорченная ее потерю, решила просить Господа, чтоб открыл Он, в какой славе небесного царствия ее племянница*, и как высоко

стоит она в лице блаженствующих девственниц. Чтоб скорее услышал Господь молитву, игуменья назначила себе строгий пост и утомительное бдение. Бог послушал молившуюся и открыл ей таинственную судьбу ее почившей племянницы. Однажды, когда игуменья, в келейной тишине преполовляющейся ночи стояла на молитве, вдруг слышит, что под ее ногами расступилась земля, и огненная лава шумно потекла в виду молившейся. Вне себя от испуга, она взглянула в пропасть и среди геенского пламени видит свою несчастную племянницу.

— Боже мой! — отчаянно вскрикнула игуменья: — тебя ли я вижу, моя возлюбленная?..

— Да, — скрежеща зубами, произнесла несчастная.

— За что же это? — с участием спросила старушка страдальицу: — Я тебя надеялась видеть в райской славе, в ликах ангельских, среди непорочных агниц Христовых, а ты... Боже мой!.. За что это?..

— Горе мне, окаянной! — вскричала со стоном мучившаяся. — Я сама виною моей гибели, этого геенского пламени, всегда пожирающего меня и уничтожающего моей преступной души. Ты меня хотела видеть, — продолжала несчастная — смотри же: Бог открыл тебе тайну моего загробного положения...

— За что это? — сквозь слезы спросила старушка.

— За то, — отвечала страдальица: — что я в виду вашем казалась девственницею, чистым ангелом и непорочною, а на самом деле была совсем не то. Правда, я не осквернила себя плотским грехом, но мои мысли, мои тайные желания и преступные мечты свели меня в геенну. При непорочности моего девического тела, я не умела сохранить мою душу, моих мыслей и движений сердечных в ангельской чистоте, — и вот я мучусь за то... По молодости моей, по моей собственной неосторожности, я питала в себе чувство сердечной привязанности к одному юноше, услаждалась в моих мыслях и мечтах представлением его прекрасного вида и любовью к нему, и, хотя считала то за грех, но стыдилась открыться при исповеди духовнику... И вот за это порочное услаждение моей девической мысли нечистыми мечтаниями, по смерти моей святые Ангелы возгнушались мной и с огорчением оставили меня в демонских руках... И вот я теперь сгораю в пламени геенском, бесконечно буду гореть и никогда, никогда во веки не сгорю, потому что нет конца мучению для отверженников неба!..

При этих словах страдальица завилась, как червь, застонала, заскрежетала зубами, была охвачена огненной лавой и исчезла в ней от глаз испуганной игуменьи...

Вот как пагубно услаждаться греховными помыслами! Если и за них такая мучительная казнь, чего же ждать за действительный грех и за дела порочные? Можете сами знать про это из Священного Писания.

153. Многоскорбная жизнь Царя Давида, им самим рассказанная

Я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя (Пс. 50; 7). Господь извел меня из чрева, вложил в меня упование у груди матери моей (21; 10). Я был меньший между братьями моими, и юнейший в доме отца моего, пас овец отца моего (151; 1). Я несчастен и истаеваю с юности и изнемогаю (87; 16). Господь пастырь мой, Он покоит меня на злачных пожитях и водит меня к водам тихим (22; 1,2). Руки мои сделали орган, персты мои настраивали псалтирь. Я вышел на встречу иноплеменнику (Голиафу), и он проклял меня идолами своими. Но я, исторгши у него меч, обезглавил его, и избавил сынов Израилевых от поношения. Братья мои были прекрасны и велики, но Господь не благоволил избрать из них. Он послал вестника Своего и взял меня от овец отца моего и помазал меня елеем помазания Своего (151; 2, 6, 7, 5, 4). И вот, я поставлен от Него Царем над Сионом, святою горою Его (2; 6). Я был как зеленеющая маслина в доме Божиим (51; 10), я хранил пути Господни, и не был нечестивым пред Богом моим (17; 22); от всякого злого пути удерживаю ноги мои, ненавижу всякий путь лжи, храню повеления Его, возлюбил откровение Его, (118; 101,104,168,119). Подстерегали душу мою, собирались на меня сильные, не за преступление мое, и не за грех мой (58; 4). Тогда я одевался во вретисце, изнурял постом душу мою, и молитва моя обращалась в груди моей. Я поступал как бы это был друг мой, брат мой, я ходил скорбный, с поникшею головою, как бы оплакивающий мать (34; 13,14). Не надмевалось сердце мое, и не возносились очи мои, и я не входил в великое и для меня недосызаемое (130; 1). Я сказал: буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешить мне языком моим, доколе нечестивый предо мною. Я был нем и безгласен, и молчал даже о добром (38; 2, 3). И стал я как человек, который не слышит и не имеет в устах своих ответа (37; 14). Ходил я в незлобии сердца посреди дома моего (100; 2), с невидящими мира я был мирен (119; 6). Не сидел я с людьми лживыми и с коварными не пойду. Возненавидел я сборище злонамеренных и с нечестивыми не сяду (25; 4, 5). Ненавидящих Господа полною ненавистью ненавижу: враги они мне (138; 22). Дороги для меня друзья Божии (38; 17), глаза мои обращены на верных земли, кто ходит путем непорочности, тот мне и служит (100; 6). Дело преступное я ненавижу, сердце развращенное будет удалено от меня, злого я не буду знать, тайно клеветующего на ближнего своего я изгоню, гордого очами и надменного сердцем не потерплю (100; 3-5). Возлюбил я обитель дома Божия и место жилища славы Его (25; 8). Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать святой храм Его (26; 4). Как вожделенны жилища Твои, Господи сил! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни (83; 2-3), ибо один день во дворах Твоих лучше тысячи. Желая лучше быть у порога в доме Божиим, нежели жить в шатрах нечестия (83; 11). Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя

к Богу крепкому, живому: когда прииду и явлюсь пред лице Божие (41; 2, 3)? Возрадовался я, когда сказали мне: пойдём в дом Господень (121; 1). И подойду я к жертвеннику Божию, к Богу радости и веселия моего, и на гусях буду славить Тебя, Боже, Боже мой! (42; 4). Беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною (50; 5), я сокрушаюсь о грехе моем (37; 19). Я сказал: исповедую Господу преступления мои, и Господь снял с меня вину греха моего (31; 5). Я заблудился, как овца потерянная (118; 176), беззаконий моих более, нежели волос на голове моей (39; 13), нет целого места в плоти моей, нет мира в костях моих от грехов моих, беззакония мои превысили голову мою, как тяжелое бремя отяготели на мне, смердят, гноятся раны мои от безумия моего (37; 4-6). Ругаются надо мною враги мои, когда говорят мне всякий день: где Бог твой (41; 11)? Я стенаю в горести моей, и смущаюсь от притеснения нечестивого... Сердце мое трепещет во мне, смертные ужасы напали на меня, страх и трепет нашел на меня... И я сказал: кто дал бы мне крылья как у голубя! Я улетел бы и успокоился бы далеко... в пустыне! (54; 3-8) Я плачу постясь душою моею, и это ставят в поношение мне; я возлагаю на себя вместо одежды вретисце, — и делаюсь для них притчею! (68; 11, 12). Иссохло от горести око мое, душа моя и утроба моя; истощилась в печали жизнь моя, изнемогла от грехов моих сила моя, и кости мои иссохли... Я сделался поношением даже у соседей моих, и устрашилищем для знакомых моих; видящие меня на улице бегут от меня, — я забыт в сердцах как мертвый, я как сосуд разбитый (30; 10-13). О мне толкуют сидящие у ворот, и поют в песнях пьющие вино (68; 13). Объяли меня муки смертные, цепи ада облегли меня, сети смерти опутали меня (17; 5,6). Утомлен я воздыханиями моими, каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постелю мою (6; 7-8). Я исчезаю как тень, гонят меня как саранчу. Колени мои изнемогли от поста (108; 23,24). Я совсем поник, изнемог и сокрушен безмерно (37; 7,9). Враг преследует душу мою, втоптал в землю жизнь мою (142; 3). Я ждал сострадания, но нет его, — утешителей, но не нахожу! (68; 21). Смотрю направо, и вижу, что никто не признает меня, никто не заботится о душе моей (141; 4). Друзья мои и искренние отступили от язвы моей, и ближние мои стоят вдали! (37; 12). Ненавидящих меня без вины больше, нежели волос на голове моей (68; 5). Многие восстают на меня, многие говорят душе моей: нет ему спасения в Боге! (3; 2, 3). Восстают цари земли (2; 2), князья сидят и сговариваются против меня (118; 23), гонят меня безвинно (118; 161). Превращают слова мои, собираются, притаиваются, наблюдают за моими пятнами, чтобы уловить душу мою (55; 6,7). Ставят мне сети, говорят о погибели моей, замышляют всякий день козни (37; 13). Нет в устах их истины, сердце их — пагуба, гортань их, —открытый гроб (5; 10), зубы —копья и стрелы, язык — острый меч (56; 5), яд у них как яд змии (57; 5), устами благословляют, а сердцем клянут (61; 5). За любовь мою враждуют на меня, а я молюсь (108; 4). Они говорят: когда он умрет и погибнет имя его? (40; 6). Бог оставил его, преследуйте, схватите его, ибо нет избавляющего! (70; 11). — В тесноте моей я призвал Господа, и вопль мой

дошел до слуха Его, и Он избавил меня от ненавидящих меня, которые были сильнее меня (17; 7,18). Он обратил сетование мое в ликование (29; 12). Не на лук мой уповаю, и не меч мой спасет меня (43; 7). Спокойно ложусь я и сплю: Господь един дает мне безопасность (4; 9). Если пойду и долиною смертной тени, я не боюсь зла, потому что Он со мною (22; 4). Господь свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться? Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться (26; 1,3). Враги окружили меня, как пчел сот, и именем Господним я низложил их (117; 10). Господь укрыл меня в скинии Своей в день бедствия моего (26; 5). Они выкопали предо мною яму, и сами упали в нее (56; 7), они сойдут в преисподнюю земли, достанутся в добычу лисицам (62; 11). Но вот наконец исчезли как дым и дни мои, и кости мои обнажены как головня, я приблизился к старости. Сердце мое поражено и изсохло как трава (101; 4, 5). Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь. Оттого радуется сердце мое, веселится язык мой, даже и плоть моя покоится на уповании, ибо Господь не оставит душу мою во аде, и не даст святому Своему увидеть тление (15; 8-10). Бог избавит душу мою от власти преисподней (48; 16), и буду я жить вечно в жилище Его, и упокоюсь под кровом крил Его (60; 5).

(Выписки из священной книги "Псалтирь")

154. Храм Божий – отрада для души

Ах, как великодаровит Христос, Спаситель наш! На небесах славословят Его воинства Ангельские, на земле подражают их славословию человеки, составляя лики в церкви. На небесах Серафимы поют трисвятую песнь; на земле ту же самую песнь воссылает многочисленное собрание человеков. Одно общее торжество составляют и небесные и земные существа. Одно у них благодарение, одно радостное ликование. Неизреченное милосердие Господа совокупило их вместе, Дух Святой соединил их, Всеблагий Отец согласил их пение в одну стройную песнь. Ничто не улаживает так нашу жизнь, как то утешение которое получаем мы в церкви. В церкви радующиеся продолжают свою радость; в церкви скорбящим утешение, в церкви печальным веселие, в церкви удрученным отдых, в церкви труждающимся успокоение. Ибо сказано: «приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененный, и Аз упокою вы» (Мф. 11; 28). Что вожделеннее сих слов, что усладительнее сего зова? На пир тебя зовет Господь, когда зовет тебя в церковь, приглашает к успокоению от трудов, дает отдых от горестей, облегчает тяжесть грехов, врачует скорбь душевную удовольствием, печаль веселием. Какое небесное приглашение! Для чего же ты оставляешь столь богатую трапезу и меняешь ее на гораздо худшую! Те, кои не ходят в церковь, хуже жестоковых иудеев, которые усердно слушают своих священников и никак не решаются что-либо делать, когда

празднуют свои субботы. Но я вовсе не требую, чтобы ты ничего не делал целые сутки. Дай мне только два часа в день, — прочие возьми себе: а ты и этого не хочешь удалить мне! Но что я говорю? Не мне удели два часа, а себе же самому, для того, чтобы хотя какое-нибудь утешение получить тебе от молитвы отцов, пойти домой, исполнившись благословений, выйти, получивши духовное оружие, быть недоступным для врага. Скажи мне пожалуй: что может быть приятнее того, как находиться здесь? Что было бы лучше того, если бы можно было проводить здесь целые дни? Где можем иметь мы столько братьи? Где ощутительнее действует Святой Дух? Где ходатай наш Иисус Христос и Отец Его? Где еще найдешь ты подобное собрание, подобный совет, подобное общество? — Не оставляй, возлюбленный, чаще посещать святую церковь. Если мучит тебя какая-нибудь тоска, здесь она рассеется; если заботы житейские, — здесь оставят тебя; если безумные страсти, — здесь укротятся. Здесь нет волн, нет шума; здесь слышишь только благословение, молитвы, духовные беседы, отсюда переносишься на небо, и выходишь, вынося с собою залог Царствия Небесного. Если бы ты ходил сюда как можно чаще, забыл бы все неудовольствия, которые терпишь вне; но поелику ты удаляешься и убегаешь отсюда, оттого всякий раз губишь все те блага, какие получаешь здесь от слушания Божественных Писаний. А чтобы увериться в истине сего, для этого вы, когда выйдете отсюда, повидайтесь с теми, кои не были ныне в церкви, и заметьте, какое различие между вашим благодушием и их беспокойством. Как тот, кто всегда стоит на скале, презирает нападение волн, так и тот, кто постоянно ходит на богослужение и внимает слову Божию, не может быть уловлен мирскими предметами, потому что стоит выше всего житейского.

(Из Творений святого Иоанна Златоустого)

Коль возлюблена селения твоя, Господи сил!

Любил, крепко любил Царь Давид ветхозаветную скинию или по нашему храм Божий; и в горестях и в радостях жизни стремилась туда его кроткая и святая душа. Послушайте, с какою любовью говорит он о храме Божиим в своих дивных псалмопениях! «Возлюбил, - взывает он, - благолепие дому Твоего и место селения славы твоя» (Пс. 25; 8); «свят храм Твой, дивен в правде» (64; 5); — «дому Твоему подобает святыня, Господи, в долготу дней!» (Пс. 29; 6).

Вскую прискорбна еси, душе моя, утешает себя венценосный Пророк, и вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, Он — спасение мое, Он — Бог мой (Пс. 41; 5); вниду во светило Божие (Пс. 72; 17); вниду к жертвеннику Божию, к Самому Богу, веселящему юность мою (Пс. 42; 4); там пролию молитву мою Богу живота моего (41; 9); печаль мою пред Ним возведу (141; 3). Там слышен глас радости и веселия, там видны лики празднующих! Коль возлюбленна селения Твоя, Господи Сил! Желает и скончается душа моя

во дворы Господни (83; 2); имже образом желает олень на источники водные, еще желает душа моя к Тебе, Боже (41; 2). Что для птицы храма и для горлицы гнездо, где она питает и греет птенцов своих, то для души моей олтари Твоя, Господи Саваоф! (83; 3). Для меня лучше день един во дворах Твоих паче тысяч; изволих приметатися в дому Бога моего паче, немее житими в селениях грешничих (83; 11). Возжада душа моя к Богу крепкому живому, — когда настанет желанный час службы Божией? Когда прииду и являюся лицу Божию? (41; 3). О, как веселится душа моя; когда скажут мне: в дом Господень пойдём! (121; 1). Вниду в дом Твой со всеожжением (65; 13), вниду и поклонюся ко храму святому Твоему (137; 3), поклонюся на место, идеже стояти ноге Твои, Господи (131; 7). Едино просих от Господа, то взыщу: еже житими в дому Господни, вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню, и посещати храм святой Его (26; 4). Вот как любил храм Божий великий Царь и Пророк Давид! Любили участвовать в церковной молитве и все святые Божии, все верные чада Церкви Православной. Много приходилось им терпеть от язычников и еретиков за свое усердие к службе Божией: их били, мучили, жгли, убивали — "Не ходи в церковное собрание, оставь веру православную, вот тебе за это и почести и богатства", — верные сыны Церкви Православной ни на что и смотреть не хотели: они шли туда, где совершалась служба Божия, шли и вовсе не думали о том, что может быть им не придется уже возвратиться домой... Умилительный рассказ находим мы в древних летописаниях: император Валент, усердный арианец, приказал начальнику города Едессы Модесту предать смерти всех православных, если они осмелятся еще раз собраться на молитву. Модест тайно предупредил православных об опасности, советуя не делать впредь никаких собраний. В следующий воскресный день, проходя по городу с войском, он увидел бедную женщину, которая, держа в руках малолетнего сына, с поспешностью выбежала из дома, оставив незапертыми двери, и торопливо пробегала ряды воинов. Модест приказал остановить ее. "Куда ты бежишь так поспешно?" — спросил префект. "Спешу поспеть туда, — отвечала женщина, — где собрались православные". — "Разве ты не знаешь, что я послан предать смерти всех, кого застану там!" "Знаю — сказала женщина; — для того-то я и спешу, чтобы не упустить случая потерпеть мученичество". — "На что же несешь с собою малолетнего сына?" — "Чтобы и он был участником того же блаженства", — отвечала мужественная Христианка, и с поспешностью побежала вперед. Модест, пораженный таким мужеством, тотчас возвратился во дворец, и убедил императора отменить свой жестокий приказ. — Вот как любили церковную молитву Христиане древних времен! А мы грешные, как только услышим звон колокола церковного, пробуждающего нашу совесть грешную, как только эта совесть проснется и скажет нам: «в дом Господень пойдём», сейчас и стараемся подыскать какую-нибудь причину, чтобы в церковь не ходить. Один ссылается на свои болезни, другой выставляет на вид недосуги свои, так и представляется живую притчу Спасителя: один говорит — «волов купих, иду

искусити», другой «на село» отправился, а третий «жену», говорит, «поях», — всем дело есть, как будто служение Богу меньше другого дела! Ах, братие! Если бы мы знали, какой благодати Божией мы лишаем себя, когда не бываем в церкви у службы Божией! А узнать это можно только опытом: приучи себя почаще ходить в храм Божий, поусерднее слушать службу Божию, вот и узнаешь, почему с такою любовью стремились туда все святые Божии, и сам будешь вслед за ними повторять: «желает и скончается душа моя во дворы Господни, когда прииду и явлюся лицу Божию!» — Аминь.

155. Помилуй меня, Боже, помилуй мя!

Взойдем, братие, к самому началу нашей жизни на земле. Что там? — Мрак и нечистота, похоть и страсти. «В беззаконию: зачат есмь и во гресех роди мя мати моя», вопиет за всех нас святой Давид. Зачатый в беззаконии, я и сам потому беззаконен; рожденный во грехе, я и сам потому грешник. И не сие ли самое означали болезни моего рождения? За что страдали и рождающая и рождаемое, если не было вины и нечистоты? Не это ли самое выражал и вопль мой при появлении на свет? Что вопияло тогда во мне? Не разум, не память, не воображение — вопияла тогда вся природа моя... Чем смущалась она и от чего страдала? От внутреннего прирожденного расстройства, и от греховной нечистоты и виновности. — Первый вопль мой обращен был не к земле, а к небу, — к Тебе, Жизнодавец, Который образовал меня в утробе матерней, и Который един мог воссоздать меня и вне утробы матерней.

Представляя все сие теперь в моем уме, я и теперь поникаю лицом долу, стыжусь нечистоты моего происхождения, боюсь наследия мною принесенного, и вопию: помилуй мя, Боже, помилуй мя! Будь милосерд к бедному созданию, которое явилось на свет со всеми нечистотами отцов и праотцев, которое принесло с собою ужасную склонность ко злу, коему предстояла и предстоит борьба со множеством скорбей, соблазнов и искушений! Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Вслед за первым рождением от плоти и крови последовало другое, высшее и лучшее рождение от Духа. Не смотри на мою нечистоту и бесчувственность, меня тотчас по рождении приняла в объятия свои святая Церковь: омыла скверну природы моей в купели Крещения, освятила благодатью Духа, запечатлела знамение Креста, облекла в белую одежду невинности. Из чада гнева я стал чадом Благодати.

Но где теперь сие царское облачение? Где дары, на меня излинные? Увы, и я, подобно невесте у Соломона, должен сказать: «положиша мя стража в виноградех, и винограда моего не сохраних» (Песн. 1; 5)! Не сохранил я благодати Крещения, не остался верным Тому, Кому сочетался! Осквернил я белую одежду невинности! Потерял благодать и Духа! — Одно взял мир, другое похитили страсти, то пропало от нерадения и беспечности; весь я подобен человеку, впадшему в разбойники: от ног до головы нет во

мне целости. — К кому обратиться за помощью, кроме Тебя, Всеблагий Творец и Всемогущий Промыслитель мой? Помилуй мя, Боже, помилуй мя! «Заблудих, яко овча погибшее, взыщи раба Твоего» (Пс. 118; 176)! «Изведи из темницы душу мою исповедатися имени Твоему» (Пс. 141; 8)! «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей» (Пс. 50; 12)!

За летами моего неразумного младенчества, о коих самый первый мудрец не может не сказать ко Господу с Давидом: «скотен бых у Тебе» (Пс. 72; 22), наступили лета отрочества и юности. Время самое драгоценное. В это время и я, подобно прародителям моим, находился в раю невинности, и предо мною было древо жизни с обетованием и древо смерти с заповедью. Мог я не простирать руки к плоду запрещенному; властен был я остаться на пути правды и непорочности. Все удерживало меня: и благодать Крещения, и глас совести, и родители, и воспитатели; но, увы, ничто не удержало! И мне змий искуситель представился достовернее моего Творца и Благодетеля; и для меня древо смерти показалось добрым в снеде, угодным очима, еже видети и красно еже разумети, и я, — стократ неразумнее прародителей моих, ибо имел их опыт пред собою, — и я, несчастный, вкусил дерзостно горькие снеди, согрешил и потерял рай.

Ах, братие мои, кто не пожелал бы, чтобы возвратились дни его юности, драгоценные те дни, когда от нас зависело вступить на путь Господень, или уклониться на распутия греха и суеты мирской! Но сии дни не возвратятся; и каждому из нас, вспоминая их, остается только восклицать из глубины души: помилуй мя, Боже, помилуй мя! Трех юности и невидения моего не помяни! Помяни же мя ради благости (Пс. 24; 7), единой благости Твоей!

Наступило время мужества и лет зрелых: мы вошли в различные связи семейства, дружба, знакомства; вступили на путь служения общественного, взяли на себя различные обязанности; многие из нас засвидетельствовали клятвою, что они будут верными поистине, непреклонными хранителями правды для себя и для других. Чего бы надлежало ожидать от нас после сего? Надлежало бы ожидать твердого и неуклонного исполнения своих обязанностей, мужественной борьбы с пороком во всех его видах, благоразумного употребления даров счастья, кому они посланы, и великодушного перенесения ударов несчастья, кого они постигли, — что мы всегда будем готовы на всякое дело благое, удалены от всякой лжи и неправды, будем воздержны и строги к самим себе, великодушны и милосерды к ближним нашим, кротки, искренни и любвеобильны ко всем и каждому, непамятозлобивы к самым врагам.

Но, братие мои, скажите сами, многие ли могут похвалиться всем этим? Кто, бросив самый поверхностный взор на свои обязанности, не скажет: ах, я не исполнял и не исполняю их, как должно! Сколько времени погибло и гибнет у меня напрасно! Сколько данных от Бога талантов погублено и теряется всуе! Многократно я решался на доброе, и доселе творю худое. Вижу, что иду не тем путем, а иду непрестанно. И когда окончится во мне эта злополучная борьба совести со страстями! Где конец моему душевному

плену и рабству? Творец Всемогущий, к Тебе молитва моя! Помилуй бедное создание Твое! Дай силы расторгнуть узы греховных навыков и страстей! «Отврати очи мои, во еже не видети суеты!» Коснись грехолюбивого сердца, да престанет биться для праха и тления! Помилуй мя, Боже, помилуй мя! Спаси меня от меня самого!

Наступят и лета старчества: тело мое ослабеет; чувства одно за другим будут закрываться; и льстящий теперь мир сам начнет убежать от меня. Но и все это обратит ли меня к Богу и вечности? Употребился ли мною хотя сей жалкий остаток жизни на дела благая? Не разделят ли и его между собою те же похоти и те же страсти? Ах, сколько старцев, кои с летами видимо юнеют в злобе и любви к миру! Сколько стоящих у дверей гроба и смотрящих вспять! Не буду ли подобен им и я! Не пройдут ли и мои последние годы и дни в суете и ослеплении, как проходят у многих? Господь Милосердый, не попусти мне впасть в сие ужасное ослепление! Пощади от сего адского нечувствия! Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Вслед за немощами, придет наконец последняя болезнь; ляжем на одре, с коего не встанем более: врач отступится, священник приблизится, сродники и присные окружают одр наш и будут ожидать нашей кончины. В сей грозный час, среди последнего томления тела и духа, среди всеконечного смятения мыслей и чувств, какой глас желали бы вы, братие мои, чтобы исшел из уст ваших? — Мне бы не хотелось для себя другого, кроме: помилуй мя, Боже, помилуй мя! Помилуй грешника, коего жизнь исчезла в суете и грехах! Яви последний знак милосердия и даруй, да изыду из темницы плоти моей с чувством покаявшегося на кресте разбойника!

Ударит наконец час общего всемирного пробуждения от сна смертного: надобно будет вставать из утробы земной, облечься в тело новое и неразрушимое, и, вместе с делами своими, явиться на суд страшный для услышания приговора над собою на всю вечность. Тогда, среди неба и ада, между Ангелами и духами отверженными, что будешь чувствовать ты, бедная душа моя? Не возопиешь ли в последний раз: помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Да, братие мои, на страшном всемирном суде Божиим, не прежде, конец сей покаянной молитвы: она прекратится тогда, как пред лицом вселенной навсегда решится судьба каждого из нас. После сего уже не будет ей места. В раю, у праведных останется одна радость и одно вечное славословие имени Божия. Во аде, для грешников один вопль отчаяния и скрежет зубов.

Какая из сих участь ожидает нас? — Един Господь весть. Но, если пребудем таковыми, каковы есмы, если умрем во грехах наших: то явно, где часть и с кем жребий наш. Воззовем же к Господу Богу из глубины души все и каждый: помилуй нас! Дажь всем нам прежде конца покаяние! Аминь.

(Из сочинений преосвященного Иннокентия, архиепископа Херсонского)

156. Не уклоняйся от причастия Святых Христовых Таин

Некоторые из христиан, как известно, и в великий пост не причащаются Святых Таин Тела и Крови Христовой. Ужели, слушатели, и между вами, стоящими теперь в сем храме, есть такие, которые в настоящий пост не будут причащаться? Если и один есть между вами такой, я обращаю беседу мою к нему. Послушай, что я скажу тебе: Сам Бог послал ныне тебя в церковь, чтобы ты услышал, как пагубно для души удаляться святого Причастия.

Скажи, почему ты не думаешь причащаться Тела и Крови Христовой? Или ты сам не знаешь почему? Для тебя все равно, причащаться, или не причащаться? — О, если ты таков, то опомнись, подумай о себе. Ты нисходишь во глубину греховную, оттого и не радишь о себе; ты забыл о спасении своей души, оттого и не помнишь, что тебе надобно причаститься; ты болен душою, и не чувствуешь своей болезни, оттого и не понимаешь, что тебе необходимо причаститься во исцеление души; ты не заботишься о жизни будущей, и вовсе не думаешь, есть ли она, оттого не думаешь и о причащении в жизнь вечную, оттого и все равно для тебя, причащаться ли, не причащаться ли. Опомнись, подумай о себе: ты спишь, умираешь, погибаешь.

Но, может быть, ты имеешь какие-нибудь причины на то, почему не думаешь в нынешний пост причащаться? Некоторые из христиан не причащаются, как они говорят, потому, что считают себя недостойными святого Причастия. И ты не из числа ли таких христиан? — Как, по видимому, ни благовидна сия причина, но она не спасет себя от гибели. Ты считаешь себя недостойным святого Причастия: ужели же когда-нибудь придет для тебя это время, что ты будешь считать себя достойным? Ужели когда-нибудь ты будешь в состоянии сказать или подумать о себе: теперь я достоин святого Причастия, и потому причащуся? Да сохранит тебя Господь от такого достоинства! Только фарисей мог подобным образом судить и говорить о себе, — тот фарисей, который осужден Богом. Истинно смиренные, истинно достойные святого Причастия не так о себе судят и говорят. Они вот как о себе судят и говорят: "Вем, Господи, яко недостойне причащаюся пречистого Твоего Тела и честные Твоя Крове, и повинен есмь, и суд себе ям и пию"... — Так молился святой Василий Великий. "Господи Боже мой, вем, яко несмь достоин, ниже доволен, да под кров внидеши храма души моя; зане весь пуст, и паляя есть"... — Так молился святой Иоанн Златоуст. Как же ты можешь, и когда можешь сказать или подумать о себе: я достоин святого Причастия? Не только здесь на земле мы, грешные, никогда не можем считать себя достойными, но и на небе не посмеем о себе думать, что мы достойны того, чтобы в доме души нашей взшел Иисус Христос, на которого Ангелы взирать не смеют, ибо считают себя недостойными.

Но ты скажешь: и знаю свою слабость, — сегодня покаюсь и причащусь, а завтра опять за те же грехи... Нет, друг мой, видно ты не знаешь своей болезни душевной, видно не чувствуешь ее — когда отказываешься от благодатного врачевства. Что же, по твоему выходит, что для тебя и святое Причастие уже бесполезно? Значит, так во грехах и умирать надо? Брат мой!

Подумай, что ты говоришь!.. Больной, который сильно чувствует боль, усомнится ли принять лекарство потому только, что оно, может быть, не надолго подаст ему облегчение? Конечно нет: лучше хоть одну минуту почувствовать облегчение, чем страдать непрестанно. Так и христианин, который сознает себя грешником, недостойным святого Причастия, который действительно боится, чтобы, после Причастия, не впасть в прежние грехи, никогда не будет оставлять Причастия; для него и день дорог, дорога и минута, в которую он пробудет без грехов со Христом. А даст Бог — и святое Причастие послужит тебе во здравие души, укрепит твою немощь, и ты оставишь устарелые греховные привычки, и обновись духом. Ведь причащаясь Тела и Крови Христовой, мы теснейшим образом соединяемся со Христом Спасителем нашим, а Он чего не может сделать? Только бы мы надежды на Него не теряли...

"Что же мне делать? — скажешь ты. — Я не смею, я боюсь причащаться, боюсь, чтобы мне не причаститься в осуждение". — Что тебе делать? Спроси своего духовного отца, что тебе делать; исповедуйся пред ним во всех своих грехах, расскажи ему, что знаешь за собою худого; тогда он скажет, что тебе делать, и что он скажет, то и делай. Если он разрешит тебе причаститься, то причастись: ты имеешь полное право тогда приступить ко святому Причастию. Духовнику от Бога дана эта власть — прощать кающихся и удостоивать их святого Причастия. Впрочем и после того, как духовный отец признает тебя достойным, не забывай своего достоинства: "Господи! Я недостойн причаститься святых Таин, соделай меня достойным", — так молись пред святым Причастием. "Благодарю Тебя, Господи, что Ты меня, недостойного, сподобил причаститься", — так взывай к Богу после святого Причастия. — Если же духовник твой не разрешит тебе причащаться, то и не причащайся: ибо если он не удостоивает тебя, то это значит, что ты действительно недостойн, и Причастие послужило бы тебе только в грех, в осуждение. Да, бывают случаи, когда человеку, точно, грешно причащаться; бывают грешники, которых именно не следует допускать ко святому Причастию, хотя бы они желали причаститься. Может быть, и ты такой же грешник, может быть, и твои грехи таковы, что тебе грех причаститься; но пусть это решит и скажет тебе духовный твой отец. Его Бог поставил над тобою духовным судьей: пусть он и судит тебя, пусть он и решает. Решение духовника есть исполнение воли Божией, а собственное твое решение есть самоволие.

Итак, признавай себя недостойным святых Таин, но сам не отлучай себя от святого Причастия, а предоставь это духовному твоему отцу, пусть он отлучит тебя, если это нужно. Признавать свое недостойнство — твоя обязанность; удостоивать или не удостоивать тебя святого Причастия — это обязанность духовного отца. Открыть душевную болезнь духовному врачу ты должен, это твое дело; а нужно ли и можно ли тебе принимать лекарства, или нет, это знает духовный врач, — это его дело.

Что ты еще скажешь, ты, который все еще не думаешь причащаться? Скажи, почему ты в прошедший пост не причащался? Некоторые из христиан не причащались, как они говорят, за недосугами: за хлопотами, за делами; им некогда было, у них времени не было... И ты не по тем же ли причинам не причащался? И тебе некогда было, времени не было, недосужно было причаститься?..

Господи, Господи! Вот до чего мы можем доходить! Нам недосужно принять Тебя, сладчайшего Иисуса, в дом души нашей! У нас нет времени приготовиться, чтобы причаститься в оставление грехов и в жизнь вечную! У нас есть дела, которых мы не можем оставить для пречистого Тела Твоего и животворящей Крови Твоей! Господи, Господи! Вот до чего мы можем доходить! Но, нет, мой слушатель, нет; ты еще не дошел до этого, ты этого не говоришь, ты не по этим причинам в прошедший пост не причастился; ты не причащался так, по слабости, по неведению, а не по презрению, не по небрежению к святому Причастию: ты скорбел и скорбишь, что не причастился; нет, нет, ты еще не дошел до такого ожесточения, чтобы так думать и говорить; нет, ты еще не совсем погибший человек, ибо ты молишься Богу, ибо ты пришел в церковь Божию. Не губи же души своей навеки; причастись Тела и Крови Христовой; по крайней мере приготовься к святому Причастию; избери какую-нибудь неделю в посте; походи в церковь Божию, помолись, попустишь, исповедуйся в своих грехах пред духовником; духовник скажет, можно ли тебе причаститься, или нет; если он разрешит причаститься, причастись без сомнения; а если не разрешит, прими с покорностью запрещение до времени, и оно послужит тебе во спасение.

О, видно, глубоко и далеко отпали мы от Тебя, Господи! Вместо того, чтобы нам спешить к Тебе, источнику нашей жизни и нашего блаженства, нас надобно еще усовещевать, убеждать, чтобы мы шли к Тебе, чтобы мы причащались Тела и Крови Твоей!

Нет, грешник, не хранишь ты себя от греха, а сугубо согрешаешь, когда самовольно удаляешься святого Причастия! Аминь.

(Из "Поучений " протоиерея Р. Путятин)

157. Страшный Суд

Христоролюбивые братие мои! Послушайте о втором и страшном пришествии Владыки нашего Иисуса Христа. Вспомнил я об этом часе и вострепетал от великого страха помышляя о том, что тогда откроется. Кто опишет это? Какой язык выразит? Тогда Царь царствующих, встав с престола славы Своей, сойдет посетить всех обитателей вселенной и сделать с ними расчет. Когда помышляю о сем, страхом объемлются члены мои, и весь изнемогаю, глаза мои источают слезы, голос ослабевает, уста смыкаются, язык немеет и помыслы научаются молчанию. Таких великих и страшных чудес не было от начала твари и не будет во все роды! Исполнится время, пробьет последний час мира: огненная река потечет с яростью,

подобно свирепому морю; пояст горы и дебри, и пожжет всю землю и дела, яже на ней. А там, горе, звезды спадут, солнце померкнет, луна мимо идет и небо «свиется аки свиток» (Ис. 34; 4). Кто в Состоянии помыслить о сем страшном изменении лица всей твари? Затем услышится глас трубы, превосходящий всякий гром, глас, вызывающий и пробуждающий всех от века усопших, и праведных и неправедных. И во мгновение ока, все люди от четырех концов земли будут собраны на суд. Ибо повелит великий Царь, — и тотчас с трепетом поспешно отдадут: земля своих мертвецов, а море своих. Вот, собрались все, — и в трепетном молчании ждут явления славы великого Бога — Судии (Тит. 2; 13), нисшествие Которого откроется явлением знамения Сына человеческого (Мф. 24; 30), явлением Креста, сего скипетра великого Царя, узрев который все уразумеют, что вслед за ним явится и Сам Царь. — И точно, вскоре затем услышится с высот небесных: «се жених грядет» (Мф. 25; 6); се приближается Судия; се является Царь; се Бог всяческих грядет судить живых и мертвых! Тогда, братие мои, от гласа сего содрогнутся основания земли; тогда на всякого человека нападет страх и ужас от чаяния того, что грядет на вселенную. Тогда потекут Ангелы, соберутся лики Архангелов, Херувимов и Серафимов, и все многоочитые с крепостью и силою воскликнут: «Свят, Свят, Свят Господь Бог Вседержитель, иже бе и сый и грядый» (Апок. 4; 8)! Тогда всякая тварь на небе и на земле и под землю с трепетом вопиет: «Благословен грядый во имя Господне» (Мф. 21; 9)! Тогда разверзутся небеса и откроется Царь царствующих, предивный и преславный Бог наш, подобно страшной молнии, с силою многою и несравнимою славою, как проповедал и Иоанн Богослов, говоря: «Се грядет со облаки и узрит Его всяко око, и иже Его прободоша и плач сотворят о Нем вся колена земная» (Апок. 1; 7)! Какой страх и трепет будет в час тот! Кто перенесет видение Того, от лица Коего побежит небо и земля (Апок. 20; 11)? — Небо и земля побегут! Кто же, после сего, в состоянии устоять? И куда побежим мы, грешные, когда увидим престолы поставленные и сидящего Владыку всех веков; когда увидим бесчисленные воинства, со страхом стоящие окрест престола? Ибо тогда исполнится пророчество Даниила: «зрях, дондеже престолы поставишася и Ветхий деньми сиде... Тысяща тысящ служаху Ему и тмы тем предстояху Ему; судище себе, и книги отверзошася» (Дан. 7; 9, 10). Отверзаются сии страшные книги, где написаны наши и слова и дела, и все, что мы сказали и сделали в сей жизни, и что думали скрыть от Бога, испытующего сердца и утробы (Апок. 2; 23). — О, сколько слез нужно нам ради часа того! Тогда своими очами узрим мы с одной стороны — неизреченное Небесное Царство, а с другой — открывающиеся страшные мучения; посреди же всякое дыхание человеческое, от прародителя Адама до рожденного после всех. Все будут в ожидании страшного судного часа, и никто никому не в состоянии будет помочь. Тогда всякий даст ответ за себя и за дом свой, за жену, за детей, за рабов и рабынь. Тогда вопрошены будут цари и князи, богатые и бедные, великие и малые, о всех делах, какие сделали: «вси предстанем

судищу Христову» (Рим. 14; 10), «да примет кийждо яже с телом содела, или блага или зла» (2 Кор. 5; 10). Тогда отлучит нас Судия друг от друга, как пастырь отлучает овец от козлищ. Праведные отделяются от грешных, и просветятся как солнце. Сих поставит Господь одесную; а козлищ — грешников — ошуюю. Тогда стоящим одесную скажет Господь: «приидите, благословенный Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира» (Мф. 25; 34). Стоящие же ошуюю услышат сей горький и строгий приговор: «идите от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и ангелом его» (Мф. 25; 41)! «И идут сии в муку вечную, праведницы же в живот вечный» (Мф. 25; 46). — О сем-то бедственном разлучении вспомнил я, и не могу перенести его. У кого есть слезы и сокрушение, плачьте: потому что в страшный оный час бедственной разлукою разлучены будут все друг с другом и каждый пойдет туда, откуда нет возврата. Тогда разлучены будут родители с детьми, друзья с друзьями, супруги с супругами, и те даже, кои клялись не разлучаться друг от друга во веки! Тогда грешные поведутся на место мук немилостивыми ангелами, принимая от них толчки, побои, скрежеща зубами, все чаще и чаще обращаясь, чтобы увидеть праведников и ту радость, от которой сами отлучены. И увидят неизглаголаный оный свет, увидят красоты райские, какие приемлют от Царя славы подвизавшиеся в добре. Потом, постепенно отдаляясь от всех праведников и друзей и знакомых, сокроются наконец и от Самого Бога, потеряв уже возможность зреть радость и истинный оный свет... Наконец приблизятся к месту неописанных мучений, и там будут рассеяны и расточены! Тогда-то увидят они, что совершенно оставлены, что всякая надежда для них погибла и никто не может помочь им, или ходатайствовать за них. Тогда-то, наконец, в горьких слезах, рыдая, скажут: о, сколько времени погубили мы в нерадении, и как обмануло нас наше ослепление! Там Бог говорил чрез Писание и мы не внимали; здесь вопием, и Он отвращает от нас лицо Свое! Что пользы доставили нам концы мира? Где отец, нас родивший? Где друзья? Где богатство? Где людская молва? Где пиры? Где многолюдные гульбища? Ниоткуда нет помощи; мы всеми оставлены — и Богом и святыми. И для покаяния нет уже времени, и от слез нет пользы. Вопиять бы: спасите нас, праведные! Спасите, Апостолы, Пророки, Мученики! Спаси, лик патриархов! Спаси, чин подвизавшихся! Спаси, честный и животворящий Крест! Спаси и ты, Владычица Богородица, Матерь человеколюбца Бога! Вопиять бы так; но уже не услышат! А если и услышат, что пользы? Ибо конец уже всякому ходатайству... В таких терзаниях безотрадного отчаяния каждый, и нехотя, отведен будет на место мучения, какое уготовал себе злыми делами своими, «идеже червь их не умирает, и огонь не угасает» (Мк. 9; 48). — Вот узнали вы, что уготовим мы себе. Позаботимся же о том, как бы неосужденно предстать нам пред страшным судищем в тот трепетный и страшный час. О сем страшном дне и часе предрекали святые Пророки и Апостолы, чтобы всех умолить: смотрите, молитесь, милосердствуйте, кайтесь, и будьте готовы, яко «не весте дне, ни

часа, в онъже Сын человеческий придет» (Мф. 25; 13). «Внемлите себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапно день той» (Лк. 21; 34,35). Сей день содера в уме, святые мученики не жалели тела своего; иные же в пустынях и горах подвизались и ныне подвизаются в посте и девстве. Сей день имеа в уме, блаженный Давид каждую ночь омочал ложе свое слезами и умолял Бога, говоря: «Господи, не вниди в суд с рабом Твоим!» Ибо если восхочешь сие сделать, то «не оправдится пред Тобою всяк живой» (Пс. 142; 2). Приступим, братие, и мы, предварим лицо Бога нашего исповеданием, покаянием, молитвами, постом, слезами, странноприимством. Представим, пока не пришел Он видимо и не застал нас не готовыми. Смотри, никто не говори: "Много согрешил я, нет мне прощения!" Бог есть Бог кающихся, и на землю пришел призвать не праведных, но грешных в покаяние (Лк. 5; 32). Согрешили мы? Покаемся. Тысящекратно согрешили? Тысящекратно принесем и покаяние. Бог радуется о душе кающейся: приемлет ее собственными руками и призывает, говоря: «приидите ко Мне вси труждающиеся и обременнии, и Аз упокою вы!»

(Из Творений преподобного Ефрема Сирина)

158. Что легче: грешить или каяться?

Легко грешить, но как тяжел грех на весах правды Божией! Тяжело каяться, но как же и облегчен сей труд милосердием Божиим!

Тяжел грех, — тяжел потому, что ты грехом своим оскорбляешь Бога Всеблагого, Творца Всемогущего, Которому повинуются и небо и земля и ад, Который есть страшный Судия живых и мертвых, Которого песнословят Ангелы, Которому поклоняются человеки, Которого трепещет сатана, Которому служит все создание... Тяжел грех потому, что ты оскорбляешь Бога — своего Благодетеля, Который создал тебя из грязи, почтил образом Своим и подобием, даровал тебе душу и жизнь, восприял на Себя естество человеческое, умер на кресте ради твоего искупления и соделал тебя Своим сыном и наследником Царства Небесного. Какое благодеяние может сравняться со всем этим? И вот, когда ты согресишь, то ни во что ставишь все сии благодеяния, являешься неблагодарным к Богу, твоему Благодетелю и Отцу: каково же Ему — Всеведущему видеть сию неблагодарность твою? Когда ты согрешаешь, то становишься на сторону врагов Божиих: когда ты предан сребролюбю, — ты не лучше Иуды предателя, когда угождаешь скотским похотениям плоти — ты хуже турка и татарина, когда язык твой неудержимо злоречит, клянется, лжет и осуждает ближнего — ты ничем не отличаешься от богохульника! Бог смотрит на тебя и говорит: ты ли это, чадо Мое?!..

Грех так тяжел, что для благочестивого человека согрешить представляется просто невозможным делом. Грех есть ненависть против Бога — возможное ли дело, чтобы человек мог дойти до такой дерзости —

возненавидеть Бога! Припомните, что отвечал целомудренный Иосиф на лстивые речи, на просьбы и увещания злочестивой жены Пентеффриевой? — "Был я, — сказал он ей, — невольником и твой муж, а мой господин, меня выкупил; был я в крайней нищете, — и он обогатил меня; был я чужой ему человек, а он доверил мне весь дом свой, исключая тебя одной. Все это — милости Бога моего, Которому я поклоняюсь; как же я окажу такую черную неблагодарность господину моему? Как решусь я на такой страшный грех пред Богом моим? «Како сотворю глагол сей злый и согрешу пред Богом?» Сильно было искушение для прекрасного юноши; опасны были последствия отказа; согласись — и все дело останется в глубокой тайне, откажи — и тогда тебе грозит мрачная тюрьма, пытки, может быть, смерть! Но праведный юноша спокойно говорит: "Все это я знаю, но если не увидят греха моего люди — то конечно увидит Бог: пусть же она на меня гневается, пусть клеветет, пусть в тюрьму заключит, на смерть осудит — все это я охотно перенесу: но — «како сотворю глагол сей злый и согрешу пред Богом?» И праведник действительно перенес и злую клевету, и мрачную темницу, но на грех не согласился; потому что считал его делом невозможным для себя. Грех был для него тяжелее самой муки. — И в самом деле: грех так тяжел, что Сам Сын Божий, воспринимая на рамена Свои всемирный грех в саду Гефсиманском, изнемог до пота кровавого, и взывал: «прискорбна есть душа Моя до смерти!»

Грех убивает душу, лишая ее благодати Божией. Как душа оживляет тело, так благодать Божия животворит душу. Что для очей — свет солнечный, то для души благодать Божия. Кто такое был Денница при благодати Божией? Верховный вождь блаженных духов, пресветлое светило, озарявшее самый рай. А что он стал, когда лишился благодати Божией? Ангел тьмы, страшный змий, сатана, осужденный на вечные муки геенны. — Кто был Адам благодатью Божией? Образ Божий, царь созданий, наслаждавшийся бессмертною жизнью в раю Божиим. А чем он стал, лишившись благодати Божией? Рабом смерти, наследником клятвы, — «приложися скотом несмысленным и уподобися им» (Пс. 48; 21). Теперь спрашиваю: что такое душа благодатью Божией? Она — невеста Христова, сообщница Ангелов, наследница царствия Божия, — царица, всем богатством даров Божиих преукрашенная. А чем она бывает, когда теряет благодать Божию? Ею гнушаются Ангелы, она становится бедною пленницею диавола! Возможно ли, кажется, чтобы человек решился сам себе нанести такую беду? Ах, братие! Во сто раз лучше бы было для нас, если бы солнце скрылось от нас навеки, если бы земля расступилась под нами и пожрала нас живыми, нежели лишиться сокровища благодати Божией! Лишаясь сего сокровища, человек губит свою душу, теряет небо и землю, теряет вечную славу, теряет навеки Бога, — словом теряет все. Но и этого мало! Он подлежит еще вечной казни за свои грехи. Слушатели мои! Если бы Бог определил за грех столетнее заключение в темнице адской, — пусть бы так: сто лет пройдут. Если бы Он определил даже тысячу лет, — и на это можно бы согласиться: и

тысяча лет окончится. Наконец, если б мучение было определено на миллион лет, — и этот срок когда-нибудь имел бы конец. А то ведь определил Он мучение, которое никогда не перестанет, никогда не окончится, — муку вечную Бог определил за грех!.. Это — догмат нашей веры: «идут сии в муку вечную», глаголет Сам Христос. Горит неугасимый огонь, уготованный диаволу и ангелам его. И знаете ли, братие, где находится каждый грешник? Он — у самого жерла этой страшной печи адской. Его удерживает только одна нитка — сия временная жизнь, которая, как нитка, пресекается внезапною смертью. Порвись сия нитка — и он попал, попал в муку вечную, без всякой надежды спасения!.. О, если бия твердо помнил это, — и я говорил бы: «како сотворю глагол сей злый и согрешу пред Богом?»

Так тяжек «грех» — сия болезнь духовная. Но можно ли исцелить эту болезнь? Можно. Чем же? — Одним словом духовного твоего отца. Может ли это быть? — Но это опять догмат святой нашей веры. Господь наш Иисус Христос дал сие право святым Своим Апостолам, а чрез них и всем пастырям Церкви. «Елика аще разрешите на земли будут разрешена на небесех» (Мф. 18; 18). — Это слово Самого Господа. По сему слову каждый отец духовный имеет право и власть разрешить кающегося во всяком грехе, если только кающийся решится раз навсегда расстаться с любимыми греховными привычками и жить богоугодно. Итак, вопрошаю тебя, грешник: чего же ты ждешь? Отчего не каешься?

Сирийский военачальник Нееман был весь покрыт проказою. Когда он прибыл к жилищу пророка Елисея для исцеления, то пророк выслал к нему слугу сказать: «шед измыйся седмицею во Иордане и очистишися». Нееман обиделся на пророка: "Как это так? — рассуждал он. — Почему он не вышел, не помолился надо мною, не возложил на меня своей руки? Омойся, говорит в Иордане... Да разве Дамасские реки хуже Иордана и всех рек Израильских?" И с гневом пошел Нееман от пророка. Но рабы, его сопровождавшие, стали уговаривать его. "Отец наш, — говорили они: — если бы что-нибудь более трудное сказал тебе пророк, то не сделал ли бы ты? А он сказал тебе только: омойся и будешь чист!" Нееман одумался, исполнил слово пророка и очистился от проказы. — То же самое теперь и я говорю тебе, брат мой: твоя болезнь в тысячу раз хуже всякой проказы. Если бы Бог для прощения тебе греха повелевал тебе всю жизнь оплакивать его в пустыне, или претерпеть за него мучения и смерть, — и тогда надлежало бы тебе исполнить сие с радостью. Но Бог этого от тебя не требует; Он говорит только: поди — не в пустыню, не на муки и страдания, а к священнику, такому же человеку, как и ты, покажи ему болезнь твою греховную и проси исцеления. Он имеет власть простить тебе грех и исцелить тебя. «Елика аще разрешит на земли, будут разрешены на небесех». О чудо! Лишь только ты исповедуешь пред ним грехи свои, лишь только он скажет тебе: прощаю и разрешаю тебя, как в то же самое время изречет тебе отпущение на небесах и Отец твой Небесный: прощаю тебя. Лишь только скажет иерей: прощаю тебя, как повторит тоже слово и Бог — Сын: разрешаю тебя. Священник

разрешает, и Дух Божий утверждает сие разрешение. О человеколюбие Божие, — восклицает святой Иоанн Златоуст: — Бог творит грешника праведником, как только он исповедает свой грех и твердо решится впредь не грешить! Какая болезнь тяжелее греха? И что легче сего исцеления? Отчего же ты медлишь брат мой? Одно из двух: если ты хочешь исцелиться — то спеши теперь же; если же не хочешь сделать сего теперь — то верно никогда не захочешь!..

(Из "Поучительных Слов" святителя Илии Миняitia)

159. Трапеза кающегося Давида

Слава Богу! Вот мы и достигли преддверия святого Поста, возлюбленные мои, еще один день, как порог переступим, — и войдем в самый Пост. Дай Бог благополучно провести его во спасение души! Иному уже наскучило и разрешение на все: пора уже и повоздержаться, пора позаботиться об уврачевании недугов не телесных только, но и душевных. А чтобы с большим усердием вступить в подвиг поста, надобно на дорогу подкрепить себя духовною пищею. Итак, не угодно ли любви вашей вкусить от трапезы святого и славного Царя Давида? Вот эта царская трапеза: «пепел яко хлеб ядах и питие мое с плачем растворях» (Пс. 101; 10), говорит святой Давид в своих псалмах. Пепел вместо хлеба и с плачем питие!.. Скажете: какая невкусная трапеза! Да, братие, невкусная трапеза, но очень здоровая!

Вам известно, возлюбленные, как тяжко согрешил святой Давид пред Богом и прелюбодеянием и убийством. Не удивительно: и он ведь был человек всем нам подобострастный; и со святыми бывают великие искушения. И вот, святой Давид, после своего тяжкого падения, приходит в чувство, кается, смиряется, исповедует свой грех, молится, постится, и не только укоряет себя в своей совести, но и внешним образом обнаруживает свое раскаяние: он облекся во вретиче, посыпал пеплом свою голову, и плакал день и ночь пред Богом, прося грехам своим прощения. В таком состоянии, когда нужно было подкрепить ослабевшее тело небольшим куском хлеба, и он вкушал его, то пепел сыпался с головы и вретича на хлеб, и кающийся Царь, не стрясая пепла, ел его вместе с хлебом, - это и значит: «пепел яко хлеб ядах». Точно так же, когда он подносил к устам своим сосуд с водою для утоления жажды своей, то слезы капали из очей его прямо в сосуд; это и означает: «питие мое с плачем растворял». — Невкусная, братие, трапеза, но для здравия душевного очень полезная! Не просиял ли Давид святою жизнью пред Богом после своего покаяния даже более, чем до своего падения? Окропленный иссопом милости Божией, он омылся покаянием и стал белее снега. Вот как целительна пепельная трапеза Давидова! — Но толкователи Священного Писания называют пеплом покаяние и всякого грешника. Ибо — что хуже пепла? Кто в пепле ищет приятного вкуса? Кто захочет питаться пеплом? Вот также неприятно и покаяние для людей грешных. Им лучше и не напоминай о нем! Брось кому-нибудь в глаза горсть

пепла: приятно ли ему будет? Напомни грешному о покаянии: понравится ли ему? — Пепел по-видимому — самая негодная вещь; однако же и он может быть полезен в житейском быту. За ничто почитают грехолюбцы и покаяние, однако же оно не теряет от того своей силы. В пепле иногда скрывается искра огня: от покаяния возгорается огонь любви к Богу. Пример — Евангельская блудница, с покаянием притекшая ко Христу Спасителю: от покаяния в ее сердце возгорелся такой пламень любви ко Господу, что Сам Господь сказал о ней: она «возлюбила много» (Лк. 7; 47). Пеплом чистят медные и серебряные сосуды: покаянием очищаются грешники и бывают в очах Божиих светлее солнца. Потемнел было Давид, — очернил себя упомянутыми грехами, но как только понес подвиг покаяния, — стал чистым и Богу любезным, сподобился даже быть праотцом Самого Христа Господа, пришедшего призвати не праведных, но грешных на покаяние. Темный сосуд был Павел, когда назывался еще не Павлом, а Савлом, и был великим гонителем Церкви Божией, а как скоро покаялся, стал светлым сосудом: «сосуд Ми избран есть сей», - говорит о нем Сам Господь, «пронести имя Мое пред языки и Царьми» (Деян. 9; 15). Мрачным и нечистым сосудом был тот грешник, которого преподобный Павел Препростый видел входившего в церковь черным подобно ефиопу. А когда сей грешник услышал в церкви слова Пророка: «измытейся и чисти будете» (Ис. 1; 16), то умилился душою, положил в своем сердце начало истинному покаянию и вот, когда он выходил из церкви, то преподобный Павел увидел его уже светлым и сияющим благодатию, как Ангела. — Темным и непотребным сосудом была Пелагия, антиохийская грешница, которую святой Нон, епископ Илиопольский, видел во сне во образе черной и смрадной голубицы, а потом, поелику она имела покаяться, он же увидел ее во образе голубицы, чистой и белой как снег, парящей к небесам. Так-то пепел покаяния очищает оксверненные грехом сосуды и соделывает их чистыми и светлыми!

Пепел, обваренный горячею водою, или так называемый щелок, легко отмывает всякую нечистоту на одеждах. Вот так же и святое покаяние, растворенное теплыми слезами умиления, легко отмывает всякую нечистоту греховную от душ человеческих. Такова сила пепельной трапезы Давидовой, теплыми слезами растворенной! Да, непременно слезами: как при хлебе нужно питье, так при покаянии потребны слезы. Это питье слезное не только утоляет жажду, но и угашает самый огонь геенский. Жажда душ наших есть Божественное желание, о коем говорит Давид: «возжада душа моя к Богу». Сию-то жажду слезы и прохлаждают, или лучше сказать — услаждают, как сие хорошо известно людям, которые опытом извели сладость Божественного утешения. А огонь — это наши грехи, пожигающие все наши добродетели и возжигающие неугасимый огонь геенны. И воистину каждый грех есть огонь. Ярость, гнев есть огонь, почему и говорят о гневливом: он воспылал от гнева. Похоть плоти — тоже огонь, и огонь сильный, пожигающий дубравы, пожигающий горы, ибо сия страсть губит не только обыкновенных людей, но и великих святых. И необузданный язык Апостол

называет огнем: «язык — огонь, лепота неправды, опалялся от геенны» (Иак. 3; 6). Кража, грабеж — тоже огонь, ибо чужие вещи, особенно принадлежащие Церкви, сжигают даже собственное имение того, кто грабит или ворует. Да и всякий грех — огонь, ибо и один грех может погубить все добродетели человека: «се бо мал огонь, и коль велики вещи пожигает!» А кто всю жизнь свою проводит во грехах, тот не будет ли осужден на вечное мучение в огне неугасимом? Неугасим огонь адских мук, ибо вечен, и никакими водами невозможно погасить его! Собери, если можешь, все источники, озера и реки со всей поднебесной, собери воду всех морей великих, всю стихию водную со всей земли, и ты не погасишь ею ни одной искры того вечного, неугасимого огня: «и огонь их не угаснет», глаголет Господь.

Подумай же, каждый человек: сколько раз ты прогневлел Бога смертными грехами, и каждым грехом ты зажигал себе огонь в геенне неугасимой! Сколько грехов ты соделал, столько пламеней геенских ты зажег для себя самого, и все они — неугасимые! Что же ты думаешь? Как избудешь сего огня вечного? Чем погасишь неугасимые потоки его?.. Можно погасить их — потоками слез покаянных, с которыми не могут сравняться все реки и моря вселенной. И чего не может сделать вся стихия водная, то может сделать теплая слеза, исходящая от сердца сокрушенного!.. Вспомните, какую страшную геенну зажег для себя святой Апостол Петр, когда три раза отрекся от Христа, своего Господа? Ведь этот грех заслуживал вечной геенны огненной, но как скоро святой Петр пролил теплые слезы от сердца сокрушенного, то не только угасил всю геенну сию, но и сподобился быть ключарем Царства Небесного. О сила слез покаяния! О сладкая трапеза Давидова — пепельная! О, питье, слезами растворяемое!.. Но может ли, братие, трапеза быть без соли? Так и духовная пища требует соли духовной. Эта соль во всяком добром деле есть рассуждение. В деле поста рассуждение должно быть таково: постись нелицемерно, не напоказ, не ради тщеславия; при этом не осуждай, не укоряй того, кто не постится; не гневайся, не раздражайся на того, с кем ты живешь. Постись не ради чего-либо, как только для того, чтобы исполнить заповедь Божию, заповедь св. Апостолов, заповедь Церкви Святой. Пусть будет наше пощение во умерщвление страстей наших, как епитимия за все наши грехи, и все да будет во славу Божию. Истинный пост есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголения, лжи и клятвопреступления, — сих оскудение, пост истинный есть и благоприятный. Аминь.

(Из "Слова в неделю сыропустную" святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

160. Что такое шестопсалмие

Как тяжело, как больно бывает видеть, что лишь только начнут на всенощной службе читать шестопсалмие, как богомольцы потянутся один за

другим из церкви... Куда? Да просто по монастырю побродить, где-нибудь посидеть, попрознословить... Да еще иной оправдывается: в церкви, говорит, душно, я устал, — пусть там читают шестопсалмие да кафисмы, а я пока отдохну... Но, друг мой! Для кого же будут читать в церкви шестопсалмие и кафисмы, если мы все уйдем отсюда? Хоть бы ты одно только подумал: ведь недаром же Церковь Православная положила повторять эти шесть псалмов неотложно на каждой утрени (кроме Пасхальной), недаром же она в своем уставе заповедала: "Читать шестопсалмие не спешно, протяжно, во услышание всех. Когда читается шестопсалмие, говорит устав церковный, тогда подобает нам со всяким вниманием прилежно слушать, ибо сии псалмы исполнены покаяния и умиления. Мы должны произносить их с благоговением и страхом Божиим, как бы беседа невидимо с Самим Богом, и молясь о грехах наших. В сие время отнюдь никто не смей шептать, плевать или кашлять, внимая словам Псалмопевца, держи руки сложенными у груди, наклони главу, а очи опусти вниз, взирая сердечными очами к востоку, и приводя себе на память смерть, будущую муку и жизнь вечную". Вот как заповедано читать и слушать эти дивные псалмы! Познай из сего, что они благопотребны для души твоей, что в них есть особенная сила благодатная, возбуждающая душу от сна греховного и смягчающая и согревающая сердце человеческое!.. А ты не хочешь прослушать их, ты бежишь от них, как от чего-то такого, что тебе так наскучило, что и слушать уж не стоит — лучше дескать отдохну, посижу, со знакомыми побеседую... Да читал ли ты когда-нибудь это шестопсалмие? Знаешь ли, что это за псалмы такие?.. О, если бы ты когда-нибудь, хоть раз в жизни (а наипаче тогда, когда тоска сдавит сердце твое, когда душа твоя будет томиться скорбью безотрадной, — ведь это и в жизни счастливица нередко бывает!) — если бы ты понудил себя прочесть эти псалмы в тиши уединения, не спеша, внимая умом и сердцем в каждое слово Богодухновенного Псалмопевца, прилагая эти слова к своему сердцу, как целительный бальзам!.. Вот тогда бы понял ты, почему Православная Церковь повторяет их каждый день при своем Богослужении, тогда бы ты опытом изведal, сколько утешений они могут доставить бедной, измученной в борьбе со грехом душе человеческой, какой благодатный елей проливают они на раны сердечные... Послушай например, как жалуется Богу скорбящий Псалмопевец на множество врагов своего спасения, — жалуется и у Него же ищет защиты и помощи, на Него Единого возлагает всю свою надежду: Господи! Как умножились враги мои! — говорит он. — Многие восстают на меня, многие говорят душе моей, склоняя ее к отчаянию: напрасно он на своего Бога надеется, нет ему спасения в Боге его!.. Но Ты, Господи, заступник мой, Ты — слава моя, Ты возносишь главу мою! Ложусь ли я, сплю или встаю — я знаю, что Господь защитит меня. С Ним я не боюсь многих тысяч (тем) врагов, которые со всех сторон ополчаются против меня... (Пс. 3) Трепещет душа грешная, помышляя о суде Божием, она чувствует всю глубину, в которую ниспала, всю виновность свою пред Господом и взывает к Нему: Господи! Не в ярости

Твоей обличай меня, не во гневе Твоем наказывай меня!.. Измучился я, не слажу с собою, — нет мира в костях моих от грехов моих; беззакония мои превзошли главу мою, как бремя тяжелое они тяготят меня; смердят, гноятся раны грехов моих от безумия моего; сгорбился я, совсем поник, весь день хожу печальный, я изнемог, весь разбит, кричу от терзания сердца моего... Господи! Пред Тобою открыты все желания мои, воздыхание мое не сокрыто от Тебя! Сердце мое трепещет, оставила меня сила моя и свет очей моих — и того нет у меня! Друзья мои искренние мои возгнушались мною и отступили от меня, ближние мои стоят вдали... А враги мои ставят сети мне, мои зложелатели говорят о моей гибели, замышляют против меня каждый день новые козни... Не оставь же меня, Господи Боже мой! Не удаляйся от меня! Поспешь на помощь мне, Господи Спаситель мой! (Пс. 37).

Можно ли трогательнее, живее, нагляднее изобразить страдание души кающейся, нестерпимые муки совести грешной? И как не повторять нам ежедневно этих горьких воплей Давидовых, чтобы хотя ими возбудить свою душу к покаянию?

После этого излияния великой скорби своей, душа устремляется к Богу всем существом своим: Боже, Боже мой, Тебя ищу и от ранней зари, Тебя жажду, по Тебе томится плоть моя... Милость Твоя лучше, нежели жизнь... О Тебе вспоминаю я на постели моей, о Тебе размышляю в ночные стражи. Ты — помощь моя, в тени крил Твоих я возрадуюсь (Пс. 62).

После краткого славословия Пресвятой Троице (Аллилуиа) слышится опять скорбный вопль кающегося грешника, подавляемого тяжестью грехов. Господи, Боже спасения моего! Днем вопию и ночью пред Тобою. Душа моя насытилась бедствиями, жизнь моя близка к преисподней. Я сравнялся с нисходящими в могилу, я стал как человек без силы, брошенный между мертвецов... Око мое истомилось от горести, весь день я взываю к Тебе, Господи, простираю к Тебе руки мои... Для чего, Господи, скрываешь лицо Твое от меня? Я несчастен и истаиваю с юности; несу ужасы Твои и изнемогаю... Надо мною прошла ярость Твоя: устрашения Твои сокрушили меня... Да внидет пред лицо Твое молитва моя, приклони ухо Твое к молению моему (Пс. 87). — Покаянная молитва облегчает душу грешную; человек чувствует утешения благодати Божией в своем сердце и вот в новом псалме изливает он хвалу Господу, призывая в то же время к славословию Его всякое создание: Благослови, душа моя, Голода, и вся внутренность моя — святое имя Его. Он прощает все беззакония твои, исцеляет все недуги твои... Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив... Как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его. Он знает состав наш, помнит, что мы — перст. Дни человека — как трава; как цвет полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер и нет его, и место его уж не узнает его... Благословите Господа все Ангелы Его, благословите Его все дела Его... (Пс. 102). — Но и после покаяния, после благодатного примирения с Богом душа трепещет суда Божия, чувствует крайнюю нужду в благодатной помощи Божией и взывает: Господи! Не вниди в суд с рабом Твоим! Враг преследует

меня на каждом шагу, он втоптал в землю жизнь мою, принудил меня жить во тьме и унывает во мне дух мой, немеет во мне сердце мое... К тебе стремлюсь я, как земля жаждущая, — скоро услышь меня, Господи; дух мой изнемогает, не скрывай лица Твоего от меня... Укажи мне, Господи, путь, по которому мне идти, научи меня исполнять волю Твою, Дух Твой благий да ведет меня в землю правды. (Пс. 142). Шестопсалмие оканчивается опять троекратным славословием: Аллилуиа!

Справедливо один благочестивый писатель назвал сии псалмы размышлением кающегося грешника у яслей Христовых. И в самом деле: они начинаются славословием Ангелов при рождении Христа Спасителя: «слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение». Мудрые уставы Православной Церкви предписывают на время чтения этих псалмов по всей церкви гасить свечи, за исключением очень немногих, — дабы молящийся мог лучше углубиться в самого себя, и в беседе с Богом не развлекаться ничем посторонним; и этот-то полумрак, это глубокое молчание, которое так строго заповедуется уставом церковным при чтении шестопсалмия, живо напоминает верующим тишину той ночи, когда в вертепе Вифлеемском родился Спас миру — Христос...

Так вот каково наше шестопсалмие, вот какова эта дивная, неподражаемая шестерица псалмов! Они могут тронуть самое огрубелое сердце, могут смягчить самую черствую душу, лишь бы только человек открыл им доступ к своему грешному сердцу. И такие-то псалмы нам не хочется слушать, и от них-то мы готовы убежать из храма Божия!.. Что же после этого сказать о нашей лености, о нашем бесчувствии и нерадении? О, как часто нужно бы нам повторять молитвенное воззвание, которым оканчиваются сии трогательные псалмы: Господи! не вниди в суд с рабами Твоими, ибо не оправдывается пред Тобою никто — никто из живущих!...

161. Вселенские Соборы

Люди — не ангелы; они всегда склонны погрешать в своих суждениях, и как бы ни была верна и ясна истина, всегда найдутся такие, которые перетолкуют ее по-своему — ложно. Святые Апостолы проповедали всему миру одно и то же Божественное учение Христово, но еще при жизни их среди христиан стали появляться уже разные самозванные учителя, а впоследствии времени число этих лжеучителей очень умножилось. Один худо понимал учение Святых Апостолов, другому оно показалось не вполне верным, третий хотел показать свое звание, и вот каждый из них принимался по своему толковать и Священное Писание, и учение Церкви Православной, как кому на ум пришло, как кому нравилось. Своими толками они смущали верующих и многих увлекали в свои заблуждения, — надобно было заградить уста сим лжеучителям; нужно было изложить ясно и точно учение святой веры, чтобы каждый знал, как должно веровать, как отличить истину от ложных мудрований еретических. Кому же подобало взяться за это

великое дело? Конечно тем, кому Самим Господом поручено хранить свято и неповрежденно святое учение веры, кому сказано: «проповедуй слово, настой благовремение и безвременне, обличи, запрети, умоли» (2 Тим. 4; 2), — пастырям Церкви, которых Сам Дух Святой поставил епископами, «пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровию Своею» (Деян. 20; 28). И действительно, епископы — пастыри Церкви Христовой не раз собирались с этою целью со всей вселенной, то есть по возможности отовсюду, где только были церкви христианские, и составляли Вселенские Соборы. Обыкновенно это происходило так: когда являлись какие-либо лжеучителя, когда возникали какие-либо споры между христианами насчет истин веры, то предстоятель Церкви, епископ или Патриарх, доводил о том до сведения благочестивого императора греческого. Император посылал объявление по всей своей империи и в другие царства, с приглашением, чтобы епископы и другие пастыри Церкви собрались в тот город, где назначено быть собору. Верховные пастыри Церкви, иногда взяв с собою пресвитеров и диаконов, которые лучше других знали учение веры и отличались святою жизнью, собирались, и, помолившись Богу, начинали рассуждать, как и где сохранялось неповрежденно учение Святых Апостолов о той истине веры, о которой спорили лжеучители, и когда, наставляемые Духом Божиим, все были согласны в решении, то записывали это на бумагу, подписывались и объявляли это за истинное учение Святого Духа. Таких Вселенских Соборов или просто сказать — собраний было семь. Первый Вселенский Собор создан был в городе Никее в 325 году Равноапостольным Императором Константином против Ария, который нечестиво учил, что Иисус Христос не есть Сын Божий прежде веков рожденный от Отца. Святых Отцов на сем Соборе было 318. — Второй Вселенский Собор создан был в Константинополе, в 381 году, при Императоре Феодосии Великом, против Македония, который нечестиво учил, что Дух Святой не есть Бог, а только сотворенная сила. Святых Отцов было 150. На сих первых двух соборах составлен Символ Православной Веры, или то, что мы попросту называем: "Верую"... Третий Вселенский Собор был собран в городе Ефесе, в 431 году, при Феодосии Втором, против Нестория, который дерзнул учить, будто Иисус Христос родился простым человеком, и только после сделался Богоносцем. Этот еретик не хотел называть Матерь Божию Богородицею, а звал Ее только Христородицею. Святых Отцов в сем соборе было 200. — Четвертый Вселенский Собор был в городе Халкидоне, в 451 году, при Императоре Маркиане, против Евтихия и Диоскора, которые нечестиво учили, что Иисус Христос, будучи Богом, не имел истинного человечества. Отцов на сем соборе было 630. Пятый Вселенский Собор был в Константинополе, в 553 году, при Императоре Иустиниане; на нем осуждены некоторые сочинения, написанные в защиту лжеучения Нестория, и ересь Оригена, отвергавшего вечность будущих мучений. Отцов было 165. Шестой Вселенский Собор собран был тоже в Константинополе, в 680 году, при Императоре Константине Погонате, против еретиков, которые нечестиво

учили что Иисус Христос не имел воли человеческой, а только одну волю Божественную. Отцов было около 170. Наконец, Седьмой Вселенский Собор был собран там же, где и первый, в городе Никее, в 788 году, при Императоре Константине и матери его Ирине, против иконоборцев, которые безумно называли святые иконы идолами и не хотели почитать их. Святых Отцов было 367. Итак, на Вселенских Соборах собиралась в лице епископов вся Церковь Вселенская, ибо где епископ, там и врученная ему Церковь, как говорит святой Киприан: "Кто не в общении с епископом, тот и не в Церкви". Значит, учение Вселенских Соборов есть учение всей Церкви Божией, сущей на земле. А сия Вселенская Церковь никогда не может погрешать или заблуждаться в учении веры: она есть «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3; 15); ей дано великое обетование Господа: «на камени созижду Церковь Мою и врата адава» — то есть никакие усилия врагов Церкви, никакие ложные мудрования человеческие — «не одолеют ей» (Мф. 16; 18). Посему и учение святых Соборов Вселенских есть непреложная, непогрешительная истина, а следовательно, кто не приемлет учения, в постановлениях сих святых Соборов изложенного, тот отвергает учение всей Святой Церкви, и к нему во всей строгости относится грозное прещение Господа: «аще же и Церковь преслушает (брат твой), буди тебе яко язычник и мытарь» (Мф. 17; 18). Кто не признает святых семи Соборов Вселенских, тот не повинуется Церкви, а кто не слушается Церкви, тот не слушается Самого Господа Иисуса. Мы веруем и исповедуем, что Господь Иисус, как Глава Церкви, и Сам невидимо присутствовал на святых Соборах; ведь Он Сам благоволил обетовать: «се аз с вами есмь во вся дни до скончания века» (Мф. 28; 20): как же можно допустить, чтобы Он оставлял учителей веры только в те дни, когда они собирались на святые Соборы, когда они особенно нуждались в Его благодатной помощи и вразумлении? Он Сам обетовал: «идеже еста два или трие собрали во имя Мое, ту есмь посреди их» (Мф. 18; 20): как же могло быть, чтобы не присутствовал Он на Соборах Вселенских, куда собирались не два, не три, а целые сонмы пастырей, по возможности со всего мира, и собирались именно во славу имени Его, для защищения святой веры Его, для устройства и утверждения Церкви Его и ради вечного спасения душ, искупленных Его бесценною Кровью? «аз умолю Отца, говорит Он, Господь наш, и инаго Утешителя даст вам, да будет с вами в век: Той наставит вы на всяку истину» (Ин. 14; 16,16; 13), когда же всего нужнее было сие наставление на всякую истину от Духа истины, как не на Вселенских Соборах? И святые Отцы, собиравшиеся на святых Соборах, ясно исповедали, что среди них незримо присутствовал Господь Иисус, в знамение чего полагали на особом возвышении Святое Евангелие, и постановления свои, по примеру Собора Апостольского, начинали словами: «изволися, Святому Духу и нам» (Деян. 15; 28). Вот почему и мы веруем в непогрешимость святых семи Вселенских Соборов, благоговейно внимаем их учению, не позволяя отлагать или изменять в них ни единого слова, и вместе с святым Амвросием исповедуем, что нас не может отлучить от них ни меч,

ни смерть. Семь Вселенских Соборов для нас — по выражению Церкви — суть семь непоколебимых столпов, на которых незыблемо утверждена истина святой Веры нашей Православной против всех ересей.

162. Не божись понапрасну

Был один ученый муж, который всю жизнь свою изучал светила небесные; чем больше он занимался своею наукой, тем больше удивлялся дивной премудрости Божией, — небеса поведали ему славу Божию, и он, пораженный величием и всемогуществом Творца вселенной, никогда не позволял себе произносить священнейшее слово Бог иначе, как стоя и непременно с открытою головою. Вот, братие, пример, достойный самого усердного подражания! Вот как свято надобно чтить святейшее Имя Божие!

Не приемли, не произноси Имени Господа Бога Твоего всуе (Исх. 20; 7) — это третья заповедь Божия. Свято и страшно имя Его (Пс. ПО; 9); не очистит Господь приемлющаго Имя Его всуе (Исх. 20; 7). Не клянитесь Именем Моим в неправде, и да не оскверните Имене Святаго Бога вашего (Лев. 19; 12). Это говорит Сам Господь Бог. И прииду к вам с судом, и буду свидетель скор... на клянущихся Именем Моим во лжу (Мал. 3; 5) — вот угроза Его на всех нарушителей Его святой заповеди!

Слово Божие — чистое зеркало: посмотрим же, друзья мои, в это зеркало на самих себя. Помним ли мы сии страшные заветы Божии? Почитаем ли святое и страшное Имя Божие, как заповедано? Ведь больно подумать, не то, что уж говорить, возлюбленные! Зовем мы себя православными христианами, хорошо знаем, что нет на земле правее и спасительнее святой веры нашей православной; а на деле... не стыдно ли нам, что какие-нибудь евреи, которые и в Господа Иисуса Христа вовсе не веруют, — однако же исполняют третью заповедь Божию так, что и нам не грешно бы поучиться у них!.. Когда еврею нужно бывает в обычном разговоре произнести страшное Имя Господа (по-еврейски — Иегова), то он не произносит его, и вместо того, чтобы сказать например: "Иегова заповедал, Бог повелел", еврей говорит: "Он заповедал; Он повелел." Во времена ветхозаветные у евреев Имя Божие почиталось столь священным, что его писали на дощечках, и никому не позволялось носить эти буквы, кроме одного первосвященника. А у нас грешных... Поди ты по улице, по торговой площади, зайди ты в любой дом, загляни в лавки торговых людей, даже в корчемницы: где ты не услышишь страшного Имени Божия, всуе призываемого? — "Ей Богу! Клянусь Богом! Накажи меня Бог! Вот тебе Христос!" — и тому подобная божба слышится не только в обычных разговорах простых русских людей, но — и сказать страшно! — даже в шутках, в празднословии, в беседах непристойных! Иной лжет, заведомо лжет, пустяки говорит, чтоб только собеседников потешить, а сам чуть не к каждому слову приплетает: "Ей Богу, видит Бог!" и подобное. И его охотно слушают, будто так и следует быть; и никто не остановит безумца, никому и

дела нет до того, что все они, его слушатели, делаются участниками в страшном грехе напрасной клятвы Именем Божиим! А говорить ли о наших торговых людях?.. Иной тысячу раз готов поклясться, лишь бы только с рук сбыть свой залежалый товар, лишь бы обмануть покупателя... Что ему за дело до того, что он не только обманывает ближнего, но — боюсь, братие и говорить — Самого Господа Бога зовет он в поручители обмана своего, — Его, Судию Праведного, хочет сделать участником неправды своей!.. Что же думать о тех несчастных, которые не только сами клянутся, но и других заставляют делать то же, и другим говорят: "А ну-ка, побожись!" — И слушают все это дети малые, и нравится им это слово страшное, и перенимают они его у больших, и вот, еще не умея отличить своей правой руки от левой, среди игр и забав, и они уже божатся, и их детские уста шутят — конечно, без сознания — страшным Именем Божиим! — Сего Имени боятся и трепещут все Силы небесные, его со страхом произносят Херувимы и Серафимы, когда славословят и воспевают Господа, а ты осмеливаешься дерзновенно призывать сие Имя даже в шутках и праздных беседах твоих, — даже тогда, когда обманываешь ближнего? "Или не боишься, — скажу словами преподобного Ефрема Сирина, — что огненный серп, виденный Пророком Захариєю (Зах. 5; 4), вселится в доме твоём, и потребит тебя и весь дом твой за то, что на Бога Вседержителя ты отверзаешь уста свои? Или ты думаешь, что останешься ненаказанным? — Перестань, человек, чтобы это самое слово, которым пренебрегаешь ты, не сделалось пламенем в устах твоих и не сожгло языка твоего! Ты и в мысли не держишь, что внезапно может развернуться под тобою земля и поглотить тебя? Не обманывайся, человек: невозможно избегнуть из рук Создавшего нас!" (Ефрем Сирин, ч. 2. поуч. 43). "Страшное дело; — говорит святой Иоанн Златоуст, — слуга не смеет назвать господина своего по имени без нужды и как случилось, а мы Имя Господа Ангелов произносим с такою небрежностью! Христос так щадит нас, что запрещает нам клясться даже собственною головою, а мы до того не щадим славы Господа, что всюду влечем Его! Ты червь, земля, пепел и дым, влечешь к поручительству Владыку своего и принуждаешь Его быть поручителем! Какая дерзость!... Какого же не достоин ты наказания? Но можно ли, скажешь, совсем не клясться? Что ты говоришь, возлюбленный? Бог говорит: «не клянитесь всяко», — и ты смеешь спрашивать: можно ли соблюсти сию заповедь? Невозможно не соблюсти ее! Не говори мне, что тебе не поверят без клятвы: если бы ты никогда не лгал, то лишь только сделал бы ты знак, и тебе поверили бы больше, нежели тем, которые произносят тысячи клятв. Пусть все знают, что ты скорее согласишься все потерять, чем преступить закон Божий, и тогда не станут принуждать тебя. Но ты говоришь: я привык божиться, язык сам повторяет слова клятвенные... На это я тебе вот что скажу: один ученый имел глупую привычку, идучи, беспрестанно подергивать правым плечом; ему заметили это, и он стал класть на оба плеча острые ножи, и страхом раны отучил этот член от неуместного движения. Сделай то и ты с языком; вместо ножа наложи на

него страх наказания Божия, проси других, чтобы следили за твоими речами и вразумляли тебя, и Бог даст — ты бросишь худую привычку свою; и будешь бояться клятвы, как боишься ты яда". (Златоуст в беседах на Деян. 2, 8, 10, 11, 12; на Мф. 17; на низв. ст. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14). Так поучает святой Иоанн Златоуст. — Но если так, скажешь ты, то как же гражданские законы предписывают клятву в присяге? — Присяга, друг мой, совсем, другое дело. Бывают случаи, когда нет возможности удостовериться в истине иначе, как посредством клятвы, а без сего удостоверения может произойти большой вред для государства и общества. В таких важных и необходимых случаях, — и то не по своему произволу, а по требованию законной власти, — и слово Божие не запрещает с должным благоговением употреблять клятву и присягу. Апостол Иоанн Богослов говорит, что один Ангел, которого он видел в откровении, «поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков» (Апок. 10; 6), то есть Самим Богом. Если бы всякая клятва была запрещена Богом, святой вестник воли Божией не стал бы клясться Именем Божиим. Апостол Павел во втором послании к Коринфянам выражается так: «Бога призываю во свидетеля на душу мою» (2; 23). Апостол, конечно, знал заповедь Спасителя «не клятися всяко»: но он вот не избегал клятвы Именем Божиим, значит, заповедь Спасителя он относил к обычным житейским разговорам, а не к таким важным случаям, когда необходимость требует утвердить истину клятвою. И действительно, в другом своем послании Апостол не осуждает клятвы, когда говорит: «люди клянутся высшим, и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их. Посему и Сам Бог, желая преимущественнее показать наследникам обетования непреложность Своей воли, употребил в посредство клятву» (Евр. 6; 16-17), «и как не мог никем клясться, клялся Самим Собою» (13). «Мною клянусь», говорит Господь (Быт. 22; 16). А в книге Второзакония есть даже прямая заповедь о клятве: «Господа Бога твоего бойся и именем Его клянись» (6; 13). Ясно, что клятва — дело святое, дело великое, но потому-то и должно употреблять ее с великим благоговением, и притом только тогда, когда сего потребует законная власть. А наша обычная божба есть тяжкий грех: «не очистит Господь приемлющего Имя Его всуе» (Исх. 20; 7). «Муж кляныйся исполнится беззакония, и не отступит от дому его язва» (Сир. 23; 11)!

163. Как учит о посте Священное Писание

Что такое пост? — Пост есть произвольное воздержание от всякого наслаждения. Говорим — произвольное потому, что воздержание поневоле, например, от скудости, или по болезни, или же по тщеславию, — такое воздержание нельзя назвать постом, ибо оно происходит от нужды, а не по доброй воле. Пост заповедан Самим Богом: еще в раю заповедал Господь Бог человеку, говоря: «от всякого древа в саду ты будешь есть; а от древа познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от

него, смертью умрешь» (Быт. 2; 16,17). В книге Пророка Иоиля говорит Господь: «обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании» (2; 12). В книге Товита говорится: доброе дело — молитва с постом и справедливостью (12; 8). И действительно, ветхозаветные праведники нередко постились: так Моисей провел сорок дней и ночей на Синае в самом строгом посте: «хлеба, - сказано, - не ел и воды не пил» (Исх. 34; 28). Давид говорит о себе: я одевался во вретисце, «изнурял постом душу мою» (Пс. 34; 13); «колена мои изнемогли от поста, и тело мое лишилось тука» (108; 24. Читай еще: 2 Цар. 3; 35, 2 Цар. 12; 16). Пророк Илия постился также сорок дней (3 Цар. 19; 8). Постились: Ездра (2 Ездр. 8; 49,50), Неемия (1; 14) Даниил (10; 2, 3), постился весь народ Израильский (Суд. 20; 26, 1 Цар. 7; 6, 31; 13, Иудиф. 4; 9-13, Есф. 4; 16, Иер. 34; 9), постились Ниневитяне (Ионы 3; 5). Вот как много примеров поста еще в Ветхом Завете! Неужели мы отстанем от ветхозаветных праведников в этой добродетели? Ведь все это, по слову святого Апостола Павла, происходило с ними, как образы: а описано в наставление нам, достигшим последних веков (1 Кор. 10; 11). Да и Сам Иисус Христос указывает на Ниневитян, как на образец всем кающимся: «Ниневитяне, - говорит Он, - востанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покались от проповеди Иониной; и вот, здесь больше Ионы» (Мк. 12; 41). Правда, Христос Господь освободил нас от ига ветхозаветного обрядового закона, но пост Он освятил для нас примером Своим (Мф. 4; 2), и наряду с наставлениями о том, как творить милостыню (5; 1-4), как молиться (5; 5-13), прощать обиды (5; 14,15), дал наставление и о том, как должно поститься: «когда поститесь, - говорил Он, - не будьте унылы, как лицемеры: ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лицо твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6; 16-18). В сих словах Спаситель не только учит, как поститься, но обещает постящемуся и награду от Отца Небесного, — значит, пост есть дело святое и Богу угодное. Когда ученики Иоанновы спрашивали Господа: почему Его ученики не постятся? Он не стал осуждать поста, а сказал только, что им не пришло время поститься, а «приидут дни, когда отнимется у них Жених», — то есть, когда Господь не будет более видимо пребывать с ними, — «тогда и они будут поститься» (Мф. 9; 14,15). Апостолов Своих Господь поучал изгонять бесов молитвою и постом (Мк. 9; 29): значит пост, совершаемый по заповеди Божией во смирении, имеет благодатную силу даже изгонять бесов. — Из книги Деяний Апостольских мы видим, что, по вознесении Иисуса Христа на небо, святые Апостолы действительно постились, и постились именно в таких важных случаях, когда имели особенную нужду в благодатной помощи Божией. Так, когда в Антиохии Варнава и его сотрудники служили Господу и постились, Дух Святый сказал: «отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их. Тогда они, - повествует святой Лука, - совершив пост и молитву, и возложив на них руки,

отпустили их» (Деян. 13; 2, 3) Варнава и Павел, говорится далее, рукоположив пресвитеров в каждой церкви, «помолились с постом» и предали их Господу (14; 23). Видите: пост и молитва повсюду неотлучно сопутствуют святым Апостолам и укрепляют их в подвиге проповеди Евангельской. Значит, пост даже святые Апостолы почитали необходимым для себя: как же нам грешным обойтись без него? Апостол Павел говорит как о себе, так и о других Апостолах: «мы во всем являем себя, как служители Божии, — в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах: под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах» (2 Кор. 6; 4, 5). Значит, пост есть добродетель, необходимая для служителя Божия, для всякого верующего во Христа, — наравне с терпением и трудами. — «Много раз, — говорит Апостол, — был я в путешествиях... в труде и изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе» (2 Кор. 11; 27). Тут Апостол ясно отличает голод и жажду — то есть пощение поневоле — от произвольного поста. «Усмиряю и порабощаю тело мое», говорит он в другом послании (1 Кор. 9; 27). Умерщвляю, говорит, то есть постом, как толкует святой Иоанн Златоуст. Это то же самое, о чем говорит и Псалмопевец: «я изнурял постом душу мою» (Пс. 34; 13), — «колена мои изнемогли от поста» (108; 24). Значит, и такие святые люди, как Апостол Павел, не могли обойтись без поста: чем же мы, грешные, обуздаем свою плоть с ее похотями, если не будем поститься? Как конь без узды носит всадника по своему произволу и может сбросить его в пропасть, так и для плоти, если не сдерживать ее постом, открыты ворота во все стороны; потому что нет узды, удерживающей от пути беззакония и направляющей на путь правды. — Апостол Павел пишет к Тимофею: «впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина и ради желудка твоего и частых твоих недугов» (1 Тим. 5; 25). Значит, Апостол Тимофей вкушал вино не иначе, как по совету или по приказанию своего учителя Апостола Павла. Святой Григорий Назианзин, в слове о нищелюбии, пишет о святом Апостоле Петре, а Климент Александрийский, в книге "Педагог", о святом Евангелисте Матфее, что они питались только семенами хлебными. Апостол Иаков всю жизнь свою воздерживался от мяса и вина, как пишет Евсевий Кесарийский в своей церковной Истории (кн. 2, гл. 22). Апостол Павел, обличая соблазнительей, говорил: «лучше вовсе не есть мяса и не пить вина», чем соблазнить немощного брата (Рим. 14; 21). Точно так поступал он и сам: если пища, говорит он, соблазняет брата моего, «не буду есть мяса во век» (1 Кор. 8; 13), хотя и хорошо знал, что «входящее в уста не оскверняет человека, а исходящее из уст» (Мф. 15; 11). Историк Евсевий (в гл. 17) рассказывает об учениках Святого Евангелиста Марка, что они принимали пищу только к вечеру, а мяса и вина совсем не употребляли. Значит, еще святые Апостолы установили различие в пище. Апостольский собор в Иерусалиме, например, вовсе запретил употреблять в пищу «кровь, удавленную и идоложертвенное мясо» (Деян. 15; 29). А из слов святого Апостола Павла: «не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и

молитве» (1 Кор. 7; 5), — из сих слов можно видеть, что во дни Апостолов у христиан были определенные времена для поста. И действительно, уже святой Игнатий Богоносец упоминает о четырехдесятнице; о ней же свидетельствует 69-е правило Апостольское. Святой Епифаний пишет, что в его время многие вовсе не ели мяса, а в течение страстной седмицы питались только смоквами, и то в малом количестве. А первый Вселенский Собор уже говорит о святой четырехдесятнице как об установлении всем известном. Если же при Апостолах были назначены особенные времена для поста, то в чем же состоял самый пост? Скажут: в воздержании от излишества в пище; но ведь такой пост для всех обязателен и всегда; древние христиане, наипаче же сами святые Апостолы такой пост всегда строго и соблюдали; зачем же им было назначать для сего поста еще особое время? Ясно, что Апостол говорит о таком посте, когда верующие воздерживались не только от излишества в пище, но и от известных снедей, на время Церковью запрещаемых. И так Святая мать наша Церковь Православная достойно и праведно содержит святые посты, почитая их Апостольским установлением.

164. Воздыхание грешной души у Креста Христова

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, второй Адаме, преданный в руки врагов и связанный в вертограде Гефсиманском за первого Адама, согрешившего в райском вертограде! — Молюся Тебе, свяжи меня любовью Твоею так крепко, чтобы я готов был лучше умереть, нежели каким-либо грехом оскорбить Твое человеколюбие!

Пред Каиафою, лжелюбивым архиереем, слышавший ложные свидетельства и терпеливо перенесший их, без всякого пререкания, подобно агнцу безгласному, Господи Боже! — Молюся Тебе, даруй мне молчание и терпение причиняемых мне обид, да не обретается лесть и ложь в устах моих!

В воспоминание того, как мучители, ударявшие Тебя в ланиту, закрывали пресвятое лицо Твое, Всевидящий и Всеведущий! — Покрый прощением грехи мои, да не покроет меня вечный стыд, когда я предстану лицу Твоему!

Обвиненный сонмом иудейским в богохульстве и нарушении покоя общественного, поруганный, уничиженный и наконец вверженный в темницу, Свете незаходимый! — Молюся Тебе, по отшествии моем в жизнь вечную избави душу мою от темницы геенской!

Связанный иудеями и приведенный к Понтийскому Пилату, который не нашел в Тебе ни одной вины, Виновник спасения нашего! — Сохрани меня во всей жизни сей так, чтобы в час смерти ни одной вины не нашел во мне враг души моей!

От Пилата приведенный к Ироду, поругавшемуся над Тобою, несозданная Премудрость, и облекшему Тебя в светлую ризу — соблюди

меня от поругания невидимых врагов и облеку в ризу нетления по смерти моей!

Возвращенный от Ирода и на пути претерпевший многие озлобления, биение и язвы, Создатель всей твари! — Молюся Тебе, ради сих бесценных и всецелбных язв Твоих прости все грехи мои и сохрани меня от всякого уязвления вражеского!

Создавший солнце и огонь в согревание земнородным, во дни страданий Своих обнаженный мучителями, Ты Сам подвергся действию хлада, в суровое зимнее время, Владыко Человеколюбче! — Молюся Тебе, согрей сердце мое, хладное к добродетели, теплотою, сошедшего в виде огня Пресвятого Твоего Духа!

Терновый венец и многие кровавые язвы, причиненные им, носивший на пресвятой главе Своей! — Молю человеколюбие Твое, да не буду уязвлен острым тернием страстей моих и да истребится терние грехов на nive окамененного сердца моего!

Приявший в десницу Свою трость, данную Тебе в поругание от иудеев, Господи Иисусе, одесную Бога Отца сидящий! — Изглади сею тростию рукописание бесчисленных согрешений моих, да стану одесную в славе Твоей и прославлю Тебя во веки!

Претерпевший тяжкие удары по святым членам божественного тела Твоего! — Молюся Тебе, укрепи меня всеильно десницею Твоею, дабы я переносил с терпением удары несчастья и всякую печаль и тяготу временную!

Приведенный вторично пред судилище Пилата, который осудил на смерть Тебя, сидящего на Херувимах и судящего живых и мертвых! — Молюся Тебе, дай мне память смертную, дабы я всегда был готов предстать на страшный и праведный суд Твой и не осуди меня тогда по делам, но спаси по великой Твоей милости!

Когда Пилат произнес смертный приговор на Тебя, Податель жизни и Источник бессмертия; тогда жестокосердые иудеи, возложивши крест на простые Твои рамена, повели Тебя, вмененного с беззаконными, на смерть вместе с двумя злодеями. — Молюся Тебе, Сыне. Божий, сохрани меня от злодейства невидимого врага, который, как тать, различными искушениями подкапывает храмину души моей; да не похитит он у меня сокровища вечных благ, кои Ты уготовал любящим Тебя!

Под тяжестью креста падший на землю и приявший новые удары от немилосердых иудеев, многомилостивый Господи! Повергаюсь к пречистым стопам Твоим и молюся Тебе, воздвигни меня, падшего под бременем грехов моих, и соблюди душу мою впредь от всякого падения!

Плюновением Своим давший прозрение слепорожденному, и пред распятием обещенный от иудеев мерзостным плюновением в Пресветлое лицо Твое, честнейший всех чинов Ангельских Господи Иисусе! — Укрепи меня Твоею помощью, дабы я всегда с омерзением пренебрегал все вражеские злоухищрения, искушения и вожделения плотские!

Приведши на гору Голгофскую, жестоковыйные иудеи простерли на кресте Тебя, простирающего небо яко кожу, немилосердно пригвоздили пресвятыя руки и ноги Твои к древу крестному, пересчитали, по выражению Пророка, все кости Твои (Пс. 21; 18) и причинили божественной плоти Твоей лютейшую болезнь и жесточайшие страдания. Молюся Тебе, неповинный Страстотерпче, ради болезни Своей исцели всякую болезнь души моей, и спаси меня ради преславных и животворных страданий Твоих!

Вознесенный от земли на кресте, подобно тому, как Моисей вознес змию в пустыне, превозносимый Царь неба и земли! К Тебе умиленно вопию: возвыси и вознеси ум мой, дабы я всегда помышлял о небесном и делал только то, что благоугодно Тебе!

Тяжкие вздыхания, слезные капли и токи крови при крестной смерти изливавший, многомилостивый Владыко! — Излей на меня поток милосердия Твоего, даруй мне сердечные вздыхания и очистительные слезы о грехах моих, паче же слезами и честною кровью Твоею очисти и омой прокаженную душу мою!

Наг вознесенный на крест, между двумя разбойниками повешенный, желчи и оцта вкусивший, Иисусе сладчайший! — Покрый милосердием Твоим наготу души моей, избави меня от соучастия с беззаконниками и сохрани от затворной горести греха!

Творец души и тела моего! Ты ради меня пострадал всею душою и всеми телесными чувствами Твоими: осязанием от биения и уязвления пречистой плоти Твоей; вкушением от напоения оцтом, с желчью смешанным; обонянием от тлетворного дыхания злодеев и мучителей, окружавших Тебя в темнице и на Голгофе; слухом от лжесвидетельства, поругания и хуления неблагодарных иудеев; видением от пролития горьких слез и болезненного воззрения на пречистую Матерь Свою, стоявшую при кресте и в тяжелой скорби терзавшую сердце свое. Человеколюбче Господи! Прости мне, окаянному, все согрешения, содеянные душевными и телесными чувствами моими ради честного и спасительного страдания Твоего!

Источник бессмертия, претерпевший крестную смерть в час девятый! Молюся Тебе ныне, даруй мне по смерти моей жительство там, где хвалят и славословят Тебя девять чинов Ангельских. Приими от меня, недостойного, как жертву непорочную, воспоминание Твоих неизреченных страданий, приими приносимые Тебе о нас молитвы всесвятой Девы, Матери Твоей, возлюбленного друга и ученика Твоего Иоанна Богослова, святой равноапостольной Марии Магдалины и прочих предстоящих кресту Твоему на Голгофе!

(Из сочинений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

165. Богослужение Великой Субботы

Когда Господь наш Иисус Христос почил мирным сном смерти в уединенном саду Иосифа, то в священный день субботы никто не дерзал нарушать святейшего покоя Его. Сами любвеобильные Мироносицы жены в субботу «умолчаша по заповеди» (Лк. 23; 56). Но не молчит ныне святая Церковь, вспоминая эту великую субботу суббот, — беспримерную во всей истории мира: источая слезы любви и благодарности к Положившему душу Свою за спасение мира, к гробу Его созывает она в песнях своих и небо и землю, и Ангелов и человек.

Церковные песнопения в этот день начинаются с самого глубокого утра и продолжаются целый день так, что последние песни Великой Субботы сливаются с первыми звуками торжественного: «Христос воскрес».

Утреннее Богослужение, после обыкновенных псалмов, начинается песнопениями, посвященными воспоминанию снятия с креста и погребения Господа. Вместо ароматов и плащаницы, коими благочестивые Иосиф и Никодим послужили усопшему Господу, Церковь приносит теперь ко гробу Его трогательную надгробную песнь, которая поется собором священнослужителей пред лежащею среди церкви плащаницею. Сия песнь состоит из 176 тропарей, из коих каждому предшествует один из стихов 118 псалма. Вслед за сим, пред тем же гробом Спасителя, среди церкви, поется канон Великой Субботы. Кому не известны прекрасные ирмосы, сложенные благочестивою женою Кассиею: "Волною морскою скрывшего древле" и проч.? — Кроме ее, в составлении сего канона потрудились два епископа: знаменитый певец Христианской Церкви Косма Маюмский и Марк Идрунтский. Особенно трогательны стихиры, которые поются на хвалитех: "Днесь содержит гроб Содержащего дланию тварь; покрывает камень покрывшего добродетелью небеса; спит живот, и ад трепещет, и Адам от уз разрешается". "Приидите, видим живот наш во гробе лежащ, да во гробех лежащие оживит..." Но самая торжественная минута заутрени в Великую Субботу наступает после великого славословия. Священнослужители в полном священном облачении, при звоне колоколов и печальном пении: «Святый Боже», поднимают плащаницу и чрез царские двери вносят ее во святой алтарь, где полагают ее на несколько времени на престоле в знамение того, что Господь, распятый и погребенный плотью, никогда не разлучается по Божеству от Отца. Из алтаря она выносится опять в церковь, и в сопровождении всех верных обносится вокруг храма. Этот священный обряд сам собою возводит мысль к тому времени, когда благообразный Иосиф, с древа сняв пречистое тело Господа, переносил его вместе с Никодимом и другими лицами с Голгофы в свой уединенный сад. Но тогда Иосиф, погребая Господа, погребал вместе с Ним и надежду увидеть опять любимого Учителя, теперь Церковь над гробом Спасителя торжественно исповедует свою надежду не только на восстание Господа, но и на воскресение всех верующих в Него, что и было предызображено в таинственном видении Пророка Иезекииля. (Иез. 37; 1-14). После чтения сего пророчества тайна страданий и смерти Христовой раскрывается в чтении из посланий Апостола

Павла (Гал. 3; 13-14; 1 Кор. 5; 6-8) и утреннее Богослужение заключается повествованием Евангелиста Матфея о запечатании гроба Христова и приставлении стражи к нему.

На литургии Великой Субботы святая Церковь уже как бы предчувствует близкое воскресение Христова, а потому ее песни славят уже или всемогущее нисшествие Господа во ад, или Его дивное воскресение из мертвых. — Литургия в этот день совершается — Василия Великого. После стихир на Господи возвах, в которых Церковь так слышимо выразила стоны ада, поражаемого во главу Великим Потомком Евы, предлагаются пятнадцать чтений из Ветхого Завета, в которых заключаются или преобразования страданий, смерти и воскресения Христова, или же пророчества о наступлении благодатного царства Христова. Предлагаем здесь содержание чтений применительно к дню: Первое, — из книги Бытия (1; 1-13), показывает, что Почивающий плотью во гробе есть Слово Божие — Творец мира. Второе, — из Пророка Исаии (60; 1-16), возвещает о появлении славы Господней над Иерусалимом, к которому отовсюду стекаются цари и народы, поклоняясь самому месту, на котором стояли ноги Христовы. Третье, — из книги Исхода (12; 1-11), о заклании агнца пасхального, который был прообразом Спасителя. Четвертое, — из книги Пророка Ионы: на тридневное пребывание его во чреве китовом Сам Спаситель указывает, как на преобразование тридневного пребывания Своего в сердце земли (Мф. 12; 40). Пятое, — из книги Иисуса Навина (5; 10-15), о первой Пасхе в земле Ханаанской и прекращении манны по тому случаю, что Израильтяне в этот день вкусили уже от плодов земли обетованной. Эти события таинственно напоминают о прекращении всех ветхозаветных обрядов после того, как «наша Пасха за ны пожрен бысть Христос» (1 Кор. 5; 7) и Христиане причастились истинных новозаветных таинств. Шестое, — из книги Исхода (13; 1-31, 15; 1-19), о изведении Израильтян из Египта и чудесном переходе их чрез Чермное море под руководством Моисея, который был прообразом Спасителя, избавившего род человеческий из под власти диавола. Седьмое, — из книги Пророка Софонии (3; 8-15) об отвержении иудеев и о собрании новой Церкви из всех народов. Восьмое, — и девятое, — из 3-й и 4-й книги Царств (3 Цар. 17; 8-24, 4 Цар. 4; 8-37) о воскрешении Илиею сына Сарептской вдовы и Елисеем сына одной Самонской жены. Десятое, — из книги Пророка Исаии (61; 10,11, — 62; 1-5), который всю новозаветную Церковь призывает к веселию, потому что Сам Господь облакает ее в ризу спасения и обещает быть защитником и хранителем ее вовеки. Одиннадцатое, — из книги Бытия (22; 1-18), о принесении в жертву Исаака, который был прообразом Иисуса Христа. Двенадцатое, — из книги Пророка Исаии (61; 1-19) о великом посольстве на землю Сына Божия для благовествования нищим и исцеления сокрушенных сердцем, для проповедания плененным свободы и утешения плачущих, для возвещения лета Господня приятного. Тринадцатое, — из книги того же Пророка (63; 11-19, 64; 1-5) о истреблении врагов Христа от появления славы Божией.

Четырнадцатое, — из книги Пророка Иеремии (41; 31-34) о поставлении Нового вечного Завета с людьми на место Ветхого. Наконец пятнадцатое, — из книги Пророка Даниила (3; 1-24) о чудесном избавлении от огня трех друзей его.

В древней Церкви оглашенные, т.е. готовящиеся ко крещению, обыкновенно принимали в этот день крещение; оттого на Литургии в Великую Субботу читается Апостол о таинстве крещения. Вслед за сим чтением раздается над гробом Спасителя первая песнь Воскресения: «воскреси Более, суди земли, яко Ты наследилши во всех языцех!» При этом пении священнослужители меняют черные печальные ризы на светлые, и Церковь благоговейно внемлет потом благовествованию Евангелиста о воскресении Господа. Весьма трогательна песнь, которая поется вместо обыкновенной Херувимской песни. "Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет! Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися, и датися в снедь верным. Предходят же Сему лица Ангельские со всяким началом и властью, многоочитии Херувимы и шестокрилатии Серафими, лица закрывающе и вопиюще песнь: "Аллилуиа!"

По окончании Литургии бывает благословение хлебов, так как в древние времена, в обителях, в то же самое время начиналось чтение Деяний Апостольских, почему подвижники подкрепляли себя освященным хлебом на новые всенощные подвиги молитвенные. У нас это чтение начинается с наступлением вечера, но продолжается также всю ночь. Набожнейшие из Христиан считают обязанностью проводить всю эту ночь безысходно во храме при гробе Спасителя. Начало этого прекрасного обыкновения скрывается в самой глубокой древности. — В полночь оканчивается чтение Деяний Апостольских, и совершается полунощница с канонем Великой Субботы. С окончанием ее, священнослужители относят плащаницу в святой алтарь и полагают ее на престоле; над опустевшим гробом Спасителя раздается торжественная песнь: «воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах» и проч., и наступает — великий день Воскресения!

166. Магдалина у Гроба Христова

«Се тьма и рано, что у гроба стоиши, Марие?» (Стихира Евангельская).

Лишь только минула Великая Суббота, лишь только занялась ранняя заря светоносного дня Воскресения, «еще сущей тме» (Ин. 20; 1), спешат ко гробу Жизнодавца святые жены Мироносицы, и раньше всех — святая Мария Магдалина. Ни темнота ночи, ни пустынное одиночество загородного сада, где был погребен Господь, ни страшное соседство с этим садом Голгофы с ее крестами, мимо которых приходилось идти, шагая, быть может, чрез черепа казненных тут преступников (и само слово "Голгофа" значит череп), — ничто не остановило усердия неустрашимой жены, которая на этот

раз оказалась мужественнее самих мужей — Апостолов, вероятно остававшихся в то время в горнице сионской, где и двери были заключены «страха ради иудейска». Верно сказал Апостол любви, святой Евангелист Иоанн Богослов, что совершенная любовь «вон изгоняет страх» (1 Ин. 4; 18). Все опасности забыты; у Магдалины одна дума, одна забота: отдать последний долг Божественному Учителю, помазать святое тело Его уготованными ароматами, чего не успели сделать вполне Иосиф и Никодим в свое время, при погребении Господа. Она даже не думает о том, кто отвалит ей камень от двери гроба... Но вот и сад Иосифа Аримафейского: вот и скала, в недрах которой была иссечена пещера погребальная; Мария взглянула и — в изумлении остановилась... Что это значит?.. Камня нет на своем месте, вход в пещеру открыт... Итак, кто-то раньше ее уже побывал здесь, но — кто и зачем? Апостолы никуда не выходили еще из своего уединения, это она хорошо знала; уж не надумали ли жестокосердые иудеи поругаться над бездыханным телом ее возлюбленного Учителя и Господа? Эта мысль как острая стрела поразила ее любящее сердце, и вот она, не теряя времени, смущенная, бежит к Симону Петру и другому ученику, «его же любяше Иисус», и спешит поведать им нерадостную новость. «Взята Господа от гроба, говорит она, и не вем, где положиша Его». Встревоженные неожиданным известием Апостолы бегут ко гробу; не отстает от них и усердная ученица Христова. Осмотрев гроб, ученики уходят — Петр — в глубокой задумчивости, Иоанн — в сердечной уверенности, что Господь воскрес. Но Магдалина осталась у гроба. Зачем?.. Да куда же ей теперь идти, когда у нее отнято последнее утешение — еще раз облобызать пречистые стопы Ее Божественного Целителя и Учителя, еще раз смешать свои слезы с ароматами и излить их на Его пречистые язвы? О, какое лютное, нестерпимое горе переполняло теперь святую душу верной ученицы Христовой! С чем она придет к многоскорбной Матери Иисусовой? Что скажет в утешение Ей — Пренепорочной Агнице? И без того безмерно тяжела была скорбь Девы Матери, и без того лютное оружие проходило Ее святую душу, терзало Ее материнское сердце, — Магдалина ведь разделяла с Нею эту великую скорбь, она неотлучно была при Матери Иисусовой во все эти тяжкие дни Ее нестерпимых сердечных страданий, а что будет с нею, Препоблагословенною, когда Она узнает, что и тела Ее Божественного Сына враги не оставили в покое, что Она лишена даже и того малого утешения, коего не лишается самая несчастная в мире мать — сидеть и плакать у гроба, сокрывающего останки дорогого сердцу детища?.. Думы — одна другой безотраднее, чувства — одно другого горестнее, как мрачные облака облагали скорбящую душу Магдалины, и она решилась выплакать тут, у этого священного вертепа, в тишине уединенного сада, всю невыразимую горечь своего израненного сердца, — благо никого тут нет, никто ей не помешает, — и вот она стоит и горько-горько плачет!... «И якоже плакашися, - благовествует Евангелист, - приите во гроб. Приникла — наклонилась, быть может и не впервые наклонилась в пещеру, чтобы еще раз взглянуть на дорогое место,

«идеже бе лежало тело Иисусово», но где — увы, — теперь его не было! — «И виде два Ангела в белых ризах сидяща, одинаго у главы, и одинаго у ногу» — на смертном ложе Иисуса. Вся погруженная в свои скорбные думы, она вовсе не обратила внимания на то, откуда взялись эти светоносные юноши?.. Отчего в пещере так светло, когда и в саду еще все прикрыто полумраком раннего утра? Ее сердце тяжелым камнем давила одна неотвязная мысль: "Взяли Господа моего и не знаю, где положили Его!" Потому и на вопрос Ангелов: «Жено, что плачешься?» — она только и могла повторить все те же горькие для нее слова. «И сия рекши, обратися вспять — как бы невольно оглянулась назад, — и виде Иисуса стояща; и не ведяще, яко Иисус есть». Может быть, смущение и слезы мешали ей пристальнее взглянуться в Господа, да к тому же и самая мысль о воскресении была еще чужда ей в эту минуту, и она совсем не ожидала, чтобы это был Сам Тот, Кого она так безутешно оплакивает... «Жено что плачеша? Кого ищеша?» — участливо вопрошает ее Господь. «Она же, мнящи, яко вертоградарь есть, глагола Ему: Господи! Аще Ты еси взял Его, повеждь ми, где еси положил Его: и аз возьму Его». — Его ищет она, а кто «Он» — нет нужды называть по имени: все должны знать сладчайшее имя Ее Господа! «И аз возьму Его» — она как бы забывает о своих слабых силах, — обо всем; она хочет взять и унести Господа — одна, сама, только бы ей отдали бесценное сокровище, только бы показали ей, где сокрыто оно! О как верно в этом повествовании Апостол любви изображает природу крепко любящего сердца, когда оно глубоко поражено скорбью о потере возлюбленного! — Но настал конец этой великой скорби. Полно плакать тебе, жено: оплакиваемый тобою — Сам стоит пред тобою; оглянись, посмотри — ведь это не садовник, как ты думаешь — это Сам Христос! «Глагола ей Иисус: Марие!» Действительно, это Его голос, тот голос, коим некогда изгнано из нее семь духов, ее мучивших, — да, это Он, действительно Он: «она же обратися глагола Ему: раввунуи» — Учитель мой! Только и могла произнести одно это слово несказанно обрадованная ученица Христова, подобно тому, как воскликнул семь дней спустя обрадованный Фома: «Господь мой и Бог мой!» — В порыве сердечного восторга Магдалина бросилась к ногам Божественного Учителя, чтобы по-прежнему облобызать Его пречистые стопы, но Господь остановил ее словами: «не прикасайся Мне», давая тем разуметь, что отныне Он не будет пребывать на земле видимо, как пребывал доселе, что Его пречистое тело, хотя и доступно осязанию, но уже прославлено славою Божественною. — Не прикасайся ко Мне, не пытайся удержать Меня, — как бы так говорит Господь, — ибо Я еще не взошел к Отцу Моему: иди к братии Моей (Апостолам) и скажи им: восхожу к Отцу Моему, Который отныне есть и ваш Отец, — Богу Моему, Который есть и ваш Бог. — Нет нужды говорить, с какою радостью спешила теперь воистину равноапостольная Магдалина исполнить сие повеление Воскресшего Господа.

167. Кто первый утвердил благословение Божие за Москву

Шестьсот лет тому назад Москва была ничтожным городком, а еще на сто лет раньше она была просто деревней. Столицей Русской земли в то смутное время междоусобий княжеских были — то Владимир (на Клязьме), то Тверь, то Переяславль Залесский. И кто бы мог подумать тогда, что Москва — этот малолюдный городок — станет сердцем России, будет матерью городов русских взамен древнего Киева, который сначала был сожжен татарами, а потом захвачен был литовцами? — Но о чем не могли и гадать тогдашние Русские люди, то ясно провидел один из великих первосвятителей Русской земли, — провидел и предсказал славу будущего царственного града, и сам первый положил начало его возвеличения. Это был святитель Петр, митрополит Всероссийский. Вот краткие сведения об этом великом святителе, которому первопрестольная Москва обязана особым Божиим благословением.

Родился святой Петр на Волыни, и с малых лет отличался тихим и кротким нравом, любил читать слово Божие, а двенадцатилетним мальчиком ушел в монастырь. При всех трудах и послушаниях он находил особенное утешение в занятии иконописанием: взирая на лики святых Божиих, юноша умилялся душою и проливал слезы о своей нищете духовной. Двадцати лет он был пострижен в монашество, а потом почтен был и саном пресвитера. Его святая душа пожелала уединения и вот он удалился на берега реки Рати; но скоро сюда собралась к нему братия, основался монастырь и Петр стал игуменом. В 1305 году отошел ко Господу Всероссийский митрополит Максим, и Галицкий князь Юрий Львович умолил святого Петра идти в Царьград, к Вселенскому Патриарху Афанасию, просить митрополита для осиротевшей Русской земли. Не знал угодник Божий, что князь писал в прошении патриарху, чтобы самого посланца — смиренного игумена — возвел в сан митрополита, и велико было его удивление, когда блаженный патриарх провозгласил его первосвятителем Всероссийским. Святой Петр покорился избранию Божию и возвратился из Царьграда митрополитом сначала в Киев, а потом переехал во Владимир, где жил и умер его предшественник митрополит Максим. Нерадостно встретили князья нового митрополита. Нашелся даже из епископов клеветник, который тайно послал ложный донос на святителя Петра Вселенскому патриарху. Патриарх не поверил доносу; однако же для исследования дела послал доверенное лицо. Собрался Собор в Переяславле Залесском; были тут и епископы, и князья, и знатные бояре, — не было только благоверного Великого Князя Михаила Ярославовича Тверского, который не захотел быть свидетелем унижения первосвятителя России. Когда прочитали донос, то произошло сильное волнение между присутствовавшими. Немногие поверили доносу; остальные все восстали с негодованием против нелепой клеветы. Тогда святитель, желая прекратить волнение, сказал: "Возлюбленные братие и чада о Христе! Я не лучше пророка Ионы. Если из-за меня такое великое волнение, то выбросьте

меня из среды своей!" — Это кроткое слово святителя тронуло всех до глубины души; все потребовали на лицо доносчика. Когда обнаружилось, что это Тверской епископ Андрей, все обратились на него с укоризною и посрамлением; но угодник Божий принял его под свою защиту: "Мир тебе, чадо, — сказал он Андрею: — не ты сие сотворил, а древний ненавистник рода человеческого — диавол. Отныне берегись лжи, а прошедшее да простит тебе Бог". Не правда ли — какой дивный достоподражаемый пример любви ко врагам своим!..

В 1313 году святитель Петр путешествовал в Орду, где испросил у хана Узбека милостивую грамоту, которая освобождала духовенство от всяких податей, и даже грозила смертью тому, кто похулит святую веру православную. Видно, что кроткий святитель Христов своими смиренными речами подействовал даже на жестокосердого хана татарского.

Несмотря на преклонность лет и слабость здоровья, несмотря на бездорожье того времени и разные опасности пути, святитель часто объезжал свои епархии, поучая всех вере и святой жизни. Учил он и своими посланиями, которые отличаются простотой и дышат чувством сердечной отеческой любви. "Дети, — пишет святитель, — чтите родных отца и мать, и вы будете жить долго; кто бранит или бьет отца или мать, тот умрет злою смертью, — «смерть грешников люта», - говорит Давид. Чтите своего духовного отца. Войдя в церковь, стойте со страхом, слушайте чтение Апостола и Евангелия и все, что поется. Кто говорит в церкви — это диавол шепчет в уши ваши... Оградитесь, дети, страхом Божиим; «всяко слово гнило да не исходит из уст ваших» (Еф. 5: 29). И Спаситель говорит: «от словес своих оправдашися, и от словес своих осудишися» (Мф. 12: 37). Поучайте детей своих удаляться от блуда и пьянства, волхвования, жадности к ростам, чтобы вам можно было сказать пред Богом: Господи! Се мы и дети, которых дал Ты нам!" — Особенно строго святитель Петр заповедует причащаться Святых Христовых Таин каждый великий пост. "Кто не принимает Святых Даров, — говорит он, — священники! Не благословляйте их! Не принимайте от них просфор и не ходите в дом их. Тот не христианин, кто не принимает Христова Дара... Горе не принимающему Святых Даров! На что он надеется? Кажется он человеком Божиим, а не принимает Тело Христово! Это — 7 псы!" — Какой грозный урок раскольникам нашего времени, не имеющим у себя ни истинного священства, ни Святых Таин Христовых!..

Тяжело было угоднику Божию смотреть на усобицы княжеские; он не раз уговаривал князей жить мирно да любовно, не губить земли Русской из-за своих счетов корыстных; но его мало слушали. Только у благочестивого князя Московского Иоанна Даниловича святой Петр находил отдых душе своей. Любил этого доброго князя святитель Божий, и было за что любить его. Иоанн Данилович был так милостив, что постоянно носил с собою мешок с деньгами или — калиту, как говорилось в старину; оттого и самого князя прозвали Калитою. И князь любил святителя как родного отца, и вот на старости лет святитель оставил Владимир и совсем переселился в Москву, и

своим переселением принес особое благословение Божие этому незнатному тогда городу. Провидел угодник Божий, что Москва соберет под своею сенью раздробленные части Русской земли, сплотит их в одно могучее царство и сделается славною столицей Великой Русской державы. Убеждая своего любимца — князя построить в Москве кафедральный храм Успения Богоматери, святитель пророчески говорил ему: "Если послушаешь меня, сын мой, то и сам прославишься с родом твоим более других князей, и город твой будет славен между русскими городами: святители будут жить в нем, руки его взыдут на плечи врагов его, и Бог прославится в нем". Послушался князь угодника Божия, и спешно началось построение храма; но еще скорее близился к концу подвигов своих святитель Петр. Он приготовил себе в новом храме каменный гроб. Незадолго до кончины его князь видел сон: ему представилась высокая гора со снегом на вершине; вдруг снег растаял и исчез. Приходит он и рассказывает свой сон святителю. Святой Петр говорит: "Высокая гора — ты, князь, а снег — я, смиренный; мне прежде тебя должно отойти из сей жизни в вечную". — И действительно, скоро он почувствовал приближение смерти, князя не было тогда в Москве; святой Петр позвал к себе тысяцкого Протасия Вельяминова и сказал ему: "Чадо, я отхожу от жития сего; оставляю сыну моему, возлюбленному князю Ивану, милость, мир и благословение от Бога, — ему и семени его до века. За то, что сын мой успокоил меня в старости, воздаст ему Господь сторицею, и не оскудеют от семени его обладающие местом его, и память его прославится". 21 Декабря 1326 года святителя Петра не стало. Князь поспешил в Москву на погребение его, и при самом погребении Бог уже прославил Своего угодника чудесными исцелениями. И ныне его нетленные мощи, открыто почивающие в заложенном им соборном храме Успения Пресвятой Богородицы, источают исцеления с верою притекающим к ним; и поныне православные русские люди в том же храме с благоговением чтут святые иконы, его святительскою рукою написанные...

168. Царские Псалмы

«Молю прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения, за вся человеки: за царя, и за всех, иже во власти суть» (1 Тим. 2; 1-2). В то время, когда святой Апостол Павел писал своему ученику, Апостолу Тимофею, сию заповедь, римский император был язычник; однако же вот и за царя — язычника святой Апостол повелевает «и умоляет творити молитвы прежде всех» — прежде чем за всех прочих людей. Так священна власть царская в очах святого Апостола! Как же после сего нам не молиться за своего Царя Православного прежде всех, прежде всякой другой молитвы? Он — Государь наш — есть первенец, первородный сын Церкви Божией, Он ее защитник и покровитель, — и святая Церковь возносит за Него свои молитвы прежде всяких других молитв, в самые первые минуты

повседневного церковного Богослужения. Есть два псалма, 19-й и 20-й, которые справедливо называются царскими, потому что содержат в себе молитвенные благожелания народа своего Царю; — вот эти-то псалмы Святая Церковь и положила повторять почти каждый день в самом начале утрени, во исполнение вышеупомянутой заповеди святого Апостола. Войдем же в дух и смысл этих богодухновенных псалмов царственного певца Израилева, чтобы потом повторять их не только устами, но всем сердцем, всею душою.

Псалом 19-й

«Услышит тя Господь в день печали». Так народ, всем сердцем любящий своего царя, приветствует его своими благожеланиями. Да услышит тебя Господь, и всегда, когда бы ты ни воззвал к Нему, наипаче же в день печали, когда будешь особенно нуждаться в Его всеильной помощи и ободрении. Немало врагов у тебя и тайных и явных, да защитит же тебя от них страшное для всякой неправды «имя Бога Иаковля!» Нелегкое бремя несешь ты, Богом возлюбленный царь наш, хорошо нам жить за тобою, державный отец наш: ты один стоишь на страже царства, тебе вверенного, один за всех думаешь, один обо всех заботишься: да «послет ти помощь» Царь царствующих «от святого» жилища Своего, и «от Сиона небесного да заступит тя!» Ничего не жалеешь ты, Христоролюбивый, для славы имени Божия; и себя самого, и все царство свое — Ему, Единому Господу, предаешь ты всецело, как чистую жертву всеожжания: да «помянет» же, да примет Он от тебя «всяку жертву твою, и всеожжение твое» — твоя всецелая преданность в волю Его — да будет благоугодна Ему как жертва тучная, благоухающая! — Много, о как много дум и забот носишь ты в любящем сердце твоём! «Да даст же ти Господь по сердцу твоему», и всякий добрый совет твой, всякое благое намерение твое да «исполнит!» А когда Господь благословит успехом твои начинания, когда сохранит тебя во всех опасностях, тогда и мы вместе с тобою «возрадуемся о спасении твоём, и во имя Господа Бога нашего возвеличимся». Да, возвеличимся, будем несказанно счастливы милостью Божиею к тебе, — будем хвалиться не своею силою, а силою имени Божия. Веруем и уповаем, что так и будет: «исполнит Господь вся прошения твоя!» И прежде по опыту знали, и «ныне познали мы, яко спасение Господь помазанника (Христа) Своего», и впредь не оставит без помощи Своего избранника: в минуту опасности Он услышит молитву его «с небесе святого Своего, в силах», в действиях всемогущества, в чудесной помощи, совершится спасение царя от всех врагов его, могуществом десницы Божией. Пусть враги наши хвалятся своим искусством воинским, своим умом и храбростью: «сии на колесницах, и сии на конех», а мы на себя не надеемся — «мы же во имя Господа Бога нашего призовем». Призовем мы сие имя страшное и всеильное, и никакие враги не устоят против него: «тии спяти быша и падоша», — подались назад и пали пораженные, «мы же востахом»,

крепко стоим против них, «и исправихомся» — и не колеблемся! «Господи, спаси» же царя нашего, «и услыши ны» во всякое время, «в он же аще день призовем Тя», а наипаче в годину испытания, когда и царь наш, и мы будем взывать к Тебе о помощи и спасении.

О, как благовременно, как благопотребно на всякий день и час повторять сию молитву о царе, а наипаче в наше суетное, многомятежное время!.. Умножились беззакония наши, умножились и сыны беззакония, нечестивцы погибельные, дерзновенно восстающие на попрание священной власти, Самим Богом уставленной... Господи! Спаси царя нашего, и услыши наши недостойные молитвы о нем!

Псалом 20-й

Псалом 20-й есть благодарственная песнь Богу, возносимая от лица всего народа, веселящегося о царе своем. Царь есть отец народа, — его радость, его утешение, его земной Ангел хранитель. Бог спасает царя и народ прославляет за сие Господа — Спасителя. — «Господи, силою Твоею» Твоею всемогущею помощью против врагов, «возвеселится» наш возлюбленный «царь, и о спасении Твоем», о дивном заступлении, о дарованной Тобою победе над врагом «возрадуется зело». И как ему, а с ним и нам — не радоваться, когда мы видим воочию, что все благие «желания сердца его дал еси ему, и хотения устну его «— во всем, чего просил он у Тебя в молитве твоей — «неси лишил его», — не отказал ему! Даже более того: прежде, нежели он решился просить у Тебя милости, Ты Сам «предварил еси его Своим благословением благодетельным», — скорее, чем мог ожидать он, Ты встретил его благословением счастья. Не искал он почестей царских: Ты Сам «положил еси на главе его венец от камене честна, живота просил еси у Тебе, и дал еси ему долготу дний», и еще дни на дни приложи ему и храни его во век века, на многие лета! Дивно прославил Ты его победою и спасением от угрожавших ему бед: «велия слава его спасением Твоим», но еще и еще, «славу и велелепие» — честь и величие «возложиши на него» — приложи ему! «Возвеселиши его радостию с лицом Твоим», пусть сияет его лицо несказанною радостью от лица Твоего, и от пресветлого взора Твоего, милостиво на него обращенного! Он достоин такой милости, ибо он — царь наш — твердо «уповает на Господа», и эта надежда не обманет его: «милостию Вышняго он не подвижится», не смутится, не поколеблется. — «Да обрящется», да будет грозною «рука твоя всем врагом твоим», Богом хранимый наш государь! «Десница твоя да обрящет», пусть найдет, изловит «вся ненавидящая тебе! Положивши их яко пещь огненную», пусть горят они как дрова в печи, пусть обрушатся на них все беды и напасти как поток огненный, в то время, когда ты обратишь на них гневное лицо твое! «А Господь» — помощник тебе в том: Он «гневом Своим смятет я», приведет их в замешательство, «и снесть их огонь» — и будут они добычею пламени! «Плод их» — все дела их — «от земли погубиши, и семя их», все лукавые их

замыслы и начинания — ты истребишь, изгладишь из памяти «сынов человеческих. Яко уклониша на тя злая» — задумали против тебя недоброе, «помыслиша советы» — затеяли преступные замыслы; но милостив Бог — сии советы они «не возмогут составить»: Бог не попустит им привести их во исполнение. Господь помощник тебе, наш возлюбленный царь! Мы уверены, «яко положиши я хребет» — Ты заставишь их обратиться в бегство — «во избытцех Твоих» — пред лицом остальных твоих подданных, и чрез то «уготовиши лице» сих верных слуг твоих к веселию и радости... — «Вознесися, Господи, силою Твоею», еще и еще прояви, покажи всем дивную силу Твою и мы «воспоем и поем силы Твоя», всегда будем воспевать и прославлять Твое славное могущество!..

169. Юный царь – избранник по сердцу Божию

«Вознесох избранного от людей Моих!»

В начале февраля 1613 года в Москву собирались выборные люди со всех городов Русской земли. Здесь ожидало их великое дело. Общим дружным усилием всех русских людей Москва была очищена от поляков и литовцев; но русская земля оставалась без царя. А без царя "Московскому государству стоять нельзя, печься об нем и людьми Божьими промышлять некому", — так говорили бояре и воеводы в грамоте, приглашавшей лучших и разумных людей для земского совета и государева избрания. Горьким опытом смутного времени научились русские люди ценить крепкую власть царскую, — сколько натерпелись они всяких бед в это тяжкое время и от чужих врагов и от своих воров — изменников, того и пересказать нельзя! (кратко о сем читай в листке N 127). И вот теперь собрались они, чтоб избрать царя для осиротевшей земли, собрались и назначили трехдневный пост и молитву, чтобы призвать на свое великое дело Божие благословение. На первом же соборном совещании решено было единогласно: — "Иных немецких вер никого не выбирать, а выбирать своего природного русского". Стали выбирать своего; одни указывали на одного боярина, другие — на другого; долго согласия не было. Однажды какой-то дворянин из Галича подал письменное мнение, что ближе всех по родству с прежними царями Михаил Феодорович Романов, — его и надобно избрать в цари. Послышались было голоса недовольных, но тут вышел донской атаман и подал также письменное мнение "о природном царе Михаиле Феодоровиче". Одинаковое мнение, поданное дворянином и донским казаком решило дело: Михаил Феодорович был провозглашен царем. Но не все еще выборные тогда прибыли в Москву, не было и знатнейших бояр, и дело отложено на две недели. Наконец собрались все двадцать первого февраля в неделю Православия и общим голосом утвердили сие избрание. Тогда Рязанский архиепископ Феодорит, Троицкий келарь Авраамий Палицын и боярин Морозов вышли на лобное место и спросили у народа, наполнявшего

Красную площадь: кого они хотят в цари? И народ единогласно воскликнул: "Михаила Феодоровича Романова!" Собор назначил архиепископа Феодорита, Авраамия Палицына, трех архимандритов, и нескольких именитых бояр ехать к новоизбранному царю, чтобы объявить ему об избрании и просить его пожаловать в Москву на свой царский престол.

Михаил Феодорович находился в то время в Костромском Ипатьевском монастыре. С ним неразлучна была и его мать, "великая старица" Марфа Иоанновна. Они ничего не знали о том, что происходило на Московском земском соборе; юному Михаилу и на мысль не приходило, чтобы на него мог пасть жребий великого царского служения, и можно ли было ему, шестнадцатилетнему юноше, мечтать о царском венце, когда было много именитых и знатных бояр, с честью послуживших отечеству в тяжкую годину великих народных бедствий? Скорбные думы Михаила в это время невольно уносились совсем в другую сторону, — туда, в литовскую землю, где томился в тяжком плену его возлюбленный родитель, ростовский митрополит Филарет Никитич Романов. Понятно, что те же мысли и чувства разделяла с ним и его благочестивая мать. Между тем, тринадцатого марта в Кострому прибыли соборные посланцы. На другой день, — в достопамятный день четырнадцатого марта, — с раннего утра улицы Костромы были уже покрыты многочисленными толпами народа. С крестным ходом шли послы соборные в Ипатьевский монастырь, к юному избраннику, на коем покоились теперь все надежды многострадальной родной земли. Там, где река Кострома впадает в Волгу, к крестному ходу присоединилось Костромское духовенство с чудотворною Феодоровскою иконою Богоматери. Когда торжественное шествие приблизилось к воротам святой обители, оттуда скромно вышел на встречу ему Михаил Феодорович со своею старицею — матерью. Шествие остановилось. Низко поклонились московские посланцы будущему государю и объявили ему, зачем они присланы. Смутился смиренный юноша. "С великим огорчением и слезами", как говорит летописец, он отвечал послам, что государем быть он не хочет, а мать его Марфа прибавила, что она не даст сыну на то родительского своего благословения. Тут оба они хотели удалиться в свои палаты, и немало труда стоило послам упротить их войти с ними в соборную церковь Пресвятой Троицы. Здесь подали им грамоты от собора и стали бить челом Михаилу "сжалиться над остатком рода христианского, не презреть всенародного слезного рыдания, принять многорасхищенное от врагов царство Российское под свою государеву десницу высокую и пожаловать на свой царский престол в стольный град Москву". — Но юный Михаил и слышать о том не хотел; а мать его говорила послам, что "сын ее еще в несовершеннолетних летах, а русские всяких чинов люди по грехам измалодушествовались, и прежним государям не прямо служили: тут и прирожденному государю трудно с ними справиться, а что будет делать с ними ее сын — несовершеннолетний юноша?" Указывала Марфа и на то, что "Московское государство теперь в конец разорено, что будущему царю нечем будет и своих служилых людей пожаловать, и против

своих недругов стоять. Да к тому же и отец его, Михайлов, митрополит Филарет, теперь в плену у короля в Литве, в большом утеснении, и как сведает король, что сын его на Москве государем стал, то сейчас же над ним велит сделать какое-нибудь зло". — Долго говорила старица Марфа; со слезами на глазах послы ее слушали, а когда она умолкла, стали снова бить челом Михаилу Феодоровичу, умоляя его, чтоб "соборного моления всей русской земли он не презрел, что выбрали его по Божию изволению, а не по его желанью, что так положил Бог на сердце всем от мала до велика на Москве и во всех городах". — Целых шесть часов стояли соборные посланцы пред Михаилом и молили его, чтобы "воли Божией он не снимал"; Михаил все не соглашался. Наконец, старейший из послов, архиепископ Феодорит сказал ему решительно: "Не противься, государь, воле Божией; не мы предприняли сей подвиг, Сама Пречистая Матерь Божия возлюбила тебя, — устыдись Ее пришествия", — и при этих словах архипастырь указал на чудотворный лик Царицы Небесной на иконе, именуемой Феодоровскою. Тут и сама старица — мать Михайлова сказала своему смиренному сыну: "Видно дело сие — Божие, чадо мое; надобно поклониться воле Всевышнего!" — Тогда Михаил с рыданием повергся пред иконою Богоматери и обливаясь слезами произнес: "Аще есть на то воля Твоя — я Твой раб; спаси и соблюди меня!.." Никто не в силах был удержаться от слез в эту торжественную минуту; плакал архиепископ, плакали послы, плакали все, кто только был в соборе тогда. — Нареченный царь встал, обратился к послам и сказал: "Аще на сие есть воля Божия — буди тако!" — С этой священной минуты, когда юный Михаил всецело предал себя в волю Божию, он стал Великим государем и царем всей Русской Земли. Благочестивая старица Марфа взяла своего царственного сына за руку и вместе с ним благоговейно преклонила колена пред благодатным ликом Царицы Небесной и тихо сказала: "В Твои пречистые руке предаю чадо мое; настави его на путь истины, устрой ему полезная, а с ним и всему православному Христианству!" — Так благословила Марфа своего любимца на великий подвиг служения царского; так совершилось воцарение Михаила Феодоровича, спасителя веры и царства — так благословил наконец Господь, Царь царствующих, многострадальную землю Русскую, дарованием ей царя по сердцу Своему, — благословенного родоначальника Дома Романовых! — "И бысть, говорит летописец, в той день на Костроме радость велия, и составиша праздник чудотворной иконе Феодоровской". — И не на одной Костроме была тогда радость велия: ликовала с Костромою и Москва, и вся Русская Земля! Наконец-то пережила она свое горе лютое, наконец-то взошло ее солнце красное, без которого некому было обогреть ее, многоскорбную, некому было о ней позаботиться! И свободно вздохнули тогда русские люди, измученные невзгодами междуцарствия.

Второго мая 1613 года юный царь Михаил торжественно вступал в Москву, благословляемый молитвами народа...

170. Не обижайте сирот!

«Тебе оставлен есть нищий, сиру ты буди помощник» (Пс. 9; 35).

Бесприютное, безродное дитя! Беспомощный малютка — круглый сирота! Сколько жалости ты возбуждаешь одним видом своим! Казалось бы, чье сердце не тронется несчастьем твоим? Какая душа христианская не поболит о тебе? Подумать бы только: сколько горя выпадает на долю твою! Сколько слез ты прольешь, одному Богу видимых! Сколько и голода, и холода, и всякой нужды натерпишься ты!..

Да, друзья мои, тяжел крест нищеты: но нищий еще может добыть себе хлеба кусок; если он в силах — он поработает, — не в силах — он знает, у кого и где и что выпросить. А безродный малютка-сирота трудиться не может, просить не умеет, и томимый голодом лишь плачет где-нибудь за чужим углом! У нищего есть хоть темный и грязный, но свой уголок, там в пору ночную он голову склонит и отдых найдет; а бесприютный малютка-сирота иногда не знает даже, где отогреть окоченевшие члены свои!.. Но если бы и был у него дом родительский, что он стал бы делать с ним без добрых людей? Неприветно смотрели бы на него опустевшие стены, — некому приласкать его, бедного, некому обогреть, накормить, позаботиться... Всем он чужд, никому не нужный, для всех — лишний человек! Видал я, говорит один писатель, дряхлых стариков, покрытых сединами; они измучены были бедностью, у них не было иного друга и сподвижника на грустном пути жизненном, кроме нищенского посоха, но и эти бедные люди утешали себя хотя бы тем, что говорили: "Что делать? Нам не долго уже остается на свете жить! Там — отдохнем, когда Бог грешные кости приберет"... А несчастный малютка-сирота еще только жить начинает, — он не может иметь и такого жалкого утешения! Одно — одно у него утешение: плакать, обнимая дорогую могилу, сокрывающую прах милых его сердцу родителей, — но кто пожелает себе такого утешения?!..

Правду говорит пословица: в сиротстве жить — слезы лить; нет такого дружка, как родная матушка; все на свете можно купить, кроме отца с матерью! Как на солнце тепло, так при отце с матерью хорошо, и что пчелки без матки, то малые безродные сиротки без родителей! Нет у них заступника между людьми: кому вздумалось, тот и может обидеть их, если только Господа Бога не побоится... Не правда ли, друзья мои: ведь часто так и бывает в жизни?.. Кто ж не знает, что иной раз даже те, кому ближе всего бы позаботиться о сиротах бесприютных, — покидают их?.. Но что говорю — покидают? Прежде оберут у них все их сиротское достояние, а потом и выбросят их самих на улицу!... О, Господи — Господи! Как больно думать, что это делается среди нас, христиан православных, слову Твоему верующих! Ты заповедуешь нам во святом слове Твоем: «всякие вдовы и сироты не озлобите» (Исх. 22; 22), а мы и рады тому, что заступиться за сироту некому; Ты говоришь: «буди сирым яко отец (Сир. 4; 10), «в стяжание сирот не вниди» (Притч. 23; 10), — а мы готовы обобрать сироту до нитки,

— благо он не сумеет пожаловаться!... Но нет, друзья мои! Ошибается тот, кто думает, что за безродного сироту заступиться некому; есть у каждого сироты заступник посильнее нас грешных; и если мы не хотим принять к сердцу его несчастье, приласкать его скорбного, помочь ему беспомощному, защитить его — беззащитного, то этот Помощник и Покровитель возьмет его под Свою защиту всеильную! Бог — Сам Господь Бог есть «отец сирых и судия вдовиц» (Пс. 67; 6). Ему «оставлен есть нищий, Он — сиру помощник» (Пс. 9; 35), — Он никогда «не презрит молитвы сирого!» (Сир. 35; 14). Сироты — дети Божьи; сирый да вдовый плачут, говорит пословица, а за них Сам Бог на страже стоит! Слышите ли Его слово грозное: «прииду к вам с судом, и буду свидетель скор» на того, кто обижает вдов и сирот! (Мал. 3; 5). «Аще злобою озлобите я, и возстенавшие возопиют ко Мне, слухом услышу глас их, и разгневаюся яростью, и побью вы мечем, — и будут жены ваши вдовы, и чада ваша сироты!» (Исх. 22; 22-24)... О, как страшен суд Твой, Господи! И не мимо идет слово Его, возлюбленные! Вот, например, что рассказывает святитель Симон, епископ Владимирский, в Киево-Печерском Патерике:

"Были два человека из знатных граждан Киева — Иоанн и Сергей. Были они друзья между собой и заключили союз духовного братства. Спустя много лет разболелся Иоанн; а у него оставался пятилетний сын, Захария. Вот больной призвал игумена и отдал ему все свое имущество для раздачи маломощным; а сыновнюю часть, тысячу гривен серебра и сто гривен золота, дал Сергию, и самого малолетнего сына своего, Захарию, отдал на попечение другу своему, как брату верному, и завещал ему: "Когда возмужает сын мой, отдай ему золото и серебро". Когда стало Захарию 15 лет, захотел он взять у Сергия золото и серебро отца своего. Сергей же, уязвленный диаволом, задумал приобрести богатство, и жизнь с душою погубил. Он сказал юноше: "Отец твой все имение отдал Богу. У Него проси своего золота и серебра: Он тебе должен; может быть и помилует. А я ни твоему отцу, ни тебе не должен ни одной златницы. Вот что сделал с тобой отец твой своим безумием! Все свое имущество роздал в милостыню, а тебя оставил нищим и убогим". Выслушав это, юноша-сирота стал тужить о своем лишении и послал молить Сергия, чтобы он хотя бы половину отдал ему, а другую пусть бы себе оставил. Сергей же жестокими словами укорял отца его и его самого. Захария просил третьей части, даже десятой. Наконец, видя, что он лишен всего, сказал Сергию: "Приди, поклянись мне в Печерской церкви, перед чудотворной иконой Богородицыной, где ты вступил в братство с отцом моим". Тот обещался. И поклялся он, что не брал тысячи гривен серебра и ста гривен золота, хотел поцеловать икону и не мог приблизиться к ней; пошел к двери и вдруг стал кричать: "Святые Антоний и Феодосии, не велите убивать меня этому немилостивому, и молитесь госпоже Пресвятой Богородице, чтобы Она отогнала от меня это множество бесов, которым я предан. Пусть берут золото и серебро: оно запечатано в моей клети"... И страх напал на всех. Послали в дом к Сергию, взяли сосуд запечатанный, и

нашли в нем две тысячи гривен серебра и двести — золота: так удвоил Господь подателям милостивым. Захария же отдал все деньги игумену Иоанну, чтобы употребил их, как хочет; сам же постригся в Печерском монастыре, где и жизнь кончил".

Что было потом с несчастным Сергием, остался ли он жив или умер тут же, святитель Симон не говорит; да и нет нужды нам знать о том. Напечатлеем лучше в своем сердце урок, какой преподает эта история. Сама Царица Небесная — а ведь Она мать милосердия, усердная заступница всех грешников — не потерпела, чтобы обидчик сироты остался без наказания! Она отвратила лицо свое от жестокосердного клятвопреступника, и вот его окружили полки демонские... Не обижайте же сирот! Сироты — дети Божьи! Сам Господь «отец сирых» поручает сирот нашему попечению, нашей любви: «буди сирым яко отец» (Сир. 4; 10), говорит Он, — значит, за них мы будем отвечать так же, как за наших собственных детей. Приютим сироту бесприютного, приласкаем, обогреем, накормим безродного, будем ему вместо отца и матери, и Господь благословит нас благословением небесным за это великое дело любви христианской. Апостол говорит: «аще кто о своих, паче же о присных, — о присных в вере» (Гал. 6; 10), «не промышляет, веры отверглся есть, и неверного горший есть» (1 Тим. 5; 8), то есть: кто о близких по вере не заботится, тот хуже неверного! А кто из ближних наших нуждается в нашей помощи и попечении больше малютки — круглого сироты? Не даром и наша пословица говорит: не строй церкви — пристрой сироту, — не подавай за ворота, коли в доме есть сирота! И церковь построить, и нищему подать — дело хорошее, но если уж не под силу тебе в одно и то же время и на церковь пожертвовать, и милостыню подавать, и сироте помогать, — то лучше оставь и церковь и милостыню твою, — и помоги сироте бесприютному!

171. В утешение родителям, скорбящим о потере детей

Сам Господь наш Иисус Христос, и Бог и Отец наш, возлюбивый нас и давший утешение вечно и упование благо в благодати, да утешит сердца ваша и да утвердит вас во всяком слове и деле блазе (2 Сол. 2; 16-17). Сим благодатным словом утешения апостольского начинаю свое письмо к вам, друзья мои, скорбящие о лишении милых сердцу нашему малюток. Тяжело — что и говорить? — разом лишиться нескольких детей; больна эта рана для нежно любящего сердца родительского; но, возлюбленные мои, поможете ли вы своему горю великому, если будете предаваться только скорби безотрадной? Кто может противиться воле Всемогущего Господа? А ведь Он — Милосердный Отец наш; Он знает, что делает, — знает лучше нас, что полезнее и для нас самих и для малюток наших; а мы можем ли знать, что ожидало бы их здесь на земле? Сколько родителей, которые ныне оплакивают своих несчастных детей, увлеченных в сети вражды и невольню

говорят: ах, зачем эти несчастные дети не умерли, пока были невинными младенцами!...

Вы скорбите и плачете, а Господь говорит: «оставите детей и не возбраняйте им прийти ко Мне: таковых бо есть Царство Небесное» (Мф. 19; 14). Слышите — говорит: «не возбраняйте»; Я беру их в Свое Царство Небесное, где им будет в тысячу раз лучше, чем у вас на земле!

Расскажу в утешение вам дивную повесть из истории страданий святого мученика Уара (девятнадцатое октября). Одна благочестивая вдова, по имени Клеопатра, устроила в своем поместье храм в честь святого мученика и положила в нем его святые мощи. У этой вдовы был единственный сын — отрок чистый душою и невинный сердцем как дитя. Матери хотелось со временем определить его в военное звание, так как и отец его был воеводою; но Бог судил иначе. В самый день освящения храма, Клеопатра, растроганная до глубины души, поверглась пред мощами святого мученика и начала молиться так: "Страстотерпец Христов! Испроси у Господа то, что Ему будет угодно и мне с моим сыном полезно; я не дерзаю просить ничего, кроме того, что Он Сам восхощет подать; Он лучше нас знает, что нам нужно, — Его воля благая и совершенная и да будет над нами!" Так молилась вдова, и вот в тот же день к вечеру ее сын вдруг разболелся горячкою, а в самую полночь отрока не стало... Можно себе представить неутешную скорбь осиротевшей матери вдовы! Она пошла в церковь святого мученика и там пред его святыми мощами стала изливать свое горе в горячей слезной молитве... "Так-то воздаешь ты, угодниче Божий, — говорила она в горести души — за все труды мои ради тебя? Ты отнял у меня сына моего единственного, отнял у меня надежду мою, свет очей моих! Кто же теперь будет кормить меня на старости лет? Кто закроет очи мои, когда умирать буду? Кто похоронит меня? Ох, лучше бы мне самой умереть, чем видеть сына во гробе, этот цветок, подкошенный прежде времени! — Или отдай мне сына моего, как некогда Елисей Соманитянке, или же возьми и меня отсюда: я не могу пережить моего горя лютого!" — Утомилась наконец скорбящая мать и тут же, в церкви, заснула. И вот является ей мученик Уар, держащий отрока, ее сына, в своих объятиях. Оба они были в белых одеждах с золотыми поясами и с райскими венцами на главах; оба сияли славою несказанной... Клеопатра хотела поклониться им, но святой Уар поднял ее, и кротко сказал: "Зачем ты так жалуешься на меня? Разве я не помню всего, что ты сделала для меня? Я всегда слышу твои молитвы, я всегда молюсь Богу за тебя, я умолил Господа за усопших родных твоих, близ которых ты положила мощи мои, а теперь вот взял и сына твоего, чтобы он был воином Царя Небесного: ведь ты же сама просила, чтобы я испросил тебе у Бога то, что Ему угодно и вам обоим полезно? Чего же тебе еще, когда — видишь — сын твой предстоит престолу Божию вместе со святыми Ангелами? Пожалуй, возьми его, на службу земному царю, если тебе это желательно". При этих словах мученика отрок крепко обнял его своими руками и жалобно сказал: "Нет, господине мой, не слушай моей матери, не отдавай меня опять в мир, полный неправды и

беззаконий людских"... Тогда мать сказала мученику: "Возьмите же и меня с собою!" Мученик отвечал ей: "Ты и теперь с нами, потому что мы всегда молимся за тебя, а когда Господь повелит, мы опять придем за тобою и возьмем тебя в обители райские". — Видение окончилось и блаженная мать пришла в себя. Ее сердце было преисполнено неизреченною радостью. Она забыла свою скорбь и похоронила своего сына близ мощей святого мученика, прославляя Господа. — Подобные истории можете прочитать еще в житиях святого мученика Лонгина Сотника, стоявшего при кресте Господнем (шестнадцатого окт.) и преподобного Андроника и супруги его Афанасии (девятого окт.). А вот рассказ одного благочестивого отца, который, подобно вам, оплакивал раннюю кончину любимого сына — отрока: "Снилось мне, — говорит он: — будто дети проходят мимо меня и между ними Володя. Я с радостью кинулся к нему; он улыбается мне своей прежней, ангельской улыбкой. Я протянул к нему руки: "Володя, — говорю, — это ты?" Он кинулся мне на шею и крепко, крепко обнял меня. — "Где ты, моя радость, ты у Бога?" — "Нет, я еще не у Бога; я скоро буду у Бога" — "Хорошо ли тебе?" — "Хорошо, лучше, чем у вас. А у вас я часто около вас. Иногда мне скучно". — "Когда тебе скучно?" — "Особенно, когда плачут обо мне. А меня утешает, когда обо мне молятся, когда дают бедным за меня. Я все молюсь, молюсь, за мамашу, за вас, за братьев, за сестру, за всех, кто меня любит. Милую мою мамашу обнимите за меня, вот так, крепко..." — "Ты бы с ней повидался, моя радость". — "И повидаюсь, и повидаюсь". — "Когда же?" — "Когда плакать перестанет". — Из этих рассказов видите, что безмерная скорбь родителей наводит грусть и на невинные души усопших младенцев; их нежное детское сердце откликается на скорбь родителей и скорбит о них самих, скорбит о том, что родители оскорбляют Господа Бога своею скорбью неутешною, потому что не хотят покориться воле Божией, не хотят размыслить, что в сущности не плакать бы, а Бога благодарить следовало, что Он Милосердый взял их к Себе, на Свои руки, из сей юдоли плачевной... И в самом деле, друзья мои: ужели стоит плакать о том, что детей ваших нет около вас, в этой жизни многоскорбной, что они никогда не узнают тех горестей жизни, которые мы, взрослые, встречаем почти на каждом шагу? Ведь они — у Господа Бога, — там они славят Господа купно со святыми Его Ангелами; так ужели об этом вы плачете? Нет, не о том мы плачем, говорите вы, а о том, что дети были наше единственное утешение, наша надежда. — Вслушайтесь же в этот умильный икос погребения младенческого: «Боже, Боже мой! — говорит дитя: — утешение буди дому моему, матери моя утробы прохлади, и ороси сердца отца!» Слышите ли? Дитя молится за вас, оно просит, чтобы Господь Сам утешил вас — чего же вам еще? Или для вас ваше собственное земное утешение дороже небесного — дороже даже вечного блаженства малюток ваших? Нет, я, грешный, никогда не поверю, чтобы вы были так себялюбивы в этом случае...

Но все же тяжело, говорите, больно родительскому сердцу переносить лишение... Верю, возлюбленные, и от души сочувствую вашему горю. Сама

Церковь святая соскорбит вам и просит у Господа и у Пречистой Его Матери для вас утешения; но, друзья мои, когда вы берете из рук детей приятную для них вещь, то требуете от них послушания: окажите же и сами Отцу Небесному то послушание, которого требуете от ваших детей. Вспомните ветхозаветного праведника Божия Иова; у него разом погибло десять человек детей под развалинами обрушившегося дома! И однако что же он говорил? "Господь дал, Господь и взял; как Господу было угодно, так и случилось; буди имя Его благословенно во веки!" А другой праведник — Авраам — не пожалел для Господа Бога своего единственного сына: вот вера живая, вот преданность в волю Божию всесовершенная! За то и благословил же их Господь сугубым благословением: у Иова родилось опять столько же детей, а Авраам удостоился имени отца верующих. Не спорьте же с Богом, друзья мои, предайте себя и детей своих в волю Божию, и верьте: у Господа Бога и для вас много утешений и благословений, только бы вы готовы были принять их. А это будет тогда, когда вы отдадите свое сердце Господу: «даждь ми, сыне, твое сердце», - говорит Он (Притч. 23; 26). — Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое! Да будет воля Твоя яко на небеси и на земли! Буди имя Господне благословенно во веки! Аминь.

172. Жилище христианина

Птица вьет себе гнездо, зверь ищет логовища: тем более человеку необходим кров и постоянное пристанище, — и он всегда ищет сего пристанища. Посмотрите, как весело лицо и ясны взоры того человека, который с чистою совестью может сказать: "У меня свой дом, собственными трудами воздвигнутый". И наоборот, как грустен вид и уныло сердце того, кто на вопрос: "Где твой дом?" — глухо отвечает вам "У меня нет его!" — Прискорбно взирать на семейство, по случаю, например, пожара лишившегося своего пристанища. Посему-то Сам Бог угрожал евреям лишением домов, как одним из величайших наказаний: «и будет, - говорил, - аще не послушаеши гласа Господа Бога твоего, хранить и творити вся заповеди Его, проклят ты во граде, и проклят ты на селе; дом созиждеши, и не поживеши в нем» (Втор. 28; 15, 16, 30).

Святая Церковь употребляет все зависящие от нее средства, чтобы дома и жилища наши сделать сколько можно прочнее, удобнее и спокойнее. Отсюда ее Чины и Последования при созидании новых храмов и обителей, новых городов и селений, особенно при создании новых домов.

1. Чин основания дома. Человек нередко в гордости своей, подобно царю Вавилонскому помышляет: «несть ли сей Вавилон великий, егоже аз соградих в доме царства?» (Дан. 4; 27). Но Церковь лучше других ведаёт, что сами собою мы ничего не можем соградить, и что если «не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущий». Посему она заповедует служителям своим идти на место основания дома с освященною водою, или освятить ее на самом месте основания. Гласом Царя — Пророка она каждого из

присутствующих приглашает взывать ко Господу: Боже в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися... Аз же нищ есмь и убог; Боже, помози ми; Помощник мой и Избавитель мой еси Ты, Господи, не закосни (Пс. 69). Она сама умоляет Господа: "Дело рук наших, к славе Твоей начинаемое, — Твоим благословением спешно исправи, силою Твоею в совершение скоро приведи" (Тропарь). Она хочет, чтобы имеющее воздвигнуться здание было твердо и непоколебимо, как храмина Евангельская (Мф. 7; 24, 25), чтобы ни ветер, ни вода, ни иное что не могло повредить ему. Она повелевает, чтобы первое основание дому полагал ее священнослужитель со знаменем креста Господня и с призыванием всемогного имени святой Живоначальной Троицы: "Основывается дом сей во имя Отца, и Сына и Святого Духа". Место, вещество, работающих — все, относящееся к новосозидаемому дому, заповедует она окроплять святою водою, дабы Господь все сохранил от всякого навета сопротивна без вреда.

2. Чин благословения нового дома. Еще нежнее и усерднее попечения Церкви бывают тогда, когда она желает ввести христианина в новосозданный им дом. Первое слово, которое предписывает возгласить священнику Божию в новой храмине, есть оное торжественное слово хвалы и благодарения: "Благословен Бог наш"... Первое украшение, которое увидите здесь, есть крест и Евангелие Искупителя нашего, сосуды с освященною водою и елеем, и свечи горящие. Живою и трогательною песнию Царя Израильского Церковь старается не только ободрить, но и усугубить радость будущих жильцов; говорит, что живя с помощью Вышняго, они будут жить в новом доме своем, как в крове Бога Небесного; что им неопасны будут ни страх ночный, не стрела летящая во дни (Пс. 90). Она уверяет, что со входом служителей Христовых входят в новый дом святые Ангелы Божии (Тропарь). Она умоляет Господина Искупителя, чтобы Он Сам новосозданному жилищу даровал то же спасение, какое принес в дом Закхеев, чтобы благословил его таким же обилием, как было в доме Лавана с пришествием Иакова, в доме Пентефрия с водворением Иосифа, в доме Аведдарином со внесением Кивота (молитва вторая). Она повелевает весь дом и все клетки дома окроплять святою водою, четыре главные стены крестообразно знаменать святым елеем с произнесением всеосвящающих слов: "Благословляется сей дом помазанием святого елея сего, во имя Отца и Сына и Святого Духа". Большой ради чести господина дому, она советует служителю алтаря прочесть Евангелие о посещении дома Закхеева (Лк. 19; 1-10). Одним из самых назидательных псалмов дает наставление, как должно вести себя в новом доме: «прехождах в незлобии сердца моего среди дому моего» (Пс. 100). Наконец, она всех приглашает умолять Владыку жизни нашей, чтобы Он послал Своего Ангела хранителя, стража новому дому, и хранил его и всех в нем благочестно жити хотящих от всякого зла, от глада, губительства, труса, потопа, огня, меча, и даровал им здравие, и долгоденствие и во всем изобилие.

Труса, потопа, огня, меча! Увы, братия мои, отчего же мы так часто видим, что дома Христиан пустеют как дома язычников и неверных, пожираются огнем, потопляются водою, падают от колебания земли, подвергаются всем возможным бедствиям? Не ищите причин: это оттого, что Христиане часто наживают дома и живут в них хуже язычников. Когда нечестие Иерусалима достигло крайней степени, тогда слышан был голос небесный: "Преждем отселе!" И тогда пришло на Иерусалим всегубительство: и глад, и огонь, и меч, и смертоносная язва, и нашествие иноплеменников, — и от города, некогда возлюбленного Богу, не осталось камня на камне. То же бывает с городами и домами нечестивых Христиан. Думаете ли вы, что Ангел Господень будет охранять такой дом, в котором хранятся сокровища, награбленные татьбою, неправедным судом, притеснением невинных, лживым весом и мерою? Нет, «преждем отселе», — говорит неслышимо Ангел Господень; и тогда в этом несчастном доме поселяется, может быть, столько же демонов — губителей, сколько есть в нем награбленных златниц. Разве захочет обитать в таких домах охранительная благодать Божия? "Преждем отселе!" — и тогда входит в них Ангел истребитель, подобно тому, как входил он в дома Египетские. — Страшны суды Божии в селениях грешничих! Но Церковь ведает, как слабы и падки дети ее на грех. Потому-то она, дабы предотвратить гнев Господень, дабы очистить дома, грехом оскверненные, не возбраняет, кроме освящения новых домов. — 3. Освящать, по временам, старые, в которых люди давно уже обитают. Такое освящение обыкновенно совершается тогда, когда оно особенно необходимо для телес и домов христианских, т.е. во времена великих празднеств церковных. Посему видим служителей алтаря Господня, входящих в жилища Христиан в праздники Рождества Христова и святого Богоявления, во дни святой Четырдесятницы и святой Пасхи, во время храмовых праздников и т.д. Крест и Евангелие Господа, иконы праздников Господних, иконы великих угодников Божиих суть обычные святыя явления в домах Христиан в означенные времена; молитвы и молебствия, кропление святою водою или освящение оной на месте суть обыкновенные священнодействия. Этого мало: Христианин во всякое время, при всяком событии — радостном или печальном, может призвать служителей Церкви в свой дом, и совершить в нем молебствие для его освящения. И этого не довольно: в доме Христианина Церковь позволяет совершать не одни молебствия, но все виды своего Богослужения, кроме божественной Литургии, все великие таинства свои, кроме Евхаристии и Священства. Впрочем, запрещая совершать Литургию, Церковь не возбраняет однако же, при известных случаях, вносить в каждый дом Христианский святейшее и всеосвящающее Тело и животворящую Кровь Христову. Чадолубивая мать наша взирает на дом Христианина, как на храм Божий и даже прямо называет оный храмом: "Мир Твой подаждь «храму сему», и милостивно благослови его", — молит она Господа при освящении каждого нового дома (Тропарь 1).

Ах, как часто, входя и выходя, и пребывая в доме своем, нужно вам повторять слова патриарха — Пророка: страшно место сие: «нести сие, но дом Божий, и сия врата небесная!» Но место сие не будет страшно, если живущие на нем будут жить со страхом Божиим. Оно будет приятно и Боголюбезно, как Божий рай, если обитатели оно́го будут ходить пред Богом, как ходил Авраам, отец верующих; будет всем обильно и безнуждно, если души и руки живущих будут обильны добротворением. Тогда о всех домах Христианских можно будет воспеть уже песнь благословения, какая воспета была некогда о домах Иаковлих: «коль добри доми твои Иакове, и кущи твоя, Израилю! Яко дубравы осеняющая, и яко садие при реках, и яко кущи, яже водрузи Господь, и яко кедри при водах» (Числ. 24; 5, 6)...

(Из "Бесед" Я. К. Амфитеатрова)

173. Изложение молитвы Господней

Отче наш! О, как велико милосердие твое к нам, грешным Твоим созданиям! Ты — Бог превечный и всесовершенный, а мы — земля, прах, глина и пепел; мы от земли созданы и в землю опять возвратимся... Ты един — свят и пресвят, а мы в беззакониях зачаты и во грехах рождены на свет; Ты — Творец и Владыка неба и земли, в руце Коего всякое дыхание и всякая тварь, а мы — ничтожные черви, рабы непотребные, ничего не стоящие... И вот Ты благоволишь, Ты повелеваешь, чтобы мы, по природе чада гнева (Еф. 2; 3) и рабы тления (2 Петр. 2; 19), именовали Тебя своим Отцом, и, восприяв чрез Единородного Сына твоего власть быть чадами Божиими по благодати (Ин. 1; 12), — зывали к Тебе гласом сыновним: Отче наш! О благодать бесконечная! Ты и создал нас, Ты и печешься о нас — так, как не печется ни один отец земной о любимых детях, ибо без Твоей воли святой даже ни один волос не падает с главы нашей (Лк. 21; 18); но как дерзнули бы мы назвать Тебя Отцом своим, если бы Единородный Сын твой не благоволил облечься в естество наше, если бы Он, сладчайший Господь наш Иисус, не купил нам этого права Своею кровью бесценною, если бы Он Сам не назвал нас Своими меньшими братьями (Мф. 25; 40) и не открыл нам превозделенное имя Твое, Небесного Бога и Отца?... Ты — Отец наш, а мы все братия о Христе Иисусе; Ты всех нас одинаково любишь, обо всех одинаково промышляешь, а потому я, первый из грешников, дерзаю молиться не о себе только, но и о всех братиях моих, как и они все молятся за меня, недостойного, — дерзаю просить всякого даяния блага не себе только, но и всей Церкви Твоей, как и она вся единым сердцем и едиными устами просит того же для меня, непотребного... «Отче наш, иже еси на небесех!» Знаем мы, что Ты — Дух вездесущий, и нет места, где бы Тебя не было; но знаем и то, что на небесах Ты особенно являешь славу Свою блаженным духам, что там — престол Твой дивный, — туда стремится и наш дух из сей юдоли земной, где мы только странники и пришельцы... Отче Небесный! «Да святится Имя Твое!» Да со страхом и любовью неосужденно призываем Твое достопоклоняемое

Имя, — да не приемлем сего Имени всеу (Исх. 20; 7), да не хулится оно Нашею порочною жизнью (1 Тим. 6; 1), да прославляется оно в душах и телесах наших (1 Кор. 6; 20), в делах, словах и помышлениях сердечных! Пусть и неведущие преславного Имени Твоего познают его, пусть с благоговением славится оно всеми, повсюду, во все времена и во всех концах вселенной! «Да приидет царствие Твое», Царю всякого создания! Да не царствует грех в смертном теле нашем (Рим. 6; 12); пусть Дух Твой благий наставляет и управляет нас на всякую истину (Ин. 16; 13). Пусть правда — одна святая правда царит на земле — и в нас и вокруг нас, и да погибнет всякая неправда, ложь, клевета и обман от лица земли! Да воцарится повсюду мир и любовь, и да исчезнут всякие раздоры, ненависть, вражда и злопамятство! Пролей благодатную радость в сердца, Тебе преданные, дабы мужественно встречали скорби, в сей жизни столь неизбежные! Да распространится по лицу всей земли царство благодати Твоей — святая Церковь Твоя Православная, и да наступит наконец вечноблаженное Царство славы Твоей, от сложения мира всем любящим Тебя уготованное (Мф. 25; 34). Но чтобы и нам не лишиться участия в сем вожделенном царствии, даруй нам возненавидеть свою волю лукавую и возлюбить волю Твою — благую, угодную и совершенную (Рим. 12; 2), даруй всем сердцем прилепиться к святым Твоим заповедям (Пс. 118; 31). Мы не знаем, что для нас вредно, что — благо и спасительно; един Ты сие ведаешь, посему и молим Тебя, Отче наш, «да будет» во всем, везде и всегда «воля Твоя» святая! Делай с нами, что хочешь, не смотри на наши грешные желания, не слушай наших молитв, если они не угодны Тебе, — во всем и всецело предаем себя в руки Твои: имиже ведаешь судьбами, веди нас к небесному Твоему Царствию! И «яко на небеси», в сем царстве славы Твоей, святые Ангелы Твои и все избранныки, Твоему престолу предстоящие, всегда и во всем совершенно исполняют святую волю Твою, так и нас «на земли» научи творити волю Твою (Пс. 142; 10), да будем чада послушания (1 Пет. 1; 14) по образу Единородного сына Твоего, Который не творил воли Своей (Ин. 6; 38), но был послушен Тебе даже до смерти — смерти же крестной (Флп. 2; 8)! Да исчезнет от лица земли всякое Тебе противление, чтобы ничем не разнилось небо от земли! — Отче Небесный! Ты ведаешь нужды наши лучше нас самих; Ты даешь пищу всякой плоти (Пс. 135; 25), Ты не забываешь и птенцов врановых (Пс. 146; 8); мы не просим у Тебя ни роскоши, ни богатства, ни чертогов золотых; не просим сладких снедей для объедения; не лиши нас самого необходимого: «хлеб наш насущный даждь нам днесь!» Хлеб — для пропитания, одежду — для прикрытия грешного тела, жилище, где бы нам приклонить главу — вот без чего не можем мы обойтись, пока живем на земле. Святое слово Твое, благодать Твоя, в таинствах Церкви Твоей раздаваемая, наипаче же хлеб животный, хлеб сходяй с небесе — пречистое Тело и Кровь Сына Твоего — вот тот хлеб насущный, без которого голодом гибнут бедные души наши... Если не будем вкушать плоти Сына Божия, если не будем пить животворящей Крови Его, то не будем иметь в себе и жизни вечной (Ин. 6;

53). Подай же нам, Отче наш, все необходимое, дай силы, хотя и в поте лица, но самим добывать себе хлеб трудом праведным! «Даждь нам днесь» — не в житницы на лета многа, но на нынешний только день, ибо мы и сами не знаем, доживем ли до завтра и что родит завтрашний день (Притч. 27; 1); может быть завтра нас не будет уже на земле; а когда настанет для нас это завтра, то, мы веруем, что если Ты дашь день, то дашь и пищу... Отче Небесный! Не хотящий смерти грешника (Иез. 33; 11), Ты ведаешь, что никто не чист от скверны, хотя бы и один только день прожил на земле (Иов. 14; 4, 5), и если скажем, что греха не имеем, то обманем только себя (1 Ин. 1; 8), — все мы грешны пред Тобою, и недостойны называться чадами Твоими (Лк. 15; 21), — все мы должники неоплатные: «остави нам долги наша», прости грехи наши, которыми мы оскорбляем Тебя на всякий день и час! Остави, ибо никто не может оставлять грехи, кроме Тебя (Лк. 5; 21); остави, ибо и нам Ты заповедал оставлять согрешившему брату до семьдесят крат седмерицею (Мф. 18; 22); остави нам, «якоже и мы», будучи злы (Мф. 7; 11) «оставляем должником нашим», и якоже обетовал сие нам грешным Твой Сын Единородный (Мф. 6; 14), — остави не нам только, но и всем должникам нашим, — не поставь им во грех того, в чем они согрешили против нас! А если мы не захотим простить им их ничтожных прегрешений, то — да будет суд без милости рабам лукавым (Мф. 18; 22) не оказавшим милости (Иак. 2; 13)! Отче Небесный! Ты ведаешь немощь нашу, Ты знаешь, как много у нас врагов: противу нас — и мир с его прелестями и соблазнами, и диавол — с его лукавыми искушениями, и наша собственная плоть с ее страстями и похотями: непусти же им одолеть нас, «не введи нас во искушение», а если и попустишь ради пользы душевной, то не попусти нам быть искушаемым сверх сил, но подай нам терпение в скорби и силу в борьбе со искушителем и при искушении дай изблежение, так, чтобы могли перенести (1 Кор. 10; 13)! И не только не допусти нас до падения во искушении, «но избави нас и от лукавого» начальника всяких искушений — диавола, который ходит как рыкающий лев, ища кого поглотить (1 Пет. 5; 8), защити и покрой от всех козней его, да не обидимы будем от сатаны (2 Кор. 2; 11), да не приключится нам от него всякое зло! Отче наш! Сего дерзаем просить у Тебя с верою, нимало не сомневаясь (Иак. 1; 6), ибо ведаем; «яко Твое есть Царство», Тебе принадлежит весь мир, и кто посмеет оскорбить тех, над кем Ты царствуешь? Какая тварь не послушает Тебя, Владыка всех созданий? Твоя есть «сила» — Авва Отче! Все возможно Тебе (Мк. 14; 36) — и кто противостанет силе Твоей, о Всемогущий! Твоя есть слава, кою исполнено небо и земля (Ис. 6; 3); да будет же, да послужит и самое исполнение нашей молитвы к славе Твоей, к славе бесконечной, непрестающей «во веки — Аминь!»

174. Благодатный свет добродетели

«Да святится Имя Твое!»

Не делай добра напоказ, — иначе оно не будет иметь цены в очах Божиих: вот закон христианского доброделания. Но добро — то же, что миро благовонное, что цветок благоухающий: как ни укрывай миро или душистый цветок, люди узнают о нем по запаху; как ни укрывайся от очей людских праведник, — добродетель его привлечет к нему сердца людей, добро любящих; ведь душа человеческая по природе своей любит добро, и если она еще не совсем огрубела в пороке, — она ищет добра, рвется к нему как пчела к цветку, на котором надеется собрать хоть одну каплю сладкого меду... Припомнить только: сколько раз Христос Спаситель запрещал разглашать о чудесных Его деяниях, и однако же каждое Его чудо делалось всем известным, и чем больше Он, по Божественному смирению Своему, запрещал говорить о таких делах, тем больше молва прославляла Его, и все это обращалось во славу Божию: и все, говорит Евангелист, славили Бога, «глаголюще, яко пророк велий воста в нас, и яко посети Бог людей Своих» (Лк. 7; 16). То же самое мы видим в истории Святых Апостолов, то же — в житиях всех святых угодников Божиих. «Не может град укрытись верху горы стоя»: не всегда может и добродетель христианская укрыться совершенно от очей людских, хотя бы того и желали люди добродетельные — так пусть же она в таких случаях будет во славу Божию: да святится же в нас и чрез нас всесвятое и достопоклоняемое имя Божие! «Тако да просветится свет ваш пред человеки», говорит Господь наш, тако да просветится, пусть сам светит, ярко сияет свет вашей добродетельной жизни по заповедям Божиим, «яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех» (Мф. 5; 16). И всегда сиял сей дивный свет благочестия среди нечестия людского, и взирали на него души, грехом помраченные, и невольно привлекал их к себе этот дивный свет, и сколько грешников обратилось на путь покаяния только потому, что видели пред собою дивные образцы христианских добродетелей!..

Из бесчисленных примеров такого обращения вот один, рассказанный преподобным Ефремом Сириным. В окрестностях того города, близ коего подвизался в затворе преподобный Авраамий, находилось селение, в котором жители — все до одного — были идолопоклонники. Сколько ни посылал туда епископ проповедников слова Божия — все они, не стерпев оскорблений, возвращались без успеха. Наконец Бог внушил епископу рукоположить преподобного Авраамия во пресвитера и послать в это селение. Нелегко было склонить смиренного затворника на этот подвиг; долго Авраамий отказывался: "Прости меня, отче святой, — говорил он, — позволь мне оплакивать свои грехи, а такое дело мне не по силам". Но епископ настаивал на своем: "Вот, — говорил святитель: — ты и мир оставил, и все мирское возненавидел, и все добродетели исправил, а послушания не имеешь... Рассуди сам: затворившись в келлии, ты спасаешь себя одного, а там, при помощи Божией, обратишь многих ко Господу и спасешь их". — Авраамий заплакал... "И кто я, пес умерший, что ты так высоко думаешь обо мне?! — сказал он епископу. — Но если так Богу угодно, то за послушание

иду". — Тогда епископ посвятил его в сан иерея и отпустил в упомянутое селение. Горько было преподобному видеть, как его пасомые преклоняли колена пред идолами! "Единый безгрешный Боже, — так со слезами молился он, — не презри Твоих созданий!" Немедленно приступил он к построению храма Божия на средства, оставшиеся после его родителей. Скоро храм был отстроен и благолепно украшен. При освящении церкви преподобный пролил пред Господом слезную молитву о своей заблуждающейся пастве: "Собери, Господи, рассеянных людей Твоих, введи их в сей храм Твой и просвети их душевные очи к познанию Тебя, единого истинного Бога". — Окончив молитву, он пошел в языческое капище, разбил там всех идолов, а жертвенники их разорил. С этой минуты начинается воистину страдальческая жизнь преподобного. Как дикие звери бросились на него жители, когда увидели поругание своих богов, и бичами выгнали его из селения. Ночью возвратился Авраамий в город, вошел в свою церковь и с плачем стал умолять Бога о спасении заблуждающихся. Не ожидали этого жители, и очень были удивлены, когда наутро нашли его в церкви. Блаженный стал убеждать их, чтобы познали истинного Бога; но ожесточенные идолопоклонники опять бросились на него с палками, избили и полумертвого выбросили в поле. В полночь пришел Авраамий в себя: он глубоко вздохнул и со слезами стал изливать скорбь свою пред Господом... "Почто, Владыко мой, презрел Ты слезы мои? Почто отвратил лицо Свое от Своего создания? Призри на раба Твоего, услышь молитву мою, освободи из плена диавольского Твоих рабов, да познают Тебя — единого Господа!" Преподобный опять вернулся в селение, опять вошел в церковь и стал на молитву. И снова нашли его тут безжалостные жители, и снова принялись терзать и мучить его, и оцепив веревкою, вытащили вон из селения... Три года страдал так блаженный; три года его всячески оскорбляли, мучили, томили голодом и жаждою, побивали камнями. А ведь так легко было избавиться от всех этих истязаний: стоило уйти из селения — и все мучения кончились бы; но слава имени Божия, спасение ближнего для преподобного были дороже самой жизни, и он все терпел благодушно, и только с любовью умолял, увещевал, упрашивал — старых — как отцов, молодых — как братьев, детей — как любимых сынов — пожалеть себя, одуматься, обратиться к Господу. И святое терпение подвижника победило упорство язычников: луч благодати Божией разогнал наконец тьму заблуждения и коснулся животворным прикосновением их сердец; идолослужители невольно задумались, смотря на угодника Божия... "За что он так любит нас? — рассуждали они. — А он действительно любит: уже чего мы не делали, чтобы прогнать его от себя? Как его не мучили? Как не оскорбляли? А он и слова худого в целых три года нам не промолвил... Разве стал бы он все это терпеть так благодушно, если бы не было ни рая, ни ада, ни суда, ни воздаяния? Видно его Бог — есть истинный Бог, — не то, что наши бездушные идолы, видно он — истинный Божий слуга; пойдете же к нему все и станем веровать в Бога, Которого он проповедует!" — И пошли к нему всем селением, и приняли от него святое крещение — в один раз до

тысячи душ! Нет нужды говорить, какую радостью преисполнилось тогда сердце угодника Божия, — как он горячо благодарил и прославлял Господа, благословившего его терпение спасением стольких душ! — Прибавим только, что преподобный, утвердив в вере новообращенную паству свою, чрез год удалился снова в свой затвор и стал подвизаться по-прежнему.

Вот, друзья мои, что может сделать добродетель христианская! Будем же и мы жить так, чтобы и другие брали с нас добрый пример, чтобы и евреи, и татары, и идолопоклонники (есть еще и идолопоклонники на обширном пространстве русского царства!) — чтобы и они, смотря на нас, говорили: "Ах, какие добрые люди эти православные Христиане! Какие они правдивые, кроткие да милостивые! Видно — их вера хороша! Видно их Бог — есть истинный Бог, когда Его служители такие хорошие люди!" И будут так говорить, и сами будут исправляться, будут стыдиться греха, и обращаться в святую веру нашу православную, и будет тогда чрез нас святиться Имя Божие, — только бы мы сами жили по-Божьи, — так, как велит нам святая вера православная! И никто не назовет нас за это лицемерами, хотя и будут у всех на виду наши добродетели: ведь не приходило же и на мысль язычникам упрекать преподобного Авраамия в лицемерии. Да если бы и упрекнул кто: что за беда? Ведь ты делаешь свое дело доброе не напоказ, не ради похвалы людской, а ради славы Божией, делаешь открыто только потому, что нельзя тебе укрыться со своею добродетелью; итак, стоит ли заботиться о том, что будут говорить о тебе злые языки? И о Христе Спасителе чего — чего не говорили лукавые фарисеи?..

175. Священный памятник 1812 года

«Не нам, Господи, не нам, но Имени Твоему даждь славу о милости Твоей!..» (Пс. 130; 9).

Спустя несколько дней после великого всероссийского торжества — священного Венчания на царство и Миропомазания благочестивейшего Государя нашего императора Александра Александровича, совершилось другое великое торжество — тоже всероссийское и священное, двадцать шестого мая 1883-го года освящен соборный храм Христа Спасителя, построенный в благодарственное воспоминание спасения России во время нашествия двадцати языков в 1812 году. 1812-й год!... Кто в детстве не слышал рассказов от старых людей об этом достопамятном годе? Кто с благоговением не произносил священного имени Александра Благословенного, — кому из русских людей не знакомы славные имена Кутузова и многих, многих его сподвижников — русских богатырей?.. И вот в Москве, этом сердце русской земли, в Москве, которая сама как свеча горела пред Богом за землю родную, была искупительною жертвой за святую Русь Православную, в этой Москве воздвигнут наконец священный, достойный России памятник двенадцатого года! Исполнен обет

Благословенного Александра, завершен труд, начатый Незабвенным Николаем и продолженный благосердным Царем-мучеником Александром Вторым, — храм в 1883 году освящен, открыт для молитвы, для бескровной Жертвы, и верные сыны Православной России изливают здесь свои теплые молитвы, и фимиам сих молитв за родную землю будет возноситься здесь к небесам отныне и до века — из рода в род!...

Представляя читателям изображение этого храма-памятника, приведем здесь несколько сведений об этой новой святыне русской земли. Храм Христа Спасителя величественно красуется близ священного Кремля, на левом берегу Москвы реки. Его наружный вид напоминает древние русские храмы. Основание его представляет правильный равноконечный крест. Высота храма достигает 145 1/2 аршин; так что колокольня Ивана Великого с крестом может установиться под яблоко большого купола храма; длина и ширина одинакова — 117 аршин. Здание увенчано пятью главами, из которых средняя — несравненно больше всех остальных. Всех дверей ведет в него двенадцать: по три двери с каждой стороны; они вылиты из бронзы, украшены священными изображениями и весят с железом — большие по 800 пудов, а малые по 500 пудов. На всех четырех стенах снаружи помещены разные священные изображения, высеченные из мрамора. — Внутри храм разделяется на три части: середина или собственно храм; кругом его коридор в шесть аршин шириною, а над этим коридором — хоры, или по-древнему — полати. По стенам коридора помещены на белых мраморных досках высочайшие манифесты и грамоты, относящиеся к событиям 1812, 1813 и 1814 годов, описания битв и изображения святых, коих память празднуется в те дни, в которые происходили эти битвы. — На хорах помещается два придела: один — в северо-восточном углу во имя Благоверного Князя Александра Невского, Ангела императоров Александра Первого и Александра Второго, из коих первый дал обет построить сей храм, а второй довершил исполнение сего обета; другой придел в юго-восточном углу во имя святителя Николая Чудотворца, Ангела императора Николая Первого, положившего основание сему храму. Живопись на хорах представляет в лицах историю Вселенской и Русской Церкви. Восточная сторона хор отделена для помещения ризницы и библиотеки. Внутреннее пространство самого храма между северной и южной дверями простирается до 100 аршин, а от западных дверей до алтаря 66 аршин, высота же от пола до купола доходит до 100 1/2 аршин; и на этой-то высоте, в своде купола, помещено изображение Господа Саваофа, Который имеет на лоне Своем Предвечного Сына в образе Младенца и на персях — Святого Духа в виде голубя. Господь изображен творящим мир, и вместе благословляющим Свое творение; небо служит Ему престолом, Его риза — вся из света; вокруг Него — сонмы Ангелов, Херувимов и Серафимов, благоговейно славословящих Его. Чтобы понять, скольких трудов стоило художнику это изображение, довольно сказать, что он работал над ним пять лет, и что изображение Господа, без Ангелов, занимает 21 аршин!.. Ниже окон купола представлена Церковь

Небесная: здесь мы видим Христа Спасителя, Его Пречистую Матерь, Его Предтечу, Праотцов, Пророков и Апостолов... Ниже — события из земной жизни Христа Спасителя: Его Преображение, Сошествие во ад, Воскресение, Сошествие Святого Духа на Апостолов; еще ниже — Евангелисты, затем в углублениях четырех громадных столбов, на которые опирается все здание храма: поклонение пастырей и волхвов; помазание Давида на царство (над Царским местом) и благословение преподобным Сергием Димитрия Иоанновича на бой с татарами... Но перечесть все священные изображения на стенах, столбах и сводах этого храма в кратком листке нет возможности; между тем великолепие украшений его заключается не в одной только живописи: внимание посетителя невольно привлекают к себе работы из мрамора. Мрамором покрыты все внутренние стены от пола до хор; мрамором устлан в виде узорчатого ковра весь пол; из мрамора сделаны иконостасы и клиросные решетки, из мрамора-лабрадора (киевского) устроены все три престола и жертвенники. Все эти мраморные работы стоили более двух миллионов рублей. Главный алтарь (в честь Рождества Христова) вместе с иконостасом представляет вид восьмиугольной из белого мрамора часовни, с бронзовым вызолоченным шатром над нею; при входе в алтарь прежде всего внимание останавливается на огромной, во всю ширину восточной стены картине, изображающей Рождество Христово; вокруг нее лентою тянется кондак Праздника: «Дева днесь Пресущественного раждает...» Ниже этой картины, на горнем месте, помещается изображение Тайной вечери, а по северной и южной стенам алтаря — изображение страданий и крестной смерти Господа... Все живописные работы исполнены лучшими в России художниками. В куполе, ниже окон идет галерея, или хоры, с бронзовой золоченою решеткою, на которой размещено 640 подсвечников для освещения купола. Такая же решетка и на прочих хорах, с 600 подсвечниками... В трех больших арках — три бронзовые паникадила, по 300 пудов каждое; всех же свечей для полного освещения храма нужно до 3.200 штук. Они везде вставляются в металлические трубки, из коих и выдвигаются, по мере горения, особыми пружинами. Этот величественный храм может свободно вместить в себе до 10.000 человек; строился он более 50 лет и стоил, со всеми расходами, до пятнадцати миллионов рублей.

176. Что такое Царствие Божие?

«Ищите прежде царствия Божия и правды его» (Мф. 6; 35).

«Ищите и обряцете» (Мф. 7; 7).

«Сице убо молитесь вы: Отче наш!.. Да придет царствие Твое» (Мф. 6; 9)...

Господь заповедал нам молиться: «да придет царствие Твое». Какого же царства мы просим себе у Господа, когда произносим сии слова молитвы Господней? Того царства, друзья мои, которое откроется при кончине мира,

— царства небесного, в которое позовет Господь стоящих одесную Его праведников пресладким гласом Своим: «приидите благословении Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира» (Мф. 25; 34). Вполне наступит это царство тогда, когда Господь придет судить живых и мертвых, когда откроется новое небо и новая земля (2 Пет. 3; 13), когда окончится время и настанет вечность... Это царство славы, вечное блаженство праведных. Но чтобы войти в это царство, необходимо вступить в преддверие его, в царство благодати, о котором Господь сказал иудеям: «аминь глаголю вам, яко суть неции от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят царствие Божие, пришедшее в силе» (Мк. 9; 1). Это царство давно уже настало: оно устроено на земле Самим Господом; оно распространилось и доселе распространяется по лицу всей земли; это — святая Церковь православная, которая есть воистину благодатное царство Христово на земле. И так мы должны благодарить Господа за то, что Он сподобил нас уже войти в это преддверие Царства Небесного, соделаться сынами Христовой невесты — Церкви православной! Поистине, братие мои, Святая Церковь есть преддверие Царства Небесного: как при вратах цветущего сада уже ощущается благоухание его цветов, хотя сии врата еще затворены, и самих цветов не видно; так и в святых таинствах Церкви православной, в ее священных обрядах, в ее дивном Богослужении и мудрых уставах уже дается нам предощущать и предвкушать будущие радости райского блаженства праведных, хотя самое это блаженство для нас еще непостижимо и воспримется только верою, а не видением... Вспомните, например, те чувства благодатные, какие наполняют вашу душу в то время, когда вы причащаетесь святых Таин Христовых; припомните ту радость несказанную, которою трепещет ваше сердце в ночь на светлое Христово Воскресение, или те неземные утешения, которые вы ощущаете, встречая другие церковные праздники: что все это, как не предощущение царства небесного, к которому вы так близки бываете в эти священные минуты вашего общения с Господом? А кому вы обязаны этими благодатными утешениями, если не святой матери вашей, Церкви Православной?.. Но не все те, которые почитают себя сынами царствия Божия, чадами Церкви Христовой, наследуют действительно царство небесное: «мнози, - говорит Господь, - от восток и запад приидут и возлягут со Авраамом и Исааком и Иаковом во царствие небесном; сынове же царствия изгнаны будут во тьму кромешную» (Мф. 8; 11,12)... Сынове Царствия... Уж и мы, недостойные сыны Церкви Божией, не принадлежим ли к числу этих несчастных сынов царствия —будущих изгнанников? Сердце невольно содрогается при одной мысли об этом, друзья мои; ум невольно спрашивает: что же нужно для того, чтобы и пред нами не затворились двери Царствия небесного?.. Что нужно? — Нужно позаботиться о том, чтобы Царство Божие заранее сошло в наше сердце и началось для нас еще здесь на земле так, чтобы, когда настанет для нас час исхода из сей жизни, нам иметь уже в своем сердце верный залог и как бы начаток будущего блаженства. Скажете: возможно ли это? Не только

возможно, но иначе и быть не должно. Христос Спаситель об этом вот что говорит: «ищите прежде царствия Божия и правды его» (Мф. 6; 33), «ищите и обрящете» (Мф. 7; 7). Оно не далеко от вас, «царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17; 21). По изъяснению Апостола Павла это царство есть «правда, мир и радость о Дусе Святе» (Рим. 14; 17). Что это за блаженное состояние — хорошо знают только те, кои испытали его на самом деле, ибо словами нельзя описать того блаженства, какое ощущает сердце, исполненное благодати Божией. Об одном восьмилетнем отроке рассказывают, что его заставляли часто повторять молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!» Сначала ему это не нравилось, и он всячески уклонялся от молитвы; но потом стал усерднее и охотнее исполнять приказание, и — дотоле резвый и шаловливый — мало-помалу стал тих и молчалив, а наконец так привык к молитве, что уже без всякого понуждения творил ее всегда и при всяком деле. Когда его спрашивали, почему ему так полюбилась молитва? — Он отвечал в простоте сердца: "Когда я говорю молитву, то мне бывает очень хорошо!" — Да как же это хорошо? — "Не знаю, как сказать, — отвечал он, — весело мне очень!"... "Весело, хорошо", — больше ничего не мог сказать блаженный отрок о том благодатном утешении, какое испытывала его чистая детская душа! Но лучше ничего не сказал бы на его месте и самый мудрый муж. Весело, хорошо: ведь не то же ли самое говорили и Апостолы на Фаворе: «добро есть нам zde бытии», Господи (Мф. 17; 4). Где Господь со Своею благодатью — там и рай, там и Царство Небесное. А Господь сказал: «аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его и к нему приидем, и обитель у него сотворим» (Ин. 14; 23). Итак, не дивно, что благодать Божия так скоро низошла в невинное сердце отрока и воцарилась там: простое сердце дитяти есть открытая дверь для благодати Божией. Недаром же сказано о детях: «таковых есть царство небесное» (Мф. 19; 14). Но и для нас, друзья мои, не закрыт путь к этому благодатному предвкушению царствия Божия в своем сердце. Только нам не так легко и скоро дается оно, как детям незлобивым. Уж слишком засорено наше грешное сердце всякою нечистотою греховною; много, слишком много укоренилось в нем колючих терний и волчцев — греховных навыков и страстей; много нужно трудиться над очищением сердца от этой нечистоты, ибо сказано, что только «чистые сердцем Бога узрят» (Мф. 5; 8), — трудиться нужно, понуждать себя, ибо Царство Небесное без труда не дается: оно, по слову Христову, силою берется, и только употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11; 12)! В чем же трудиться? Трудись в исполнении заповедей Божиих: «аще хочещи внити в живот, соблюди заповеди» (Мф. 17; 19), говорит Спаситель. «Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи! внидет в царствие небесное, но творяй волю Отца Моего небесного» (Мф. 7; 21). С радостью принимай все скорби и лишения, обиды и неправды: «ибо многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие» (Деян. 14; 22), и «блажени изгнани правды ради, яко тех есть царство небесное» (Мф. 5; 10). Старайся стяжать детское смирение,

детскую простоту и незлобие, детскую преданность воле Божией: «аще не обратитесь и будете яко дети, не внидете в царствие небесное» (Мф. 18; 3). А чтобы не ослабеть тебе в сих трудах на пути к царствию Божию возможно чаще прибегай к спасительным таинствам Покаяния и Причащения святых Христовых Таин, ибо сказано: «аще не снете тоти Сына Человеческого, ни пиете крови Его, живота не имате с себе» (Ин. 6; 53). Великая сила благодатная заключена в сих таинствах! Они очищают, обновляют, питают душу верующего и дают ей новые силы на труды в искании царствия Божия. — Вот что, возлюбленный, нам необходимо нужно для того, чтобы стяжать Царство Небесное! Не унывай духом в этих трудах спасительных, хотя бы и всю жизнь пришлось тебе трудиться: Бог милостив, Он видит труд твой; Он всегда готов на помощь труженику спасения, Он всех и каждого зовет к Себе гласом милосердия: «приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененный и Аз упокою вы!» (Мф. 11; 28). Слышишь, говорит: упокою, и воистину непреложно слово Его! Только при этом помнить надобно, что Царствие Божие не приходит «с соблюдением» (Лк. 17; 20), — что не следует поэтому усиленно искать благодатных утешений, которых мы никогда не должны считать себя достойными: Господь придет к тебе, говорит преподобный Исаак Сириянин, но только тогда, когда место будет чисто, а не скверно! — Когда вот очистишь в своем сердце место для благодати Божией, тогда самым опытом изведешь, как близко к тебе царствие Божие, и возжелаешь ты этого благодатного царствия и будешь день и ночь взывать к Отцу Небесному: Авва Отче! Да приидет царствие Твое! Аминь.

177. Прежде сам прости

«И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим».

Раскроем, братие, Священное Евангелие, и с должным благоговением выслушаем одну из притчей Господа нашего Иисуса Христа. Слушайте — Господь говорит: "Царство небесное подобно царю, который захотел сосчитаться с рабами своими. Когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов (несколько миллионов рублей). А как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и все, что он имел, и заплатить. Тогда раб тот пал, и, кланяясь ему, говорил: — Государь! Потерпи на мне, и все тебе заплачу. Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его, и долг простил ему. Раб же тот, вышедши, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев (каких-нибудь двадцать рублей), и, схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен. Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его, и говорил: потерпи на мне, и все отдам тебе. Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга. Товарищи его, видев происшедшее, очень огорчились, и, пришедши, рассказали государю своему все бывшее. Тогда государь его призывает его и говорит: — Злой раб! Весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня. Не

надлежало ли и тебе помиловать товарища своего, как и я помиловал тебя? И разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так и Отец Мой небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его" (Мф. 18; 23-35).

"Так поступит с вами"... это значит: «суд без милости не сотворшему милости» (Иак. 2; 13), и «блажени милостиви, яко тии помиловани будут!» (Мф. 5; 7). Таков закон правды Божией: просишь прощения? Прежде сам прости. Ищешь помилования? — Прежде сам помилуй. Без этого нет тебе пощады, нет прощенья, нет помилования. «Аще отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный, аще ли не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших» (Мф. 6; 14, 15). «Отпускайте и отпустят вам... тою бо мерою, еюже мерите, возмерится вам» (Лк. 6; 36, 38)!

Раскроем теперь другую книгу — великую книгу житий святых Божиих. Вот какой рассказ читаем мы в житии святителя Иоанна Милостивого: был в Александрии один вельможа, который, несмотря на все увещания угодника Божия, не хотел и слышать о примирении со своим врагом. Раз святитель пригласил его в свою домовую церковь на Божественную литургию. Вельможа пришел. В церкви никого не было из богомольцев, сам патриарх служил, а на клиросе был только один певец, которому вельможа и стал помогать в пении. Когда они начали петь молитву Господню: «Отче наш», запел ее и святитель; но на словах: «хлеб наш насущный даждь нам днесь» — святой Иоанн вдруг замолчал сам и остановил певца, так что вельможа один пропел слова молитвы: «и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим...» Тут святитель обращается к непримиримому вельможе и с кротким упреком говорит: "Смотри, сын мой: в какой страшный час и что говоришь ты Богу: остави мне, как и я оставляю... Правду ли ты говоришь? Оставляешь ли?..." Эти слова так поразили вельможу, что он, весь в слезах, бросился к ногам архипастыря и воскликнул: "Все, что ни повелишь, владыко, все исполнит раб твой!" И исполнил: он в тот же день помирился со своим врагом и от всего сердца простил ему все обиды.

Раскроем, наконец, возлюбленные, сокровенную книгу нашей совести и поищем в ней ответа на тот же вопрос: оставляем ли? Братии мои! Ведь и мы каждый день и притом не раз повторяем те же слова молитвы Господней; и мы просим Отца Небесного: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим...» Но — правду ли мы говорим? Оставляем ли? А если не оставляем, не прощаем, то уж не думаем ли мы обмануть Господа Бога, когда говорим Ему: прости нам, как и мы прощаем другим?.. Ведь кажется: страшно бы и подумать об этом, друзья мои, и однако же на деле выходит так... Все говорят: «остави, якоже и мы оставляем...»; но все ли оставляют? Все ли прощают своим врагам? О, если бы мы побольше думали о том, что скажет Господь непрощающим в ответ на их дерзновенную молитву!... А скажет Он вот что: как вы смеете просить, чтобы Я исполнил Свое обещание, когда вы сами не исполняете того, что Я заповедал? Что Я обещал?

Отпустить долги ваши. А что заповедал? Чтобы и вы отпускали должникам своим. Но как можно сказать, что вы исполняете это, когда не любите врагов ваших?...

Что же делать нам, братие? — вопрошаю и я грешный вместе с блаженным Августином. Если уж мы не любим врагов своих, то не лучше ли совсем не произносить этих слов молитвы Господней: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим»? Но если не будем этого говорить, рассуждает святитель, то грехи наши на нас же останутся; и если будем говорить, но не будем делать, тоже не отпустятся... Остается одно: и говорить, и делать, чтоб грехи отпущены были! — Итак, отпусти, убеждает блаженный святитель: отпусти своему врагу все, в чем он согрешил перед тобою, — отпусти; ведь он — родной тебе человек: оба вы из земли сотворены и от Господа воодушевлены; Бог — Отец наш, Церковь — Мать, стало быть, все мы братья. Но ты скажешь, может быть: он лицемерно просит у меня прощения, он притворяется, обманывает. О судия сердца чужого! Скажи мне помышления отца твоего, скажи твои собственные вчерашние помышления. Умоляет, просит прощения — отпусти, совсем отпусти. Если не отпустишь, не ему повредишь, а себе. Не отпустишь ты — раб рабу, так он пойдет к Господу — своему и твоему — и скажет Ему: Владыко мой! Просил я товарища своего, чтоб он опустил мне; не хотел отпустить. Ты отпусти! И Он всеконечно отпустит. Таким образом тот отойдет от Господа своего разрешенным, а ты останешься связанным. Как связанным? Придет время молитвы, наступит минута, когда ты скажешь: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и Господь ответит тебе: рабе лукавый, весь долг он отпустих тебе, понеже умолил Мя еси: не подобаше ли и тебе помиловати клеветы твоего, якоже и Аз тя помиловах?» (Мф. 18; 32, 33). Из Евангелия эти слова, а не из моего сердца. Но если ты, умолен будучи, простишь просящему прощения, то смело уже можешь говорить молитву ту. Хоть ты не силен еще любить врага своего, но молитву ту можешь говорить: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». А там, Бог даст, ты и полюбишь врага твоего истинною нелицемерною любовью, и будешь молиться и за него так же, как и за себя самого. Святого Стефана побивали камнями, а он и под ударами камней, преклонив колена, молился, говоря: «Господи, не постави им греха сего» (Деян. 7; 60). Те камни пускали в него, — не прощения просили, а он молился о них. Таковым быть желаю тебе. Поднимись немного. Что всегда долу — по земле влачишь сердце свое? Слышишь: «горе имеим сердца»? Поднимись же, полюби врага!"... "Когда полюбишь врага, — рассуждает другой святитель, Григорий Нисский, — то с дерзновением будешь говорить Отцу Небесному: "Отче наш! Что сделал я, то сделай и Ты, я отпустил грехи, не взыскивай с меня и Ты. Я порадовал должника своего, порадуй и Ты; не делай, чтобы твой должник был грустнее моего! Пусть оба они равно благодарят оказавших им милость! Малое человеколюбие оказал я, потому что большего не вмещает природа моя, а Ты сколько ни пожелаешь — все

можешь, ибо ни благодати, ни всемогуществу Твоему нет конца!..." О, если бы и нас грешных сподобил Господь говорить Ему с чистою совестью и святым дерзновением те слова, коим Сам же Он, Господь наш, научил нас в молитве Своей: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим!» Но, друзья мои, разве это не в нашей власти? Разве мы не можем простить, забыть, совсем выкинуть из сердца и памяти всякое братнее против нас погрешение? А чтобы легче было подавить в себе злопамятство, будем помнить грозное слово Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова: «всяк ненавидяй брата своего человекоубийца есть» (Ин. 3; 15). Да, братие мои: ненавистник то же, что убийца — «имеяй уши слышати да слышит!...» Аминь.

178. Невидимые сети

«И не введи нас во искушение» (Лк. 11; 4).

Преподобный Антоний Великий однажды увидел сети, раскинутые по лицу всей земли. Пораженный множеством этих сетей, он воскликнул: "О, Господи! Кто же в состоянии избежать их?.." И был к нему глас Божий: "Смирение!"

Итак, недаром, возлюбленные, святая Церковь, как заботливая мать, провожая нас на сон грядущих, заповедует каждому из нас молиться: «заступник души моя буди, Более, яко посреде хожду сетей многих, избави мя от них, и спаси мя Блаже, яко человеколюбец!» Видно опасны эти сети, когда вот даже великий подвижник преподобный Антоний пришел в недоумение: возможное ли для человека дело — избежать их? Но что же это за сети, повсюду для нас расставленные? Что это за тенета, которых может избежать только смирение? — Сети, друзья мои, это — искушения и соблазны, это такие случаи и обстоятельства, когда человек легко может потерять веру и отчаяться в своем спасении, или впасть в тяжкий грех. Еще праведный Иов сказал: «не искушение ли человеку, житие его на земли» (Иов. 7; 1)? То есть, вся жизнь человека проходит среди искушений; опасности подстерегают его на каждом шагу; по сему и сказано в Писании: «чадо, аще приступавши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение» (Сир. 2; 1). Это значит: если ты решаешься жить по - Божьи, то знай, что враги твоего спасения не оставят тебя в покое: стой бодро на страже и жди от них искушений на всякий час! А врагов этих у нас много, о как много! Так, нас искушает мир, то есть мирские прелести и удовольствия, богатство и почести, и все то, в чем человек думает найти себе блаженство и счастье на земле. Всех таких искушений от мира не перечтешь; возьмем самый простой пример: вот в свободный праздничный час захотел ты заняться чтением слова Божия или другой какой-либо душеполезной книги; но к тебе пришел приятель и зовет тебя на гулянье — на людей посмотреть и себя показать, — знай, друг мой, что это мир искушает тебя: ты не только

потеряешь там попусту драгоценный час, но и душе своей повредишь; поверь, возлюбленный: не вернуться тебе оттуда таким, каким пойдешь туда; твоя совесть скажет тебе это лучше меня!.. — Другой опасный враг наш — это наша плоть грехолюбивая, это мы сами. Нам все хотелось бы жить посвободнее да попривольнее, повкуснее пить и есть, да подольше спать... Вот, например, в праздник благовестят к утрени, а тебе с теплою постелью расстаться не хочется, — знай, что это плоть твоя искушает тебя; это она шепчет тебе: "Зачем так рано тебе вставать? Ты устал вчера, отдохни еще, на дворе темно и холодно, церковь не близко, — лучше к обедне сходишь..." Или вот настали дни святого поста: поговорить надо, повоздержаться во всем, а у нас сколько отговорок найдется, сколько снисхождения к себе и разных поблажек грешной плоти!... Но самый непримиримый враг наш — это исконный человекоубийца диавол. Живет ли человек в мире со всеми — диавол старается посеять вражду и раздор. Желает ли человек честным трудом найти себе пропитание — он внушает расположение красть, искать легкой наживы, лгать и обманывать; даже в часы молитвы, когда человек с Самим Господом Богом беседует, даже и тогда этот враг не оставляет его в покое: то напоминает ему разные дела нужные, чтобы от молитвы отвлечь, то наводит на него целую тучу грешных помыслов, то повергает его в уныние... И чего не делает он, чтобы только сбить человека с пути правого, запутать его в своих сетях искусительных!.. — Вот сколько нам искушений, друзья мои, вот сколько сетей вражеских раскинуто на узком пути к Царству Небесному! Как же поэтому не молиться нам на всякий день и час, как не взывать к Отцу Небесному: «Отче наш! Не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго!»

И будем молиться; и будем просить о том милосердного Господа; но будем помнить и то, что все же искушения будут встречаться нам на каждом шагу, на всем жизненном пути, до самой смерти, до тех пор, пока не войдем мы в двери Царства Небесного. Если уж диавол нагло дерзнул приступить с искушением к Самому Иисусу Христу, единому Безгрешному: то оставит ли он в покое нас, грешных, пока мы живем на земле?.. Значит, нечего и думать о том, как бы навсегда избавиться от всяких искушений, чтобы их вовсе не было; это невозможное дело; лучше подумать о том, как поступать при встрече с искушениями? Что делать, чтобы не запутаться в этих сетях вражеских? Как пользоваться искушениями для своего же спасения?.. Вот это — дело возможное; Бог для того и попускает искушения, чтобы мы, претерпев искушение, восприяли венец жизни (Иак. 1; 12). Искушения нужны для нас самих: без них нам не распознать своих немощей; без них не имели бы настоящей цены наши добродетели; как золото очищается, перегорая в огне, так добродетель очищается скорбями и искушениями: все нечистое, все греховное, что пристало к ней от нашего тщеславия, самомнения, от лицемерия и человекоугодия — все это очистится скорбью, а добродетель останется, и будет блеснуть как чистое золото в очах Божиих. Итак, хочешь ли получить венец жизни? — Не бойся искушений. Тот не

воин, кто бежит с поля сражения. То и знак, что стоишь ты на пути Божиим, если враги не дают тебе покоя: своего человека, им душою преданного, они не станут много тревожить. Вот потому-то и говорит Апостол: «всяку радость имейте, братиемая, егда во искушения впадаете различна: ведяще, яко искушение ваша веры соделовае терпение» (Иак. 1; 2,3), и «блажен муж, иже претерпит искушение!» (12) — Один инок много терпел обид от брата; не вынес он этого искушения и перешел в другой монастырь, тут стали обижать его уже двое; он ушел и отсюда; в третьем монастыре ему пришлось терпеть уже от пятерых, — тогда он одумался и сказал сам себе: "Я бегу от искушения, а оно все больше берет силу надо мною; буду же все терпеть ради Христа!" — И стал терпеть и в терпении нашел спокойствие души. Итак, не бегай малодушно от искушений, если Бог попустил их на тебя; но не вдавайся и сам в искушения, не напрашивайся на них самонадеянно: это дело гордости духовной. Один монах часто докучал старцу просьбою: помолись, авва, чтобы мне получить мученический венец! — Старец долго его уговаривал не вдаваться без нужды в искушения, говорил, что за это Бог оставляет человека без Своей благодатной помощи и человек падает в тяжкий грех; но ученик не слушал и все твердил свое... Старец помолился, и вот однажды, когда инок проходил по пустыне, его схватили дикие обитатели пустынных гор, привели в свой стан и начали заставлять его кланяться их идолам... Смутился бедный инок, растерялся и поклонился... Не берись и ты, возлюбленный, за такое дело, которое тебе не по силам; не давай, например, обещаний, которых выполнить не можешь, не ходи без нужды туда, где наверное знаешь, что там не устоять тебе против греховного соблазна... А как часто бывает, друзья мои, что мы грешные сами ищем встречи с искушением и уж конечно не для того, чтобы показать свое мужество в борьбе с грехом, а просто для того, чтобы иметь случай согрешить и потом сказать в свое оправдание: "Что делать! Мы — не Ангелы: искушение встретилось — вот и согрешили!" — О, Господи! до чего иной раз может довести человека его воля злая — лукавая! Молимся: «не введи во искушение», а сами идем на искушение; хорошо, знаем, что не попускаешь Ты искушений выше сил наших; что Ты всегда готов помочь нам во всяком искушении, как бы тяжело оно ни было; значит, если согрешаем, то сами кругом виноваты; — мы знаем это, и в то же время ссылаемся на искушения, и думаем оправдать себя разными обстоятельствами! Отче небесный! Не введи нас в искушение, наипаче же не попусти нам впасть в духовное ослепление, в тяжкий грех упорного самооправдания! «Не уклони сердце наше в словеса лукавствия непщевати вины» — подыскивать всякие извинения в грехах! (Пс. 140; 7). Господи! Дай нам смирение, которое одно только и может избежать сетей вражиих, а их так много — много раскинуто на нашем пути!

179. Бедностью не оправдаешься пред Богом

Чего только не придумает сказать в свое оправдание грешное сердце человеческое! — Больной выставляет на вид свои немощи, здоровый — свои труды и заботы, свои недосуги и хлопоты; у богатого всегда готово множество всяких извинений и отговорок в свое оправдание, а бедняк говорит: "Нищета совсем меня одолела: — иной раз и рад бы не согрешить, да нужда... что будешь делать? Поневоле согресишь". Как будто Господу нужно наше неразумное оправдание! Как будто Он, Милосердый и Всеведущий, и помиловать нас не может без нашего лукавого самооправдания! Он и без оправданий наших знает, кто достоин поминовения и, конечно, такого помилует: «помилую, егоже аще милую, - глаголет Он, и ущедрю, егоже аще щедрю...» Помилует Он, только уж никак не таких праведников, какими хотели бы казаться мы грешные: «не приидох, - говорит Господь наш, - призвати» лицемерных фарисеев «праведников, но грешников на покаяние!» (Мф. 9; 13). Не нужно Ему оправданий наших — Ему покаяние наше нужно! Принеси Ему покаяние во всех грехах своих — признай себя виновным пред Ним без всяких извинений и отговорок, да обещавай впредь не грешить, вот и снимет Он с тебя тяжкое бремя греховное, и обновит тебя благодатию Своей; и если ты после того пребудешь в любви Его, если крепко будешь держаться святых Его заповедей, если останешься навсегда послушным сыном святой Церкви Его, — то и Он не помянет беззаконий прежде тобою соделанных, — и ты сам увидишь тогда, как грязны и нечисты все наши лукавые оправдания: «якоже порт (одежда) нечистый — вся правда наша» (Ис. 64; 6) пред очами Его пресветлыми!.. Тогда тебе самому противно будет и подумать об этих грешных отговорках и оправданиях, и ты с негодованием будешь отвращаться от сих словес лукавствия (Пс. 140; 4), которые теперь гнездятся в грехолюбивом сердце твоём!..

И в самом деле: вот, например, бедняк ссылается на бедность свою и говорит, что нужда заставляет его грешить... Но что ты говоришь, брат мой? Подумал ли ты, кого ты хочешь винить во своих грехах? Ведь и нищета от Господа Бога посылается, так же как и богатство — в деснице Его; уж не думаешь ли ты обвинять Самого Господа, Который не дал тебе богатства для того, чтобы тебе не было нужды согрешать?.. Но нет, ты не говоришь этого, у тебя и в мыслях нет такого богохульства: ты только слагаешь вину своих грехов на бедность свою... А как же Спаситель говорит совсем другое: слышишь ли Его слово, премудрости Божественной исполненное: «чада», - глаголет Он, и как нежно — отечески глаголет — «чада! Како неудобно уповающим на богатство в царствие Божие внити! Удобно бо есть верблюду сквозь иглины уши пройти, неже богату в царствие Божие внити» (Мк. 10; 24-25)! — Кому же теперь верить: Ему — Господу всеведущему, или твоей лукавствующей бедности? Он говорит, что бедняку легче спастись, чем богатому, что у богатого тысячи искушений на пути ко спасению, а ты

утверждаешь, что бедность препятствует тебе в деле спасения?.. Слово Божие говорит: «блажен богатый, иже обретется без порока» (Сир. 31; 8); а ты говоришь: если бы я был богат, я не стал бы грешить, — говоришь: "Где уж мне думать о спасении, когда у меня нет куска хлеба насущного?" Но — кто знает? Может быть вот это-то и хорошо, что у тебя и корки хлеба нет, ибо сказано в слове Божиим: «нищета мужа смиряет» (Притч. 10; 4); а имей ты и хлеб и все потребное, может статься, ты и Бога забыл бы тогда! «Нищета мужа смиряет, а смиренным-то и подает Господь Свою благодать» (Иак. 4; 6)... Друг мой! Вот в том-то и вся беда наша, что мы все хотим и спастись-то по своему, а не так, как Бог указал, и с Господом Богом желали бы спорить: отчего Ты, Господи, богатства нам не даешь? Тогда стали бы мы жить по заповедям Твоим... Значит мудрее Самого Премудрого Господа думаем быть?.. А попусти Бог быть по-нашему, — мы тотчас и забудем Его Самого! Вспомни, друг мой, историю Евлогия каменосеца (читай листок N 33): пока жил он в бедности — какой был добрый человек! А послал ему Бог богатство — посмотри, как зазнался! Велел палкою прогнать от своих ворот даже того святого старца, который испросил ему богатство у Господа! Вот и все-то мы грешные таковы: лишь только улыбнется нам счастье в чем-нибудь, мы и Бога готовы забыть!...

Но как же быть, говоришь ты, когда крадущий крадет, да насытит душу свою алчущую? Когда голод заставляет его воровать? — Это неправда. Голод заставляет его — не воровать, а к Богу чаще прибегать; нужда учит не людей обижать, а Богу молиться. Вольно же ему, крадущему, забывать, что у него есть Отец Небесный, Который и птенцам врановым пищу посылает (Пс. 146; 9), Который говорит: «просите и дастся вам» (Лк. 11; 9), и даже учит, как просить у Него: «хлеб наш насущный даждь нам днесь» (Мф. 6; 11)! Попроси у Него и Он подаст тебе все необходимое, Он расположит сердце доброго человека помочь тебе в беде твоей, только соблюди Его святые заповеди. «Аще вы, зли суще, - глаголет Господь, - умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш небесный даст блага просящим у Него» (Мф. 7; 11)!

Брат мой! Без воли Божией и волос с головы не падает (Лк. 21; 18); значит и бедность твоя — не без воли Его святой. Тяжело тебе? Обратись скорее ко Господу — и Он утешит тебя. Он Сам благоволил обитать в нищете, когда во плоти жил на земле. Он не имел где главы подклонить, — значит, и ты нищетою своею Христу уподобляешься, если несешь во смирении свою долю горькую... И поверь, друг мой, брат мой! Господь не оставит тебя без помощи: только не слушай врага искусителя, который нашептывает тебе: "Ты бедный человек, с тебя Бог не взыщет, если и украдешь что", — говори ему проклятому: иди за мною, сатана! Не о хлебе едином жив будет человек! Силен Бог и без греха избавить меня от беды, — да будет воля Его святая! — И верь, и уповай, и Господь всевидящий, всеведущий увидит скорбь души твоей, и в час горести твоей пошлет тебе отраду и избавление даже оттуда, откуда ты и не думаешь... Вот послушай, я

расскажу тебе дивный случай промысления Божия над бедными людьми. Один купец, пустившись в море, потерпел кораблекрушение, и вернулся домой ни с чем. Тут встретили его заимодавцы и посадили в тюрьму, куда носила ему скудную пищу его жена. Раз пришел в тюрьму какой-то богатый человек раздать узникам милостыню, и увидел здесь жену купца. Богач соблазнился ее красотой и отозвав ее в сторону, предлагал ей выкупить ее мужа, если она согласится с ним согрешить. Целомудренная женщина отвергла преступное предложение мнимого благотворителя и рассказала обо всем своему мужу. Тот заплакал и, тяжело вздохнув, сказал ей: не нужно нам такого благотворения: Бог и без него не оставит нас!... Весь этот разговор мужа с женою слышал один разбойник, который сидел тут же, отделенный от купца только одною перегородкою. Злодей вздохнул и сказал сам себе: в какой крайности находятся эти люди, и однако же вот не хотят купить себе свободу за грешное дело: а я, несчастный, что делаю? Никогда не подумал даже, что есть Бог!.. Он подозвал купца с женою к своей перегородке и сказал им: "Я был разбойник, и много зла наделал; я знаю, что меня скоро казнят, как убийцу... Мне жаль вас... Подите вот туда-то (он сказал место), раскопайте там, возьмите деньги и уплатите долги свои, а за меня окаянного помолитесь, чтоб Бог не оставил меня"... Спустя несколько дней разбойник действительно был обезглавлен; жена купца пошла на указанное место, нашла там горшок с золотом и расплатилась с заимодавцами мужа. Видишь, друг мой! Господь и сердце разбойника тронул, чтобы помочь бедняку, который был достоин такой помощи! «Сей нищий воззва, и Господь услыша ю» (Пс. 33; 7). Уповай и ты на Него Милосердного! — Птичка Божия и тогда поет славу своему Создателю, когда у нее нет ни гнездышка, ни зернышка в запасе: не будем же малодушнее пташки неразумной! Птичка ведь не умирает с голоду; а нам и подавно сказано: «не бойтесь убо: мнозех птиц униш есте вы!» (Лк. 12; 7) «Весть бо Отец ваш небесный, яко требуете сих всех» (Мф. 6; 32). «Не до конца забвен будет у Него и нищий, терпение убогих не погибнет до конца» (Пс. 9; 19).

180. Святой князь – труженик для родной земли

Дорого и священно для русского сердца благословенное имя Благоверного князя Александра Невского; вдвойне оно дорого и священно: во-первых, потому, что оно украшает вот уже третьего Самодержца — императора Всероссийского; во-вторых, потому, что и сам святой князь Александр Ярославович всю жизнь свою самоотверженно служил русской земле. Недолго пожил славный Невский герой: он умер во всей красе мужества, всего 43 лет от роду; но потому-то и коротка была жизнь его, что ее сократили труды непосильные. Вспомнить только, в какое многоскорбное время жил этот Боголюбивый князь: и шведы, и немцы, и литва и татары, и даже чудь и емь — безвестные племена — будто сговорились все разорвать на клочки бедную землю русскую; а тут еще, к стыду и горю великому, и

свои князья не умели мирно жить: то и дело ссорились между собою да вели междоусобные войны... Много надобно было иметь и ума и мужества, чтобы и своих мирить, и чужих отражать, и с татарами — тогда непобедимыми — не ссориться, чтоб от них новой беды-разоренья на родную Русь не навлечь. И сумел все это выполнить Благоверный великий князь Александр Ярославович; и любил его за то русский народ — так, как не любил никого из тогдашних князей; а Бог прославил Своего избранника славою небесною, и святая Церковь причла сего Благоверного князя к лику угодников Божиих.

Родился князь Александр в благочестивой семье: было у кого поучиться добру. И дед его князь Всеволод и бабка — княгиня Мария были люди благочестивые; отец его князь Ярослав Всеволодович пострадал от татар в орде, а мать — княгиня Феодосия скончалась инокинею и в летописях называется святою; дядя его Георгий и двоюродный брат Василько были мучениками за святую веру; были и другие святые угодники из этой святой княжеской семьи.

Восьмилетним мальчиком отец оставил его княжить в Новгороде, а двадцатилетним юношей он уже одержал славную победу на берегах Невы. Не будем здесь рассказывать подробно о всех трудах и подвигах Благоверного князя на пользу родной земли; но об этой знаменитой битве нельзя не сказать. Дело было в 1240 году. Шведский король, по научению папы римского, послал большое войско под начальством своего зятя Биргера, чтобы покорить русских и крестить их в веру латинскую. Для этой цели при войске были и римские бискупы. Гордый Биргер высадился на берегах Невы и послал сказать князю Александру: "Защищайся, если можешь, а я уж на твоей земле". С небольшою дружиною Благоверный князь поспешил навстречу неприятелю. Накануне битвы, под Владимиров день (пятнадцатого июля), начальник приморской его стражи, благочестивый Пелгусий, удостоился чудного видения. На восходе солнца стоял он на берегу Финского залива и зорко смотрел вдаль. Вдруг слышит он шум от плывущей лодки, — смотрит: гребцов в тумане не видно, а на лодке стоят, братски обнявшись, два светозарные витязя... "Брат Глеб! — говорит один из них: — Прикажи грести скорее: надобно помочь сроднику нашему Александру!" — Пелгусий понял, что это были святые мученики князя Борис и Глеб, и поспешил рассказать виденное и слышанное князю Александру. — Битва была жаркая и упорная, и шведы, разбитые на голову, бежали на своих кораблях восвояси. Вот за эту-то победу благодарное потомство и усвоило Александру Ярославовичу прозвание Невского. — Другую победу одержал Александр спустя два года на весеннем льду Чудского озера, над немецкими рыцарями Ливонского ордена: пятьсот рыцарей пало тогда, да около пятидесяти попало в плен. Эта битва известна под именем Ледового Побоища. — Славные победы над шведами и немцами избавили надолго русскую землю от дерзких покушений римского папы и его слуг совратить русских людей в веру латинскую посредством оружия. В 1251 году папа присылал к великому князю Александру во Владимир уже мирное посольство, в надежде склонить

его на свою сторону льстивыми обещаниями; но великий князь, изложив в своем ответном послании папе православное учение веры, сказал послам: "Мы и без вас хорошо знаем свою веру, — к чему же нам новые проповедники?" И папские послы возвратились ни с чем. — Победоносно воевал благоверный князь и с литовцами, усмирял и финские племена емь и чудь; не раз смирял он и гордых, упрямых новгородцев. Но всего труднее было ему ладить с татарами. Довольно сказать, что пять раз на своем недолгом веку побывал он в Золотой Орде, путешествуя иногда по целому году: а нельзя и представить себе, скольких трудов стоили тогда эти путешествия. Целые тысячи верст нужно было переезжать — то по болотам непроходимым, то по странам, разоренным татарами, то по степям, населенным дикими кочевниками, или же покрытым сыпучими песками... А унижение пред гордыми ханами, а подарки и поклоны пред ханскими вельможами, а эти происки и клеветы от своих же братьев — русских князей, — сколько скорбей и тревог, сколько дум и забот ложилось на святого князя тяжким бременем! И каждый раз, прощаясь с родною землей, с родною семьей, он конечно прощался с ними навсегда, предавая и себя и их в руки Божии, и всегда готовый положить и душу свою за святую веру православную и за землю Русскую... Много добра сделал князь Александр этими путешествиями: он не раз укрощал гнев ханов монгольских, готовый возгореться на бедную Русь, он сумел испросить у ханов разные льготы и милости, так например: чтобы чиновники татарские не вмешивались в управление, а только собирали подати; чтобы русские князья судили по русским законам, чтобы татары не касались ни в чем чина и устройства церковного. Сами ханы татарские встречали его с почетом и уважением: Батый не стал от него требовать исполнения обрядов языческих, к которым принуждал прочих русских князей... Но эти тяжкие труды и путешествия совсем надломили его крепкое от природы здоровье: осенью 1263 года, возвращаясь из Орды, князь заболел жестоким недугом, и едва добрался до Городца. Предчувствуя близкую кончину, он принял святое пострижение с именем Алексия и четырнадцатого ноября тихо скончался. — Во Владимире не знали о смерти любимого князя. Получив известие о сем во время богослужения, митрополит Кирилл, обливаясь слезами, вышел из алтаря и сказал народу: "Чада мои милые! Закатилось солнце земли русской". Слезы и рыдания народа прервали речь первосвященника; все поняли горький смысл слов его и в один голос завопили: "Мы погибаем, мы погибаем!..." За десять верст вышел весь Владимир встретить погребальное шествие труженика за землю русскую. По словам летописца, земля стонала от вопля и рыданий народа... Но Господь утешил осиротевший народ, показав ему, что защитник родной земли живет пред Ним. Когда при отпевании митрополит подошел ко гробу, чтобы вложить в руку усопшего прощальную грамоту, блаженный князь как бы живой из гроба простер руку, взял хартию и потом опять сложил крестообразно руки свои... Это было двадцать третьего ноября 1263 года.

Прошло семнадцать лет. В ночь на восьмое сентября 1380 года, накануне знаменитой битвы Куликовской, в тишине уединения один инок молился в том храме, где погребен был князь Александр. И вот он видит: у гробницы его зажигаются свечи сами собой; к ней подходят два святолепных старца и говорят: "Александр! Востани и спаси правнука твоего Дмитрия, одолеваемого иноплеменными!" Святой Александр встал и все стали невидимы. Инок поведал видение святителю; святитель потом рассказал Великому князю и в том же году открыты были нетленные мощи Благоверного князя Александра Невского. Исцеления потекли обильною струей... В 1724 году святые мощи его были перенесены из Владимира в Санкт-Петербург, в благодатное освящение новой столице русской, где и почивают поныне во святой обители, посвященной его имени.

181. Страшное дело – клеветать на ближнего!

«Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна» (Девятая заповедь Божия)

Знаете ли, друзья мои, что значит слово диавол? Это слово греческое; по-русски оно переводится: клеветник или обольститель. Итак, слова: клеветник и диавол значат одно и то же. Клевета — дело диавольское и "кто любит клевету, — говорит святой Иоанн Златоуст, — тот служит диаволу". Диавол — клеветник: он еще первым людям, когда они были в раю, клеветал на Господа Бога: "Вовсе не умрете, — говорил он первой жене, — напротив: знает Бог, что, как только вы вкусите плодов с запрещенного дерева, откроются у вас глаза, и вы будете как боги сами знать добро и зло..." Клеветал он и Господу Богу на Иова: "Разве Иов даром чтит Бога?" — говорил он. Клеветает он и людям друг на друга, внушая ложные подозрения, стараясь перетолковать все в дурную сторону, возбуждая зависть, вражду, ссоры и раздоры между людьми. Но не то же ли делает и клеветник — человек, стараясь очернить доброе имя ближнего, распуская о нем худую молву? Итак, справедливо поступил тот старец игумен, о котором святой Иоанн Лествичник рассказывает, что когда один брат оклеветал пред ним другого брата, то сей преподобный тотчас повелел выгнать клеветника, говоря, что не должно допускать быть в обители двум диаволам, то есть, видимому и невидимому (Леств. 4; 14). Точно так же поступал и Пророк Давид: «оклеветающего тай искренняго своего, сего изгоняю», говорит он (Пс. 100; 5). "Не сказал, — замечает святой Иоанн Златоуст: — я не верил, или не слушал его, но и прогонял его, как и противника".

Страшное дело, братие мои, клеветать на ближнего, позорить доброе имя его, возводить на него напраслину. Страшный гнев Божий ждет клеветника в будущей жизни; но иногда суд Божий постигнет его еще здесь, на земле. «Свидетель лжив без муки не будет, - говорит слово Божие, - оклеветаяй же неправедно не убежит от нее» (Притч. 19; 5). И вот что особенно достойно внимания: клевета — дело диавольское, и потому-то конечно в житиях

святых мы читаем, что клеветники чаще всего наказываются беснованием: бес входит в клеветника как в свой сосуд и мучит его как своего раба. Вот, например, рассказ из жизни святого Григория Неокесарийского: в своей юности он обучался в знаменитом тогда Александрийском училище, и отличался от всех своих товарищей необыкновенною скромностью и девственной чистотой. За его благочестие его любили и уважали как наставники, так и многие граждане. Но не по сердцу было доброе поведение прекрасного юноши его распутным товарищам. Они задумали опозорить его честное имя в глазах граждан, и подкупили одну непотребную женщину обесславить невинного юношу. И вот однажды, когда Григорий стоял на площади и беседовал с почтенными своими наставниками, эта женщина подходит к нему и нагло требует от него платы за грех, который будто бы Григорий сделал с нею... Все были смущены этою наглостью; одни было поверили клевете, другие, зная чистую жизнь Григория, с негодованием гнали прочь клеветницу. Но она громко кричала, требуя денег. Можно себе представить, что испытывал невинный юноша, в таком положении!... От стыда он потупил взоры и, как чистая девица, только краснел, не произнося ни слова. Наконец он обращается к одному из своих друзей и говорит: "Отдай ей, пожалуйста, сколько требует, чтобы скорее ушла и оставила нас в покое". Тот уплатил и — лишь только клеветница взяла в руки деньги, тотчас же напал на нее бес и тут же она упала на землю, начала страшно кричать, скрежетать зубами, испуская пену, так что все пришли в ужас, смотря на нее... А бес мучил ее до тех пор, пока святой Григорий не помолился о ней: только тогда она получила исцеление. Подобный рассказ находим в житии другого святителя Григория Акрагантского (ноябрь, 23), и в Достопамятных Сказаниях об Авве Никоне. Есть еще пример гнева Божия за клевету в житии преподобного Стефана Исповедника (ноябрь, 28) и в других житиях. Так строго суд Божий казнит клевету даже в сей жизни. И правы суды Божии. Сколько честных и добрых тружеников, сколько святых людей запятнала клевета? Но что я говорю — святых? Разве не касалась она Святейшего святых — Самого Спасителя нашего, — разве не называли и Его — единого Безгрешного — ядцей и винопийцей, другом мытарей и всяких грешников, разве не говорили о Нем, что изгоняет Он бесов силою князя бесовского, что Он — Богохульник, противник кесаря и прочие безумные глаголы?... Если уж злоба людская нашла возможным клеветать на Него, Кто мог открыто говорить в лицо клеветникам: «кто обличит Мя о гресе?» — то чего же ждать от этой злобы людям, хотя и святым, но все же людям, все же немощным созданиям, которые могут падать по немощи, как сказано: «седмерицею падет праведник и восстанет» (Притч. 24; 16)!... И один только Бог ведает, сколько скорбей несут неповинно люди добрые и честные только потому, что какой-нибудь завистник распушит о них худую молву! — Но для невинных страдальцев есть утешение: это свидетельство их совести о том, что они неповинны в грехе, который им приписывает худая молва. А что за удовольствие для клеветующего позорить и топтать в грязь доброе имя

ближнего? — вот вопрос! Ведь если есть тут, в оклеветании ближнего, какое-нибудь удовольствие для злой души клеветника, то это удовольствие уж вовсе не человеческое: это просто — сатанинское наслаждение, ибо только сатана, диавол, отец всякой лжи и клеветы, может утешать себя несчастьем и позором людским!..

И слава Богу: таких наглых клеветников, с таким ожесточением сердца, не много между людьми; но многие ли знают друзья мои, что по разумению святых отцов клеветою почитается не только явная ложь и напраслина, взводимая неповинно на ближнего, но и то, когда разглашают его действительные немощи и пороки, судят и осуждают его из зависти, по злобе, или просто по злой привычке судить и осуждать. А сколько сплетен, сколько ложных слухов растет и множится от этой клеветы! Недаром святитель Тихон сравнивает клеветника с человеком, зараженным моровою язвою. "Моровою язвою зараженный повреждает того, кто с ним общается; клеветник повреждает того, кто слушает его клевету. От зараженного человека язва заразительная переходит к другому, от другого к третьему, от третьего к четвертому, и так ко всем людям, если не остерегутся; так и от клеветника один услышит клевету, и другому скажет, другой — третьему, третий — четвертому, и так все слышат и повреждаются клеветою. А всему злу виновен клеветник, рассеиватель зла. Итак, видишь, христианин, сколь пагубное зло есть клевета, хотя нынешние христиане ничем так не утешаются и не услаждаются, как клеветою: ибо о чем более разговоров у них, как то о том, то о другом бедном грешнике? Клеветник вредит и тому, на кого клеветает: ибо языком своим уязвляет его, как мечом. Вредит и себе: ибо тяжко грешит. Вредит и тем, которые слушают клевету его: ибо подает причину им к клевете и осуждению, и таким образом приводит и их к тому же незаконному делу, в котором сам находится. О необузданный язык! Сколько ты миру делаешь зла! Как ветер разносит пожар по всему граду или селу, так необузданный язык всякое зло разносит по всему государству и по всему миру. Один клеветник узнал, и все уже знают, один сказал, и все говорят. Малый уд язык, но много зла делает; двоякою оградой огражден, то есть, зубами и губами, но весьма удобно вырывается и выскакивает. Христианин! Берегись клеветника, как моровою язвою зараженного человека бережешься, иначе и сам от него заразишься и погибнешь. Берегись и сам испытывать людских грехов, да не будешь судить и клеветать на ближнего твоего. Испытай и познавай свои грехи, и очищай их истинным покаянием и верою. Сие бо есть христианское дело, к которому ты позван от Христа". — К сему увещанию святителя Тихона довольно присоединить наставление древнего мудреца: «словесем твоим положи вес и меру и устом твоим сотвори дверь и затвору» (Сир. 28; 29). А если сам не в силах этого сделать, то проси о том Господа, как просил Давид: «Положи, Господи, хранение устом моим, и дверь ограждения о устпах моих» (Пс. 140; 3). «Избави мя от клеветы человеческия» — не от того только, чтобы люди не клеветали на меня, но чтобы и мне не клеветать на других! Аминь.

182. Вера слепая и вера мертвая

Если хочешь быть совершенным Христианином, то тебе необходимо знать, во что веруешь, и жить так, как веруешь. Одно без другого не может спасти, ибо одно знание истин веры без добрых дел — есть вера мертвая, а одни добрые дела, без знания учения веры — есть вера слепая: кто верует, но не живет по вере — есть больной, не имеющий силы ходить, а тот, кто не знает истин веры — есть слепец, блуждающий во тьме. Знаем ли мы, возлюбленные, во что веруем? Живем ли так, как веруем?..

Пришел однажды Господь наш Иисус Христос в страны Кесарии Филипповой и спрашивал Своих учеников: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они отвечали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию или за одного из пророков. Значит, никто из иудеев прямо не признавал Его за Сына Божия. — А вы за кого почитаете Меня? — спросил их Господь. Тогда Симон Петр один за всех отвечал Господу: "Ты Христос — Сын Бога живого!" Итак, Апостолы знали, Кто был их Божественный Учитель. И в самом деле: им ли, ученикам Христовым, не знать Своего Учителя и Господа? Им ли не знать Христа, в Которого они веруют, Которого слушают, Которому последуют? Это было бы очень странно: если бы они не знали Своего Учителя, то не достойны были бы именоваться и Его учениками. — Но, братие мои, что, если бы теперь пришел Христос наш в страны христианские, туда, где живут люди, именующие себя православными Христианами, где царствует вера Его, где проповедано Евангелие Его, — что если бы пришел Он и спросил: "А вы, православные Христиане, что о Мне думаете? Как веруете?" — Что сказали бы мы Ему в ответ? — Нам ли, православным Христианам, не знать Своего Господа? Нам ли не знать, что Он есть едиnorodный Сын Бога живого, второе Лицо Пресвятой Троицы, что Он сошел на землю, не оставляя неба, стал человеком, пребывая Богом? Нам ли не знать Его земной жизни, Его учения и чудес, Его страданий и крестной смерти за нас? Нам ли не знать Его заповедей, таинств Церкви Его, всего учения веры Его?... Пусть не знают всего этого какие-нибудь жида или татары, — они не знают, не разумеют, оттого, что во тьме ходят (Пс. 81; 5); а мы ведь просвещены святым крещением: как же не знать нам своей веры православной? А между тем — горе нам грешным! — сколько православных, которые вовсе не знают, во что веруют, которых вера — слепая и мертвая... Знает музыкант свое искусство, знает врач целебную силу трав, знает судья гражданские законы, знает купец свои расчеты... И живописец и архитектор, и земледелец и моряк, и плотник и каменщик — все они знают каждый свое дело: только Христиане не знают — не хотят знать святой веры своей!.. И как много между нами таких, которые, если бы спросить их: сколько членов в Символе веры? Сколько таинств церковных? Сколько заповедей Божиих? — не знают, что сказать в

ответ, и остаются безгласны... Ведь стыдно сказать: Христиане веруют в Истинного Бога, и не знают даже того, что Сей Бог един по естеству, но троичен в лицах; веруют в Господа Иисуса Христа, и не знают ни Его чудес, ни Его Божественного учения, ни истории Его страданий и спасительной смерти; у Христиан есть Евангелие, но они не знают заповедей Евангельских; причащаются Таинств, но не знают вовсе благодатной силы этих Таинств; содержат праздники и посты, но не понимают, для чего они назначены и как должно проводить их... одним словом: веруют, но не знают, не заботятся узнать, во что они веруют!.. Поистине такая вера — вера слепая, и тот, кто верует, но не знает, не желает познать, во что он верует — слепец, блуждающий во тьме!

Но, слушатели мои! — Если бы мы даже во всей полноте изучили и познали все учение святой веры нашей православной, но не стали бы прилагать этого знания к жизни, то и тогда никакой пользы от сего знания не получили бы. «Кая польза, братие моя, говорит Апостол Иаков, брат Божий, — кая польза, аще веру глаголет кто имети, дел же не имать? Еда может такая вера спасти его?» (Иак. 2; 14). — Нет, отвечает он: душою веры должны быть добрые дела: «якоже бо тело без духа мертво есть, тако и вера без дел мертва есть» (ст. 26). Мертвая вера не может спасти. И та вера, которую мы воспринимаем во святом Крещении, есть только начало веры; это — корень, из которого должно возрасти плодоносное дерево, а это дерево только тогда и будет иметь место посреди земного рая Церкви Божией, когда будет приносить добрые плоды; иначе оно будет посечено и брошено в огонь. Вера крещения делает младенца Христианином; но этот Христианин, когда придет в возраст, должен жить по вере, иначе он будет Христианином только по имени. И кто думает спастись верою без добрых дел, тот жестоко заблуждается, ибо такая вера есть только труп веры, а не живая вера спасающая. — А сколько, возлюбленные, между нами таких, которые думают, что их вера — живая, тогда как это — вера мертвая, ибо в ней нет жизни — дел благих! — Вот называем мы себя православными Христианами, а живем хуже жидов и неверных; ходим в церковь, но оскорбляем святость дома Божия своим непристойным поведением; говеем, исповедуемся, Святых Таин причащаемся, а об исправлении своей жизни вовсе и не думаем. И исповедь, и говение, и святое Причащение — все это необходимо нужно и спасительно, но только тогда спасительно, когда не забываем главного: заповедей Божиих, которые все сводятся к одной: люби Бога и ближнего. А если нет этого, то одни наружные обряды без любви — это только вид христианства — образ благочестия, в котором нет силы (2 Тит. 3; 5)! Любовь — вот, по выражению святого Иоанна Златоуста, мать святости, мать и душа всех христианских добродетелей! О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, глаголет Христос, аще любовь имате между собою (Ин. 13; 35).

Для того чтобы познавать веру, Бог дал нам ум; для того, чтобы жить по вере. Он дал нам любящее сердце. Древние Христиане, сии первородные

дети Церкви Божией, по свидетельству святого Евангелиста Луки, постоянно пребывали в учении Апостолов (Деян. 2; 42), то есть, со всем прилежанием постоянно слушали они наставления святых Апостолов, и внимали учению веры. У множества верующих, говорит далее святой Лука, было одно сердце, и одна душа (Деян. 4; 32): так крепко связаны они были союзом братской любви. Вот какова была их вера, вот какова была их жизнь! А теперь что мы видим у Христиан? Думают ли они об учении веры? Живут ли по своей вере? — Когда благочестивый царь иудейский Иосия приказал возобновить запущенный храм Божий, то первосвященник Хелкия отпер сокровищницу храма, вынул из нее все серебро, и под этим серебром нашел книгу закона Моисеева, которую и послал к царю. Когда стали читать эту книгу пред царем, то он разодрал одежды свои... "Велик гнев Господа, — сказал он, — за то, что не соблюдали отцы наши написанного в законе Господни!" И в самом деле: как было не страшиться благочестивому царю гнева Божия, когда его подданные совсем забыли закон Господень, совсем похоронили книгу сего закона под грудой серебра? Видно это серебро было для них дороже священной книги закона Божия! — Но не то же ли самое, друзья мои, мы видим теперь вокруг себя, в жизни тех, которые именуют себя православными Христианами? Серебро у них выше всего, закон Христов — ниже всего! Что у них прежде всего на уме? Чем больше всего занято их сердце? Прежде торжище, а потом уж церковь, прежде мирское, а потом уж духовное, прежде и выше всего — выгоды и интересы, а душа где? А Бог где? — После и ниже всего!.. Их ум прежде всего и больше всего занят разными науками и искусствами, чтобы обогатить себя; а для того, чтобы познать, во что человек верует, чего надеется? — у них не достает ни времени, ни желания... И что же выходит? В головах сребролюбие, а в ногах Евангелие; прежде — золото, а потом уж закон; на виду прибыль, а после уж вера... О горе нам грешным! Великий гнев Божий угрожает нам!..

Но может быть кто-нибудь скажет, что я заблуждаюсь и говорю неправду, когда утверждаю, что в нынешнее время Христианская вера оскудела, что как познание истин веры, так и добрая жизнь по вере у нынешних Христиан в небрежении, что их вера — большею частью вера слепая и мертвая, ибо их ум и сердце далеко отстоят от совершенной веры? Где тот, кто сомневается в этом? Пусть он выйдет ко мне, и я предложу ему один только вопрос: «покажи ми веру твою от дел твоих» (Иак. 2; 18)!

(Из "Поучительных Слов" святителя Илии Миняitia)

183. Мир Божий – храм Божий

Сегодня у нас праздник Господень, и вы дружно собрались в церковь Божию, как пчелы к своей матери. «Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем», — говорит Пророк: т.е. я возрадовался, когда мне люди добрые сказали: пойдем в церковь Божию. Радуюсь и я от всего сердца, когда

вижу, что в нынешний день церковь Господня полна вами, и вы все единодушно, как один человек, молитесь Господу усердно. Завтра с ранней зари вы опять как прежде разойдетесь по своим полям; храм Божий останется один, и я не увижу вас целую неделю. В теперешнее, говорю, летнее время вы переселяетесь на поля свои, как древние израильтяне переселялись в кущи. Там — на своих полях и лугах вы днюете и ночуете; поле — ваш дом, земля вам — постель, а покров — великое небо Господне. Да благословит вас Господь и там, как здесь — во святом храме Своем, и сохранит и спасет! И воистину Он милосердный благословит, и спасет, и сохранит всех нас, если только вы, обрабатывая землю, как добрые крестьяне, будете вести себя как истинные Христиане — т.е. будете жить по-христиански, по церковному. — Спросите: как живя в поле, вдалеке от церкви, жить и вести себя прямо по-христиански, по церковному? Отвечаю: живите и ведите себя так, как будто вы не в поле находитесь, а стоите в церкви Божией. — Что такое весь мир Божий, вся вселенная, как не великий храм Божий, в котором всякое дыхание и всякая тварь немолчно славит Господа, своего Создателя! Взгляните на небо, на землю, на поле и лес, вдохните в себя свежий, ароматный воздух утренний, прохладу вечернюю — как везде все хорошо, — воистину будто в храме Божиим, — невольно присоединяешься к хвалебному хору созданий Божиих, — так и рвется душа воспеть песнь церковную: «вся премудростию сотворш еси, и слава Ти, Господи, Сотворившему вся!» А вот в тихую и ясную ночь вы видите на небе светлый месяц и ясные звезды: не напоминают ли они вам большие и малые свечи, которые вы, по усердию своему, ставите перед образами церковными, в честь святых угодников Божиих? Польется ли с неба дождь обильный, — вспомните о воде святого крещения, которою вы крестились в своей Церкви для очищения грехов ваших, и опасайтесь грешить; потому что в другой раз Церковь не станет крестить вас; дважды она никого не крещает. Запоет ли птичка свою утреннюю, или полуденную, или вечернюю песнь, — припоминайте себе стихи церковные, какие слышите в церкви на утренних, дневных и вечерних службах. — Наконец чаще взирайте на высокое небо Господне, и ведайте, что оно есть престол Божий, и Сам Бог называет его Своим престолом: «небо, — говорит, — престол Мой»; стоите или ходите по земле, вами обрабатываемой — ведайте, что она — не ваша земля, а подножие ног Господних: «земля же подножие ног Моих», — говорит Он Сам — и для вас как бы помост церковный. А взирая на светлое солнце небесное помышляйте о Христе Боге, Спасителе нашем, Который Сам называется солнцем правды: «Солнце правды Христос Бог наш». Святитель Тихон Задонский говорит: "Солнце на всех и на всякого смотрит: тако, о человеце! Бог на тебя смотрит, — и что ни делаешь, помышляешь, начинаешь, что ищешь, от чего убегаешь, како с ближним твоим поступавши, — все видит Он, Создатель твой!" — Ясно ли, понятно ли вам теперь, как, находясь в поле, в то же время душою находиться в церкви? Я думаю, понятно. — Теперь скажу вам: как, находясь в поле и целый день работая, молиться по-христиански, по-церковному? Каждый из вас, — даже и

неграмотный, не умеющий читать Божественные книги, — непременно должен правильно и твердо знать на память молитву Господню — Отче наш, Ангельское поздравление Богородице, всемилостивой Заступнице нашей — «Богородице Дево радуйся»; исповедание Православной веры нашей: «Верую во единого Бога отца, Вседержителя, Творца небу и земли». — Вот сию-то молитву Господню, сие поздравление и символ веры каждый из нас должен прочесть не один раз в день. К ним прибавляйте по краткой молитве к Ангелу Хранителю, к тому угоднику Божию, во имя коего построена приходская церковь, и ко всем святым. А читать всякую молитву надобно — не спеша, без лености, с умилением и сокрушенным сердцем, тихо и разумно, со вниманием, а не борзяся, как будто видишь, что Сам Бог стоит подле тебя, и слушает, что ты читаешь и как читаешь. Хорошо это святое дело делать всем вместе, т.е. собравшись несколько человек воедино. Вы обыкновенно работаете целыми семьями, вот и собирайтесь в урочное время и становитесь на молитву вместе же: один читай и молись, а другие пусть слушают и молятся. И тогда Господь Иисус Христос будет посреде вас, по Его Святому слову: «идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их». О, как это хорошо, други и братья мои, если утром, в полдень, или вечером увидишь в разных местах поля, что собрались добрые люди воедино, и миром Господу молятся! Не только Богу приятно, но и людям утешительно посмотреть на такие благочестивые, истинно-христианские собрания для общей и единокорной молитвы. — Но, православные, этого мало, чтобы молиться только по утрам, полудням и вечерам, молиться перед работою и после работы; надобно молиться и во время самой работы. Ибо святой Апостол повелевает: «непрестанно молитесь». Тут вы конечно спросите: можно ли молиться во время работы, если, по пословице, два дела разом не можно взять в руки? Когда же работать, если все молиться? — Но, друзья мои: всегда ли вы молчите во время работ своих? Нет. Что же вы делаете? Да ведете пустые речи, либо распеваете песни, иногда перебраниваетесь? Часто поднимаете сильный говор и шум. Мешает ли этот говор и шум вашим работам? Работам не мешает, а душам много вредит. Итак, чем пустые речи говорить, лучше, не в пример, други, лучше — краткие молитвы творить, творить как можно чаще, творить при всяком удобном случае; а таких случаев у вас и не перечесть. Например, впрягаешь коня в соху, или вола в плуг, скажи про себя или вслух: "Господи благослови!" — Проводишь борозду на поле или ряд на лугу, произноси по временам: "Господи помилуй, Господи помоги!" Видишь, что работа идет хорошо, говори: "Слава Тебе Господи!" Видишь, что дурно, вздохни и помолись: "Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси меня, угодники Божии помолитесь о мне!" Чувствуешь, что на ум приходят дурные мысли? Огради себя крестным знаменем и скажи: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного, или грешную; Ангел, Хранителю мой, сохрани меня!" Не уберегся? Согрешил мыслию или словом? Воздохни с покаянием, и сокрушением сердца: "Боже милостив буди мне грешному!" Что-нибудь

нечаянно испортил? Не бранись, а лучше пожалей и скажи: "Ах, Господи, Господи, не прогневайся на меня окаяннаго!" Подошел ли ты к кому на полосу, говори: "Бог в помощь, брат!" Отходит ли кто от тебя, — опять говори: "С Богом, Господь с тобою, друг!" Отходишь ли ты от кого, — поклонись и скажи: "Оставайся, брат, с Богом", а сам, идя своей дорогою, чаще произноси: "Боже милостив буди мне грешному, Боже милостив буди мне грешному!" Словом, при всяком удобном случае повторяй: Господи помилуй, слава Богу за все, Мати Божия не остави нас, и тому подобное. — Трудна ли такая молитва? Сами видите, возлюбленные, что нет. Мешает ли она работе? Не только не мешает, но много помогает, и всякое дело ваше делает похожим на нее же — святую молитву. Отнимает ли у вас нужное для работы время? Нет, нет. Она отнимает время только у пустых речей, у негодных песен; у всякого греха и дурного дела. Посему опять говорю: молитесь, непрестанно молитесь, как велит святой Апостол Христов Павел. Без молитвы же ничего не начинайте, ни продолжайте, ни кончайте. Не перекрестившись, не сотворив молитвы, не бери ни косы, ни серпа в руки; не подходи к волу или коню — взять его для работы; не накладывай возов с сеном, и не складывай снопов в скирды; не подноси куска хлеба ко рту, и не наклоняйся к сосуду, либо к колодцу, либо к ручью и реке, чтоб напиться; не садись, и не вставай, — ничего не делай без молитвы и знамения крестного! — Вот как, друзья мои, находясь в поле и не будучи в церкви, можно молиться по-христиански, по-церковному!

(Из двух "Бесед к поселянам", помещенных в Воскресном Чтении 1846 г.)

184. Славянские Апостолы

Ученье — свет, а не ученье — тьма, говорит наша родная пословица. Но ученье без грамоты не бывает; для ученья у каждого народа есть своя грамота, своя азбука. Азбука — это великий дар Божий, и как счастливы мы, славяне, что знаем имена тех мудрых и святых мужей, которые составили и оставили нам для ученья славянскую азбуку! — Эти святые мужи были Константин (в схиме Кирилл), и Мефодий, наши славянские Апостолы — просветители и первоучители. Они были родные братья и родились в городе Солуни. Отец их был благочестивый болгарин, по имени Лев, состоявший на службе при греческом императоре. Старший брат, Мефодий, сначала поступил в военную службу, и десять лет был правителем одной славянской области. Но не по душе ему была мирская жизнь: он оставил службу и ушел в монастырь. Строго выполнял он здесь все уставы монашеские; за святую, подвижническую жизнь его хотели сделать митрополитом в Солуни, но смиренный Мефодий отказался и едва могли уговорить его принять сан игумена. Младший брат, Константин, с семилетнего возраста обнаружил большие способности к учению, особенно ему полюбились писания

святителя Григория Богослова. Узнал о его дарованиях его родственник, опекун малолетнего тогда императора Михаила, знатный вельможа, Логофет Феоктист, и взял его к себе на воспитание. Здесь Константин обучался разным наукам вместе с юным императором и своими успехами заслужил прозвание философа. Логофет хотел было выдать за него в замужество свою крестницу, но Константин решительно отказался и вместо того принял монашество с именем Кирилла. Тогда его определили в должность библиотекаря при знаменитом храме Софии — Премудрости Божией, что в Царьграде. Но недолго он был на этой должности: его душа искала уединения, и он тайно скрылся в одном монастыре на горе Олимпе. Только через полгода стало известно его местопребывание, и его упростили принять должность учителя. Скоро молодому философу пришлось путешествовать на берега реки Евфрата к одному арабскому эмиру для защиты пред ним святой веры Христовой: и нельзя без удивления читать его мудрые ответы на все возражения арабских мудрецов против учения христианского (читай в Четьи-Минеи, одиннадцатого мая). — По возвращении в столицу святой Кирилл удалился к своему брату в уединение его обители. В 858 году казары, жившие в Крыму и говорившие славянским наречием, просили императора прислать к ним ученого мужа, который научил бы их истинной вере. Лучше святых братьев никто не мог выполнить это поручение, и вот, они идут в Крым, вступают здесь в продолжительные споры о вере с магометанами и евреями, обращают в святую веру православную самого кагана (князя) казарского, и возвращаются в столицу греческую, ведя с собою до двухсот человек греков, которых каган освободил из плена в благодарность за просвещение его народа верою Христовою. Но едва они прибыли в Царьград, как славянские князья Паннонии и Моравии, желая слышать Богослужение и учение веры на родном языке, прислали просить у императора Михаила учителей веры. Император и патриарх Фотий опять обратились к святым братьям. С этого времени начались апостольские труды святых братьев для просвещения славянских народов. Велики были труды равноапостольских подвижников! Они начали с того, что составили для славян особую азбуку — ту самую, которой печатаются наши церковные книги, — она так и называется Кириллицей, в память святого Кирилла, ее составителя; — это было в 862 году. Потом они перевели на славянский язык самые необходимые книги: Евангелие, Апостол, Псалтирь, служебник, требник и октоих. В последствии святой Мефодий перевел остальные книги Священного Писания, патерик и номоканон (книгу церковных правил). На пути в Моравию святой Мефодий утвердил в вере Болгарского князя Бориса, а святой Кирилл крестил в Болгарском городе Брегалнице до 4.500 человек. По прибытии в Моравию они повсюду стали устраивать Богослужение на славянском языке, и обучать детей славянской грамоте. Четыре года с лишним трудились они тут; "и раде были славяне, говорит летописец, слышаще величия Божия своим языком". Но вовсе не рады были тому священники немецкие, потому что чрез это они лишались своих доходов.

"Надпись Пилата на кресте, — говорили немцы, — была только на трех языках: еврейском, греческом и латинском; значит и теперь можно молиться только на этих трех языках". — На это святые братья отвечали им: — "Стало быть, вы ученики Пилата? Стыдитесь!" Но у кого на уме только деньги, тот не знает стыда. Немцы послали римскому папе Николаю ложный донос на святых братьев. Заметим, что в то время римские папы были православными, то есть, церковь римская еще не отделялась от Восточной. Папа потребовал Кирилла и Мефодия в Рим. Николая они в живых не застали; а преемник его, папа Адриан, благословил братьев трудиться по-прежнему во славу Божию. Пред кончиною святой Кирилл так говорил святому Мефодию: "Брате, супруга бежове, едину бразду тяжуще (то есть, мы были с тобою как пара волов, одну ниву возделывающих). И аз на лех (на борозде) падаю, свой день скончав. А ты любиши гору (Олимп) вельми; то не мози (не моги) горы ради оставити учения своего" (просвещения славян). — С такими святыми чувствами мирно отошел ко Господу верный делатель в дому Его на 42 году своей жизни, в четырнадцатый день февраля 869 года. — Святой брат его продолжал трудиться для славян. По просьбе Котела князя Паннонского, он был рукоположен в архиепископа Паннонского. Теперь немцы озлобились на него еще более: они возбудили против Мефодия и германского императора, и моравского князя Святополка, и довели дело до того, что Мефодий был сослан в заточение, где и томился два года с половиною. Но за него вступился папа Иоанн Восьмой; он возвратил его из заточения на Моравскую кафедру, а враждовавшим на него четверем епископам запретил вовсе священнослужение. Скоро и суд Божий совершился над ними: все четверо умерли в один и тот же год. — В 874 году святой Мефодий крестил Богемского (или Чешского) князя Боривоя и супругу его Людмилу; вслед за князем крестилось много и из народа. — Языческий князь на Висле обижал христиан. Мефодий послал сказать ему, что лучше бы ему креститься добровольно на своей земле; иначе он попадет в плен и крестится поневоле. Так и случилось. Вразумленный своим несчастьем, князь призвал учеников Мефодия, которые и насадили Православную веру в Польше. Из Моравии, чрез учеников же святого Мефодия, святая вера проникла сначала в Далматию, а потом к Хорватам и Сербам. — Но немцы не могли спокойно смотреть на успехи славянского проповедника веры. Они снова оклеветали Мефодия пред папою. На этот раз папа запретил было службу на славянском языке. Мефодий вынужден был отправиться в Рим. Здесь папа признал веру его чистою и отпустил его с миром, разрешив по-прежнему совершать Богослужение по-славянски. Тогда немцы распустили слух, будто патриарх и император гневаются на Мефодия за согласие с папою. Пришлось святителю отправиться в Царьград. Тут он был принят императором и патриархом с почетом и любовью. Стало ясно, что они вовсе не имеют на него никакого гнева. Но злоба немцев нашла еще средство повредить святителю. Они восстановили против него моравского князя Святополка. Так до самого гроба пришлось святому Мефодию нести скорби за свои труды апостольские. Он

блаженно почил шестого апреля 885 года. — Тысяча лет прошло с того времени. Святая Церковь Православная чтит память святых братьев одиннадцатого мая; называя их "Апостолами единомысленными", она просит их умолить Господа, да "утвердит вся языки словенские в православии и единомыслии", — и как благопотребна сия молитва особенно теперь! Тысячу лет прожили с тех пор славяне, но и теперь, как и тогда, как много у них врагов! И что особенно больно для сердца славянского — в числе этих врагов немало своих же братьев — славян!.. О святые наши Апостолы — труженики для славянских земель! Испросите нам у Господа паче всего братское единомыслие и крепкое в вере православной стояние! И если уж суждено нам, славянам, терпеть скорби от чужих людей — немцев ли, турок ли или других каких, — то да не будет по крайней мере изменников и предателей святой веры, вами завещанной, в нашей родной славянской семье.

185. И жизнь, и смерть – в руках Божиих (По поводу известий о холере)

Страшно умирать грешнику, друзья мои, ибо сказано: «смерть грешников люта» (Пс. 33; 22): «а кто из нас похвалится чисто имети сердце!» (Прем. 20; 9). Вот почему каждый раз, когда слышишь о губительной болезни (холере, например), которая опустошает где-нибудь целые города и селения, то невольно со страхом помышляешь: а что если Бог повелит Ангелу смерти обратить свой меч и на наши грады и веси, чтобы наказать нас за грехи наши тяжкие?.. Ведь страшно — вдруг, в один час, без всякого приготовления, увидеть себя в другом мире, за гробом — вдруг предстать на суд нелицеприятного Судии!.. И сердце болезненно томится при одной такой мысли, и в душу западает унынье и тоска...

Понятно, возлюбленные, это чувство страха в виду угрожающей смерти; но малодушно падать духом и унывать — нам, верующим, положительно грешно! Подумайте: разве не нам сказал Христос Спаситель: «и влас главы ваша не погибнет» без воли Отца Небесного (Лк. 21; 18)? Притом — разве это не великая милость Божия, что болезнь еще издавна дает нам знать о себе, как будто предупреждая нас: "Кайтесь, молитесь, грядет гнев Божий на нераскаянных, спешите покаянием отвратить карающую руку Божию, а если кому судил Бог умереть от сей губительной болезни, то приготовьте себя к исходу из сей временной жизни! Бог милосерд; Он Сам сказал: «хотением не хочу смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему» (Иезек. 33; 11)!" Хорошо говорит о сем в Бозе почивший оптинский старец, отец Макарий, в одном из своих писем к духовным детям: "Жизнь и смерть каждого из нас в руке Божией, и без воли Божией никто не отходит от сего света в вечность. С таким крепким упованием христианским и верою не надобно иметь страха. Страх причиняет большой вред: тело расслабляется от упадка духа и лишения спокойствия, и без болезни болезнь приключается. Заразительные болезни попускаются для обращения нашего к Богу: дабы,

видя людей, внезапно похищаемых смертью, каждый из нас, входя в свою совесть и испытывая погрешения в чем-либо, обращался к Богу с покаянием. Мы видим в Священном Писании примеры сего. Ниневитянам Пророк Иона проповедовал: "Три дни и Ниневия превратится" (Ион. 3; 4), то есть, погибнет; но когда они прибегнули к покаянию, облеклись во вретисце и постились, то Господь отвратил гнев Свой от них и помиловал их. Много есть и других примеров того, что чрез покаяние люди получали милость от Господа. Итак, советую вам и прошу, Бога ради, не устрашайтесь так крепко смерти, но успокаивайте себя, предаваясь воле Божией и помните Апостольское слово: «аще живем, аще умираем, Господни есмы» (Рим. 14; 8), и когда не предназначено кому в настоящее время умереть, то верно живы будем. Да и что есть смерть? Она токмо переходение от смерти в живот, от скорби в отраду; теперь мы веруем, а тогда лицом к лицу узрим то, чему веруем. Будьте же спокойны, взывайте к Господу: «не умру, но жив буду и повем дела Господня» (Пс. 117; 17). «Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предиде мя» (ст. 18). С преданием себя в волю Божию, молитесь Ему и Пречистой Деве Богородице, заступнице нашей, и Господь вас да сохранит".

А вот как утешал своих духовных детей другой почтенный пастырь, когда в 1847 году холера наводила страх и ужас на всю Русскую землю. "Что, если Бог уже положил наказать нас за наши грехи губительным поветрием и смертельно заразою? — говорил он. — Ничего: если и положил наказать, то отложит, когда мы помолимся Ему. Бог неизреченно человеколюбив и благоприменителен. По молитве нашей, для нашего блага, для нашего счастья, для нашего спасения Он останавливает смертоносную заразу, за наши грехи распространяющуюся, и запрещает дуть губительным ветрам, нашими беззакониями возбужденным. Иудейский царь Езекия был болен; Бог послал пророка сказать ему, чтобы он приготовился к смерти. Царь, выслушав пророка, заплакал и обратился к Богу с молитвою. Что же? Пророк не успел выйти из царского дома, как Бог повелел ему воротиться и сказать царю, что Бог отложил его смерть, и что дает ему пожить еще пятнадцать лет. Вот как Бог милосерд к тому, кто с покаянием к Нему обращается! Но только та надежда на Бога свята и безопасна, которая рождается от молитвы к Богу, и сопровождается молитвою. Итак, наперед помолимся Господу Богу, чтобы Он избавил нас от губительного поветрия и смертоносной заразы; и тогда успокоимся, уверимся, что Бог помилует и спасет нас. Кто молится, тот и надеется; а кто надеется, тот и покоен. Некоторые говорят: мы надеемся на Бога; на кого же и надеяться, как не на Бога? Говорят, что надеются, а между тем в душе очень непокойны, все боятся. Что это значит? То, что у этих людей нет надежды на Бога; надежда на Бога у них только на языке, а не в душе. Где же взять мне надежду на Бога, когда ее нет у меня, когда я не могу иметь ее в душе? — спросишь. В ответ тебе повторяю то, что сказал: молись и будешь надеяться. Тот только истинно надеется, кто молится. У тебя оттого и нет в душе надежды, что ты или не молишься, или молишься не от души. — Когда я один сам с собою думаю о том, как бы не умереть от

свирепствующей ныне болезни, — говорил тот же пастырь, когда болезнь похищала его духовных детей: — то никак не могу вполне себя успокоить: все робость на меня нападает, и особенно когда увидишь или услышишь, что такой-то умер — тут малейший болезненный признак заставляет бояться, тревожиться, смущаться. Но когда при этих думах и опасениях к Тебе, Господи, мысленно я обращаюсь, о Тебе вспоминаю, весь страх мой проходит, я бояться перестаю, я совершенно покоен становлюсь; потому что тогда Ты, Господи, меня успокаиваешь. Как птичка, когда вырвется из клетки на волю, тотчас начинает весело летать по воздуху и петь любимую свою песнь: так когда обращаюсь от тревожных мыслей к Тебе, Господи, песнь Царя Пророка с веселием пою: «Господь пасет мя и ничтоже мя лишит. На месте злачне, тамо всели мя; на воде покойне воспитамя... Ащеи пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси». Да, братия, всякий страх, всякое опасение оттого особенно нас тревожит и смущает, что мы к Богу обращаться забываем, о Боге вспоминать не стараемся. Итак, братия, берите ныне все предосторожности, какие знаете, против угрожающей опасности, пользуйтесь предохранительными средствами, какие имеете против опасной болезни, а при очевидных ее признаках ко врачам прибегайте; (ибо в слове Божиим сказано: «почитай врача противу потреб его» — но не забывайте главного: как скоро начнете несколько опасаться чего, бояться, смущаться, тотчас обращайтесь с молитвою к Господу Богу, Спасителю нашему, сотворите хотя бы краткую молитву: Господи Иисусе Христе, спаси и помилуй меня грешного; оградите себя хорошенько, не спеша, крестным знаменем — этим щитом духовным от всякой опасности видимой и невидимой; призывайте на помощь Матерь Божию, Царицу небесную, нашу всегдашнюю, усердную заступницу, святых угодников Божиих, особенно тех, к которым мы всего чаще прежде прибегали: и тогда боязнь ваша пройдет; вы ободритесь, успокойтесь.

Читайте, повторяйте про себя сей святой псалом Царя Пророка: «Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит...» По крайней мере, хотя бы первые эти слова — «Господь пасет мя и ничтоже мя лишит», повторяйте чаще — тотчас как начнете несколько робеть и бояться: тогда Господь Бог Сам вас успокоит, и спасет, и помилует". (Поучения Путятина).

Вот какие благодатные средства предлагают нам опытные в духовной жизни мужи, к ограждению от губительной заразы. К сим средствам и прибегайте, други мои, и для укрепления в себе надежды на милость Божию призывайте к себе служителей Церкви Божией: пусть они помолятся с вами, пусть окропят жилища ваши освященною водою, пусть освятят самый воздух, которым вы дышите, обнесением Креста Господня и святых икон вокруг селений ваших, — но сохрани вас Бог обращаться к таким богопротивным средствам, как опаживание сел и деревень, закладывание железа под пороги домов ваших, разные заговоры и наговоры, — все это строго запрещено Господом Богом, а потому все это может еще скорее

привлечь гнев Божий на то селение, жители коего вздумают ограждать себя такими суеверными средствами...

186. Рождество Пресвятой Богородицы

Незадолго до Рождества Христова в Назарете жила благословенная Богом чета — Иоаким и Анна. Иоаким происходил из колена Иудова, и имел родоначальником Царя Давида; а Анна была младшая дочь священника Матфана, от племени Ааронова. Иоаким был человек богатый и имел много стад. Но не богатство, а высокое благочестие отличало святых Богоотцов: они ежегодно отделяли две трети своих доходов, из которых одну жертвовали в храм, а другую раздавали бедным.

Благочестивые супруги, по-видимому, были вполне счастливы; но Анна была неплодна, а безчадие считалось у израильтян великим несчастьем. Много и усердно молились супруги, чтобы Бог даровал им детей; но прошло пятьдесят лет их брачной жизни, а неплодство Анны не разрешалось. Это тем более было для них прискорбно, что они приближались к старости. Но праведные безропотно и со смирением переносили свое горе, стараясь еще с большею ревностью угодить Богу твердым хранением Его закона. Впрочем, святые супруги не могли иногда не огорчаться тем поношением, какое нередко приходилось им терпеть от соотечественников за их безчадие. В один из великих праздников святой Иоаким пришел в Иерусалимский храм с намерением принести, по обыкновению своему, сугубую жертву Господу. Но некто Рувим с презрением сказал ему: "Зачем ты прежде других желаешь принести дары свои Богу? Ты недостойн этого, как бесплодный". Этот упрек поразил сердце праведника. Он вышел из храма в глубокой скорби. "Увы! — говорил он — всем ныне великий праздник, а для меня лишь время слезных сетований!" Чтобы найти себе хотя бы малое утешение, он из храма пошел посмотреть родословные таблицы двенадцати колен. Но удостоверившись здесь, что все праведные мужи имели потомство, и даже столетний Авраам не был лишен этого благоволения Божия, Иоаким еще более опечалился и не захотел возвратиться домой, а отправился в дальнюю пустыню — в горы, где паслись стада его.

Сорок дней провел он там без пищи и питания в молитве ко Господу, призывая на себя Его милосердие и омывая горькими слезами свое бесчестие в людях. "Боже отцов моих! — молился скорбящий Иоаким — Ты дал сына праотцу Аврааму в старости: удостой и меня благословения Твоего! Дай плод моему супружеству, чтобы я, хотя в преклонных летах, мог назваться отцом, а не быть отверженным от Тебя, Господа моего!"

Между тем слух о том, что случилось с Иоакимом в Иерусалиме, достиг благочестивой Анны, которая оставалась дома. Считая себя главной виновницею постигшего их горя, она с рыданием восклицала: "Теперь я всех несчастнее! Бог отверг, люди поносят, муж оставил меня. О чем же более плакать мне: о безчадии ли своем или об одиночестве? О том ли, что я не

удостоилась называться матерью, или о вдовьем сиротстве моем?" Во все время разлуки с мужем она почти не осушала слез, не вкушала пищи и, подобно матери Самуила, в томительной тоске просила Бога о разрешении ее неплодия.

В таком тревожном состоянии духа однажды Анна вышла в сад и в молитвенных думах, возводя глаза к небу, увидела среди ветвей лаврового дерева гнездо едва оперившихся птенцов. Вид этих юных птенцов еще более поразил ее скорбящее о безчадии сердце. "Горе мне одинокой, — говорила она — пред всеми униженной дочери израилевой! На кого я похожа? Не могу сравнить себя ни с птицами небесными, ни со зверями земными: те и другие приносят плод свой Тебе, Господи; лишь я одна остаюсь бесплодною! Господи, — продолжала она, — Ты, который даровал Сарре сына в старости и отверз утробу Анны для рождения пророка Твоего Самуила, воззри на меня и услыши молитву мою! Разреши болезни сердца моего и разверзи узы моего неплодия". Едва Анна произнесла эти слова, как предстал пред нею Ангел Божий. "Молитва твоя услышана, — сказал ей небесный вестник: .— ты зачнешь и родишь дочь благословенную выше всех дочерей земных. Ради Нее благословятся все роды земные, Ею дастся спасение всему миру и наречется она Мариєю! Услышав эти слова, Анна поклонилась Ангелу и сказала: "Жив Господь Бог мой! Если у меня будет дитя, то отдам его Господу на служение, пусть оно служит Ему день и ночь, восхваляя святое имя Его во всю жизнь свою". Ангел, благовестив ей, стал невидим, а святая Анна поспешила в храм Иерусалимский, чтобы там возблагодарить Бога и возобновить обет о посвящении Ему ожидаемого плода. Между тем Ангел Божий явился и святому Иоакиму в пустыне и сказал ему: "Бог милостиво принял молитвы твои; жена твоя Анна родит дочь, о которой все будут радоваться. Вот и знамение верности слов моих: иди в Иерусалим и там, у золотых ворот, ты найдешь жену свою, которой возвещено то же самое".

Благоговейная радость объяла сердце святого старца: он немедленно и с богатыми жертвами пошел в Иерусалим и там, действительно, на указанном от Ангела месте встретил жену свою. Увидя мужа, Анна поспешила к нему с восклицанием: "Знаю, знаю, Господь Бог щедро благословил меня: потому что я была как бы вдовою — и теперь не вдова, была безчадною — и теперь буду иметь чадо". Здесь они рассказали друг другу все подробности явлений Ангела, принесли в храм жертву Господу и возвратились домой с твердою уверенностью в непреложности полученного ими обетования. Вскоре святые Богоотцы увидели над собою и совершение этого чудного обетования: в девятый день декабря православная Церковь празднует зачатие Пресвятой Девы Анною.

По прошествии дней чревоношения благовестие Ангела исполнилось — и святая Анна в восьмой день сентября родила дочь. Радость родителей, освободившихся от "поношения безчадства", была невыразима. Святой Иоаким, в чувстве сердечной благодарности, принес в храм, какую мог, жертву Богу, когда же настал пятнадцатый день по рождении младенца, то,

по обычаю иудейскому, новорожденную дочь назвали именем Мария, данным Ей от Ангела еще прежде зачатия. Святого Младенца воспитывали со всею нежностью и заботливостью, и он со дня на день видимо укреплялся. Предание говорит, что когда Пресвятой деве исполнилось шесть месяцев, мать Ее Анна для Ее воспитания устроила особое место в спальне, куда возбранен был вход всему нечистому, сюда собрала избранных непорочных еврейских дочерей, чтобы они ходили за благословенным дитятею ее. При исполнении года Марии, Иоаким сделал большой пир и созвал на него священников, книжников и старейшин иудейских. На этом пире он поднес дочь к первосвященникам и священникам, и они благословили ее. Сама же Анна с радостью взывала при этом: "Воспою песнь Господу Богу моему, Он призрел на меня и, отъяв поношение врагов моих, дал мне плод многоценный пред Ним. Кто возвестит сынам Рувима, что Анна кормит грудью дитя? Услышьте, услышьте двенадцать колен Израилевых, что Анна питает млеко!"

По достижении Мариею двухлетнего возраста, святой Иоаким хотел исполнить над благодатною дочерью обет посвящения Ее храму; но святая Анна уговорила супруга отложить это посвящение еще на год.

Тропарь праздника:

Рождество Твое, Богородице Дево, радость возвести всей вселенной: из Тебе бо возсия солнце правды Христос Бог наш, и разрушив клятву, даде благословение, и упразднил смерть, дарова нам живот вечный.

Кондак праздника:

Иоаким и Анна поношения безчадства, и Адам и Ева от тли смертные свободистая, Пречистая, во святем рождестве Твоем, то празднуют и людие Твои, вины прегрешений избавльшися, внемда звати Ти: неплоды рождает Богородицу и питательницу жизни нашей.

187. Таинство миропомазания

Братие, православные христиане! Каждому из вас случалось, конечно, бывать при совершении крещения над младенцем. По облачении крещаемого в новую одежду и прочтении затем молитвы, он помазуется святым миром, с произношением при этом слов: «печать дара Духа Святаго...» Это действие называется таинством Миропомазания, посредством которого нам сообщается благодать, укрепляющая и возвращающая нас в жизни духовной. Разъяснением значения и важности сего таинства для нас я и хочу заняться с вами. — Таинство Миропомазания на греческом языке означает словом "хрисма", что значит "помазание". От этого слова происходит и слово Христос, что значит помазанник. В Малом Катихизисе, печатанном в Москве при патриархе Иосифе, в одном месте пишется: "Вопрос: что есть Христос? Ответ: Христос толкуется "Помазанец". Якоже в ветхом законе на три чины елеом помазовахуся: на священство, на царство и на пророчество: тако и

Христос Иисус помазанец Божий, Егоже не по человечеству, не елеом, но Духом Святым Бог Отец помаза на тья три чины, по пророчеству Исаину и во Евангелии глаголющему: «Дух Господень на Мне, Егоже ради помаза Мя, благовестити нищим посла Мя» "(лист 18)". В Большом Катехизисе, печатанном в Москве при патриархе Филарете, пишется также: "Вопрос: как толкуется греческое слово Христос, а еврейское Мессия? Ответ: "Помазанник". Вопрос: чего ради Христос нарицается "Помазанник"? Ответ: за восприятие плоти помазан совершением Святого Духа, яко Царь превыше всех царей и Священник превыше всех священник, и Пророк превыше всех пророк. О Нем же псалмопевец Давид глаголет: «сего ради помаза Тя, Боже, Бог Твой елеом радости паче причастник Твоих" (лист 2 оборот). — Иисус Христос, получивший при Своем крещении помазание от Святаго Духа, не оставил без Него и нас — верующих. На учеников и Апостолов Своих Он послал Святаго Духа в пятидесятый день по Своем воскресении из мертвых, в виде огненных языков; Апостолы по Его повелению низводили на верующих благодатные дары Духа Божия чрез руковозложение (Деян. 8; 17, 19; 6). Так было сначала. Но потом руковозложение еще сами святые Апостолы заменили помазанием освященным миром. На это есть указания в Священном Писании: «и вы помазание имате от Святаго», писал святой Апостол Иоанн Богослов (1 Ин. 2; 20); «Помазавый нас Бог... запечатле нас и даде обручение Духа в сердца наша» (2 Кор. 1; 21, 22). А святой Дионисий Ареопагит, ученик святого Апостола Павла, прямо говорит, что сами Апостолы назвали сие таинство — таинством мира и, следовательно, сами ввели употребление мира. И сие-то помазание, которого удостоивает нас при крещении православная Церковь, дает нам право называться христианами. Без сего таинства мы не в праве были бы носить на себе это звание. В доказательство того, что звание христианское происходит от таинства Миропомазания приведем свидетельства из учения святых отцов. Блаженный Симеон Солунский в своей книге пишет: "От крещения же и мира и христиане зовемся, и паче от мира, еже и хрисма зовется! (кн. Симеона Солунского, гл. 43). Святой Кирилл Иерусалимский в своих поучениях пишет: "Святаго Миропомазания удостоившись, вы называетесь христианами. Ибо прежде, нежели вы сподобились оной благодати, вы сего наименования собственно достойными не были, а стремились к тому, чтобы быть вам христианами (поучение тайновод. 2-е — о миропомазании, Москва, 1822 г.)". Святой Феофил Антиохийский говорит: "Христианин, — имя помазания, ибо мы помазуемся елеом Божиим (о таинствах — архиепископа Игнатия Воронежского, 1849 г., стр. 129)". В Большом Катехизисе пишется: "Вопрос: откуда нарицается христианин? Ответ: нарицается православный христианин имени ради Христова, от Христа и от хрисмы, сиречь помазания святым миром (лист 2 оборот)." В другом месте эта же книга свидетельствует: "От помазания же и мы нарицаемся христиане, сиречь, помазанцы (лист 377)". Итак, чтобы верующим во Христа называться христианами, для этого им надобно быть помазанниками. А чтобы быть

помазанниками, для этого им надобно иметь у себя таинство Миропомазания. Следовательно, кто не помазан святым миром, тот и звание христианского не имеет права присваивать себе. Посему и наши мнимые старообрядцы или раскольники, безпоповцы, хотя и совершают у себя крещение и исповедь, а иные приемлют еще и брак безсвященнословный, но поелику таинства Миропомазания не имеют, то не могут быть названы и истинно православными христианами. При рассуждении о таинстве Миропомазания они держатся такого убеждения, что в деле спасения можно ограничиться таинством Крещения, без Миропомазания. Но ослаблять силу и значение таинства Миропомазания значит — признавать, что человек может непосредственно собственными своими силами достигнуть спасения, без содействия благодати Божией. А правильно ли это? Нет. «Благодатию есте спасены чрез веру», - учит святой Апостол: «и сие не от вас, Божий дар; не от дел, да никто же похвалится» (Ефес. 2; 8-9). "Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается", — воспевает святая Церковь. По учению "Книги о вере", напечатанной при патриархе Иосифе, без таинства Миропомазания и самое крещение не может быть совершенным. "Святая Восточная Церковь, читаем в ней, при тайне Крещения, Миропомазания тайну сотворяет абие, по соборному святых отец преданию... и без того Крещения тайна не совершенна есть (л. 345)". В Большом Катихизисе, пишется: "Всяк со тщанием да ускоряет ко крещению; по сем же печатлен быв от епископа, прияти имать седмеричную благодать Святого Духа, зане глаголет: без сея тайны никто же совершен христианин может быти (л. 376)". Если бы можно было крещающимся обходиться без миропомазания, то прежде всего так могли бы поступать Апостолы Христовы. А между тем в их деяниях мы вовсе не то усматриваем. Вот что, между прочим, описывается в книге Деяний Апостольских. Святой Апостол Филипп, бывши в Самарии, обратил жителей ее к вере Христовой. Так как он состоял на степени диаконского служения, то над уверовавшими мог совершить только одно таинство Крещения, что он и исполнил. Когда же прочие Апостолы услышали об этом, т.е., что самаряне уверовали во Христа и крестились уже, то они послали к ним Петра и Иоанна для того, чтобы они низвели на самарян благодать Святого Духа: «Они же сошедше, помолишася о них», говорится в Деяниях, «возложиша руке на ня, и прияша Духа Святаго» (Деян. 8; 12-17). Другой раз тот же Апостол Филипп обратил ко Христу евнуха царицы эфиопской. Над этим обратившимся действительно не было совершено возложение рук апостольских. Но тут совершилось особенное чудо. Ибо «Филипп и каженик», как повествуется в книге Деяний Апостольских, «егда изыдоста от воды крещения, Дух Святый Сам нападе на каженика» (Деян. 8; 26-39). Вот если бы подобного рода чудесные события совершались и над глаголемыми старообрядцами, при их крещении и перекрещиваниях, тогда можно было бы говорить, что для них излишне таинство Миропомазания. Но кто видал когда-либо подобное чудо, или кто слышал о нем? — Бывали случаи, говорят глаголемые старообрядцы, что

спасались и без миропомазания. — С кем же? — Например, с мучениками первых веков христианства. — Правда. Но это не служит для раскольников основанием к оправданию. Бывали случаи, что и без крещения спасались. Ужели поэтому и нам креститься не надо? Итак, братия, стойте и держите твердо апостольское предание о необходимости и важности тайны миропомазания и не увлекайтесь лестью новых, не более двухсот лет появившихся учителей, мудрствующих по преданиям человеческим, а не во Христе! Аминь.

(Из "Православного Собеседника" 1882года (Сие поучение имеет в виду главным образом лжеучение раскольников беспоповцев))

188. Великая книга Божия, понятная и для неграмотных

«Невидимое Его (Божие), вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы» (Рим. 1; 20).

Знать грамоту, уметь книги читать — дело весьма доброе и полезное; но не из одних этих книг учатся. Есть книга, — не писанная, а Самим Господом созданная, книга живая и великая, книга всегда и везде для всех открытая, — книга, которую всякий человек с разумом может читать и научиться добру. — Что это за книга? Это — весь свет Божий, который иначе называется великим миром, видимым миром, или природою. Мы видим небо, на небе — солнце, месяц, звезды, облака, тучи; видим землю, на земле — горы, долины, поля, луга, города и села, реки и озера, травы, деревья, птиц, зверей, скот и людей; слышим гром, бурю, шум дождя, стук града и т.д., — это все вместе есть и называется одним словом: мир. Сей-то мир святые Отцы и называют книгою. "Якоже сочинитель книг, — учит святой Тихон Воронежский, — из разума своего износит слова, и напишет их на бумаге, и сим образом сочиняет книгу, и как бы из ничего нечто делает: тако Премудрый и Всемогущий Создатель, что в Божественном разуме Своем имел, и что восхотел, все сотворил, и как бы книгу из двух листов, т.е. неба и земли состоящую, сочинил, в которой книге видим Божие всемогущество, премудрость и благость" (Сокровище духовное, ч. 1. Мир). "Каждая вещь и все творения Божии, пишет святой Василий Великий, суть то же, что буквы, по которым мы читаем провидение и высочайшую премудрость Творца". — Итак, мир есть книга, а все вещи в мире суть как бы письмена, или буквы и целые слова, которые можно складывать и читать почти так же, как они читаются в писанных и печатных книгах. — Спросите: как читать? — Отвечаю: видением, слышанием, рассуждением. Видишь, например, небо, и на небе множество звезд; видишь землю, и на земле множество всяких вещей. Откуда все это взялось, и как стало быть? Ты мне скажешь просто: Бог знает — откуда и как. Вот ты уже и прочел самое главное и самое великое слово Бог; уже понял, что если есть небо и земля, то понятно — есть Бог. — Видишь одно небо, и одну землю, знаешь, что одно солнце на небе,

один государь в государстве, один отец у своих детей, и один хозяин в доме. И только в том доме хорошо, в том месте чин, порядок и лад, где правит домом один; а где хозяев много, где муж начнет рядить по-своему, а жена по-своему, отец так, а дети иначе — там не бывать добру. Это всякий из вас знает: что же он отсюда может узнать? Какое слово прочесть о Господе Боге? Такое слово, что наш Господь Бог есть Бог — Един. — Пойдем далее: когда ты смотришь на поле, покрытое прекрасною, густою и зреющею пшеницею или рожью, ты говоришь: она не сама собою взялась; ее кто-то посеял, и хорошо обработал свое поле. Когда видишь богатый сад, превосходно устроенный, опять говоришь, кто же нибудь насадил его. Когда глядишь на дом, тоже помышляешь: дом не сам собою вырос, а строил его разумный строитель. Словом, на какую вещь ни посмотришь, везде найдешь, что она не сама от себя, а кто-нибудь другой сделал ее. Посмотри же опять на небо, на землю, на все то, что я прежде называл миром. Какой дом, или сад, или поле может равняться с этим великим миром? Посмотри и спроси себя: откуда он взялся? Как дом не вырастает сам собою, а надобно, чтобы он кем-нибудь построен был, так и мир не сам собою стал и есть, а кем-нибудь построен, сделан, сотворен. Кем сотворен? Самое простое рассуждение скажет тебе, что он сотворен Богом. И вот ты еще прочел в великом мире Божиим, как в книге, что Бог есть Творец мира, создатель неба и земли, видимым же всем и невидимым, т.е. Творец всего того, что ты видишь, и еще более всего того, что не видишь; ибо ты не все видишь, что есть на свете. — Продолжайте еще размышлять, други мои. Бросьте камень на воздух; он не будет держаться на воздухе, но упадет и будет лежать на земле. Мы, люди, стоим, ходим, лежим на земле, скотина и зверь — тоже; города, села, деревья, воды, — все держится землею и на земле. Птица хотя летает по воздуху, но не долго; полетает, полетает, — и сядет либо на дерево, либо на крышу, либо на землю. На чем же держится сама земля? Ни на чем; — «на ничесом же повесивый землю повелением Твоим», говорится в одной песне церковной. Как же такая непомерная тяжесть может держаться сама собою? Не может; вы легко догадываетесь, что ее держит некая сила великая. Чья сила? Ничьей иной силы вы тут не угадаете, кроме всемогущей силы Божией. Бог все держит, все движет, всем управляет. Таким образом вы еще прочли в книге мира одно великое слово о Боге, что он есть Вседержитель. — Но что говорить о земле? Смотрите на вещи малые разумно, — и они все будут говорить вам, как книга, о Господе Боге Вседержителе. Видишь, например, зеленую травку, хороший цветок, — подойди, полюбуйся, и спроси: кто его так убрал, нарядил, украсил? Он скажет тебе: Отец небесный. Видишь птиц, летающих по воздуху, ходящих по земле, они сами не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, однако же всегда бывают сыты и довольны. Спроси: кто их кормит, или питает? Отец небесный, — скажут они. Может быть, ты подумаешь: птицы — едят наш хлеб крестьянский. Но ваш хлеб откуда взялся, по чьей воле и повелению вырос? Когда ты бросаешь семена в землю, знаешь ли, что они непременно взойдут, вырастут и созреют? Не знаешь, а

говоришь только, когда сеешь: уроди, Господи, Отец небесный. И Отец небесный уродит, когда ты просишь Его, как добрый и послушный сын, и когда будет на то Его святая воля, Его Божеская милость. Не видим ли теперь, что Бог есть не только Творец, Вседержитель, но и Отец? — Поистине, Он есть Отец премилосердый, всеблагий и всеильный. И во-первых — Он есть Отец Единородного Сына Своего, Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Во-вторых — Он есть Отец всего, что живет, растет и чувствует; потому что Он всему дает жизнь, все хранит, питает и одевает. В-третьих — Он есть Отец Благодетель всех людей, — не только добрых, но и худых, не только верных, но и неверных; потому что велит солнцу Своему сиять для добрых и злых, для праведных и неправедных. В-четвертых — Он есть особенно Отец для мира православного, для добрых и истинных христиан, которые в церковь Его святую ходят, заповеди Его святые исполняют, и во всем как Его Самого, так и Его Святую Церковь слушают. "Как дети, — учит святой Тихон Воронежский, — отца своего от любви называют: отче, или батюшка, тако Христиане Бога от любви называют Отцом, и вопиют к Нему: Авва Отче (Рим. 8; 15. Гал. 4; 6), — т.е. как бы так: батюшка Отец наш!" Теперь видите, любезные братья мои, что можно читать великую книгу Божию всякому человеку; видите, что хотя мы не много учились и читали, а между тем, сколько прочли и узнали слов и истин важных, великих и святых! В книге природы, или в книге мира Божия мы прочитали то же самое, что читается в обыкновенных книгах, состоящих из бумаги и чернил; т.е. прочитали начало, или первый член нашего святого Символа веры: «верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым». Точно так же и в той же книге можно прочесть и первую заповедь Божию: «Аз есмь Господь Бог твой; да не будут тебе бози инии разве Мене». Учитесь же, Христиане, прилежно и усердно: не будьте неразумны, как малые дети; смотрите на всякую вещь, как на слово и поучение о Господе Боге вашем; читайте, говорю, великую книгу мира Божия, или книгу природы, начертанную Самим Богом о Себе же Самом; вы видите, что ее не трудно читать! Заклучим беседу нашу молитвою к Святому Духу, на всякую истину наставляющему: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняй, сокровище благих и жизни подателю! Прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша!»

(Из "Воскресного Чтения" 1847года)

189. Бога не обманешь

Болий есть Бог сердца нашего и весть вся (1 Ин. 3; 20). Его очи, тьмами тем крат светлейший солнца (Сир. 23; 27) на всяком месте смотряют злыя же и благия (Притч. 15; 3). Наг самый ад пред Ним, и несть покрывала пагубе (Иов. 26; 6). Казалось бы, кто не знает этого? И возможное ли дело, чтобы

человек так забылся, что мог бы подумать — обмануть Господа Бога — Сердцеведца? А на деле выходит, что и до этого легко может дойти лукавая совесть грешника... На самых первых страницах Ветхого Завета в книге Бытия мы читаем: принесе Каин от плодов земли жертву Богу; и Авель принесе, и той от первородных овец своих, и от туков их; и призре Бог на Авеля и на дары его: на Каина же и на жертвы его не внят (Быт. 4; 3-5). — Спрашивают: почему Бог жертву Авелеву принял, а жертву Каина отверг? Потому, отвечают толкователи Священного Писания, что Авель закалал свою жертву с сокрушением сердечным и с верою в будущего Искупителя, а Каин готовил свои плоды небрежно, без благоговения; Авель приносил в жертву первородных, самых лучших овец своего стада, а Каин — что похуже из плодов земных, — чего не так было жаль другим отдать; а что получше, то приберегал для себя. Несчастный! Он думал обмануть Господа Бога, думал, как думают и многие подобные ему грешники: не узрит Господь, ниже уразумеет Бог (Пс. 93; 7), — но обманул только самого себя, и за дерзость свою отвержен был от Господа. — В Новом Завете, в первых главах книги Деяний Святых Апостолов рассказывается, что многие владельцы поместьев или домов продавали их и приносили цену проданного к ногам Апостолов, жертвуя в пользу неимущих братии. Понятно, что это делалось из одного усердия и никто не принуждал так поступать; но нашлись люди, которым не захотелось отстать от других и в этом святом деле, а в то же время жаль было отдать все, что было выручено от продажи имения. Некто Анания с женою своею Сапфиною, продавши имение, утаил часть цены его, с согласия своей жены, а остальное принес и положил к ногам Апостолов. Но Петр сказал Анании: "Для чего допустил ты сатане вложить в сердце твое мысль обмануть Духа Святого и утаить час из цены поместья? Когда оно еще не было продано, разве оно не твое было? Ты мог спокойно владеть своим имением, никто не принуждал тебя продавать его и лукавить пред Богом: как же это пришло тебе на мысль такое дело? Ты солгал не человеком, а Богу!" При этих словах Анания пал бездыханным. Все ужаснулись; юноши вынесли тело его и похоронили. Спустя часа три пришла его жена, не зная ничего, что случилось. Апостол Петр спросил ее: "Скажи мне: за столько ли продали вы поместье?" Она сказала: "Да, за столько". Тогда Петр сказал ей: "Что это вы согласились искусить Духа Господня? Вот входят в двери погребавшие мужа твоего и тебя вынесут". Вдруг она упала у ног его и испустила дух. Юноши вошли, нашли ее мертвою, и вынеся, похоронили подле мужа ее. "Великий страх объял всю Церковь, — заключает свое повествование Евангелист Лука, — и всех слышавших сие". Трепет объемлет душу и теперь, когда читаешь этот рассказ, друзья мои. Но тут же невольно спрашиваешь себя: Каин ли только, — одни ли Анания и Сапфира думали обмануть Господа Бога? Нет ли и среди нас чего-нибудь подобного? Вот, например, настает праздник Господний; колокол зовет православных в церковь Божию; зовет и тебя туда же совесть твоя; но тебе скучно там, — ты нарочно медлишь дома, чтобы придти в церковь к половине обедни, а то и еще позднее, лишь бы потом

можно было сказать самому себе: "Я исполнил долг христианский, я был сегодня у обедни", — и тем успокоить совесть свою... Друг мой! Кого хочешь ты обмануть этим лицемерным богомолением? У кого крадешь ты минуты молитвенные? Бога ведь не обманешь; Он давно изрек праведный суд Свой о таких богомольцах ленивых: «приближаются Мнелюдие сии усты своими, и устнами чтут Мя; сердце лее их далече отстоит от Мене; все же чтут Мя» (Мф. 15; 8)! — Или: вот ты молишься молитвою, от Самого Господа нам данную: ты просишь себе прощения грехов, ты говоришь: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим...» Но оставляешь ли своим должникам? Правду ли говоришь? Бога ведь не обманешь: Он знает твое сердце лучше тебя самого, и если там, в этом сердце, таится какое-нибудь недоброе чувство к ближнему, — то не жди себе прощения от Господа, ибо непреложно слово Его: «аще отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный: аще ли не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших» (Мф. 6; 14-15)! — И сколько таких случаев можно указать в нашей жизни! Не проходит дня, когда бы мы не лукавили пред Господом Богом! А бывает, друзья мои, что человек всю жизнь свою направляет так, как будто хочет обмануть Господа Бога. Дело в том, что у каждого грешника есть свой идол, которому он служит всей душой. Этот идол есть его любимая страсть, любимый грех. Один всем сердцем прилепился любостыжанию, другой — плотоугодию, иной меры не знает своему честолюбию... Но у каждого есть совесть, этот судия неподкупный; совесть говорит грешнику: Бог строго накажет тебя за твою жадность, за плотские грехи, за безмерное честолюбие... Страшно становится грешной душе слушать эти укоры и обличения, а между тем ей не хочется и с любимыми греховными привычками расстаться... И вот человек начинает лукавить, чтобы как-нибудь успокоить свою мятущуюся совесть. Скупому жаль уделить лишний грош для бедняка; только из-за стыда перед другими он кладет свою медницу на свечу в церкви Божией; за то он думает угодить Господу Богу строгим постом и поклонами, продолжительными молитвами... Друг мой! Хорошее дело — и пост и молитва; но если ты в то же время безжалостно гонишь от себя бедного прочь, если для тебя тяжело подать медницу на украшение храма Божия, или на другое дело доброе, — то напрасно ты трудишься: Бога ведь не обманешь, таким постникам Он давно изрек: «вскую Мне поститесь, якоже днесь?.. Не сицеваго поста Аз избрах, ниже аще слячеши яко серп выю твою, и вретище и пепел постелеси, ниже тако наречете пост приятен» (Ис. 58; 4,5). Другой, напротив, ничего не жалеет для бедных, жертвует щедрою рукою на церкви, монастыри, богадельни; но сам несчастный — страждет страстью невоздержания, или всей душой предан плотским грехам, и не думает, не хочет расстаться с этими греховными удовольствиями... Друг мой, брат мой! Ужели ты думаешь купить себе милость Божию своими благотворениями так же, как покупают милость человеческую — богатыми подарками и приношениями? Спора нет, что милостыня очищает грехи, (Притч. 15; 27), но только тогда, когда

грешник бросит, возненавидит эти грехи: «лучшая жертва Богу — дух сокрушен, сердце сокрушено и смиренно»; а ты предлагаешь Ему то, что для тебя удобнее, — подумай, кого ты этим обманываешь? Бога ведь не обманешь: еще древний мудрец сказал: «нерцы: на множество даров моих воззрит Бог, и приносящу ми Богу Вышнему пришлет» (Сир. 7; 9); да и Сам Он, Сердцеведец, глаголет: «что Ми множество жертв ваших?.. Ктому не стерплю грехов ваших!...» (Ис. 1; 11, 14). —Пожалей себя, отстань, брось, развяжись совсем с грехами своими, тогда жертва твоя будет благоугодна Богу как фимиам кадильный. — Говорить ли о тех благодетелях, которые творят добро из-за выгод земных, из-за славы людской, — кого хотят обмануть они? Не по духу Христову это их добро, оно — мирское, земное, и здесь, на земле сии благодетели восприемлют мзду свою! Но довольно о чужих грехах. Все мы грешники, и вех нас зовет Бог к покаянию, зовет каждый день и час, а мы все отвечаем: завтра покаемся, завтра начнем жить по Божьи... Кого мы думаем обмануть этим "завтра"? — Не крадем ли мы дни жизни нашей, как крали золото Анания и Сапфира? Ведь жизнь наша должна вся принадлежать Господу; а мы — юность тратим на греховные наслаждения, мужество проходит в суете житейской, а старость... но в нашей ли власти эта старость? Кто нам обещал ее? Да если бы и в нашей она власти была: то не грешно ли всю жизнь истратить на грехи одни, а Богу отделить болезненную старость? Ведь это значило бы принести в жертву хромое, слепое, увечное! Не Каинова ли это будет жертва, братие моя? Бога ведь не обманешь, и что удивительного, если Он в гневе Своем не даст нам увидеть своей старости, и мы умрем во грехах наших!...

190. Без труда не спасешься

Не бойтесь креста самоотвержения и самораспинания; всю тяжесть креста Господь понес Сам, вам же остаются одни утешительные плоды его. Не жалеете трудов; смотрите, какой блаженный конец ожидает тружеников, и воодушевляйтесь; спешите, гоните, теките, да постигнете. Трудитесь. Без труда, и труда усиленного, ничего не получим. — Получить блаженство все готовы, а труды ради сего нести очень многие упираются; очень многие всякие позволяют себе льготы, а между тем все же чают благовую улучшить часть вместе с другими. Точно, Господь многомилостив и всякого готов облаженствовать. Но сами-то мы никак не можем изменять путей, Господом указанных, и по своему вкусу прописывать себе условия к получению блаженства, которое не в наших однако же руках. — Вот посмотрите, как Апостол Павел и себя и других воодушевляет на труды и остерегает от льгот. «Не весте ли, - говорит, - яко текущий в позорищи, вси убо текут?» (I Кор. 9; 24). С каким усилием на ристалищах все напрягают свои силы, чтоб перегнать других? И это чего ради? Чтоб тленный получить венец. Не тем ли с большим рвением надлежит теши нам, чтоб получить венец нетленный?

Смотрите же, — прибавляет, — «тещите, и тако тещите, да постигнете». — Как же это надо тещи, чтобы достигнуть? Надобно от всего воздерживаться. «Подвизайся же, т.е. текущий, как на ристалище от всех воздержится», — говорит тут же святой Апостол. От всех воздерживаться, или всестороннее иметь воздержание — думаю понятно, что означает. Означает пост, бдение, уединение, утруждение тела и всякое плоти умерщвление, или, как говорили наши Отцы-подвижники, суровое и жестокое иметь житие. Хочешь тещи так, чтоб получить нетленный венец? Проходи суровое и жестокое житие. Чтоб кто не вздумал как-нибудь увольнять себя от сего, Апостол и себя изображает также текущим. И я, говорит, так же теку, и я так же подвизаюсь. Как же это именно? «Умерщвляю тело мое и порабощаю». Апостол, сосуд благодати, умерщвляет тело свое и порабощает. Кому же после сего будет это не необходимо? И не думайте, что у него это есть плод избытка ревности. Нет. Без этого, говорит, мне нельзя быть, опасно: «да не како иным проповедуя, сам неключим буду». Апостол, устроитель царства Божия, руководитель всех ко спасению, боится оказаться неключимым, недостойным царствия Божия, если не будет тело свое порабощать и умерщвлять. Кто же после сего понадеется быть достойным без умерщвления и порабощения тела? — Я нарочно побольше остановился на сем Апостольском месте, чтоб внушить, что общий почти у нас недуг — жаление и поблажка плоти, совсем не к лицу ищущим и чающим царствия Божия. Хочешь царства? Не жалей плоти. Будешь жалеть плоть, — не получишь царства. Ах! Как нам не по вкусу это строгое и суровое житие, плоть умерщвляющее! И каких уверток не употребляем мы к тому, чтоб уволить себя от него! — Вот настает пост, а кто постится как следует? Иной совсем ни во что ставит пост; иной так его ведет, что плоть от того никакой не ощущает жестокости. И чего не наговорят такие в оправдание свое? О тех уж нечего говорить, кои нерадят о спасении; те и живут только в плоть. А то и ревнители благочестия всяко склоняются на то, чтоб питать и греть плоть свою. Я, говорит, богомыслием займусь, я в церковь буду ходить, буду заниматься чтением спасительных книг, милостыню буду подавать, и другое что готов делать; а телу уж пусть дается всякий покой и довольство — в пище, сне, неутруждении и устранении всяких неудобств. И что еще говорят? Говорят, что это умерщвление плоти есть телесное делание, мы же духовны — духовными деланиями и будем достигать царства небесного — невестественного. — На все сии и подобные рассуждения скажу одно: Апостол-то Павел до какой меры был духовен? И кто сравнится с ним в ясном ведении того, как нужно нам действовать?! А видите, что прописал? Указал венец нетленный. И всем, кто захочет восхитить его, предписал умерщвлять и порабощать тело. Ничего другого не вставил и никакого другого средства не поместил. Тут умерщвление и порабощение тела, а там венец нетленный. Хочешь последнего — возьмись за первое. Рассуждения же все в сторону. Если б и мне кто стал докучать: разьясни и то и другое в сем деле недоумение, я сказал бы: что рассуждать? Понятно, что

значит нетленный венец? Конечно, понятно. Понятно, что значит умерщвление и порабощение плоти? И это верно понятно. Поди же, умерщвляй и порабощай плоть и получишь нетленный венец. А если иначе станешь действовать, не только не получишь венец, но окажешься неключимым, как опасается святой Апостол и за себя и за нас. О неключимом же знаешь, что сказано? Сказано, «неключимаго раба вверзите во тьму кромешную, ту будет плач и скрежет зубов...» Вот какой неутешительный конец покоя плоти! — И то прибавлю, что ведь мы не поставлены рассуждать и словопретися ни на какую же потребу: а зачем поставлены? Поставлены проповедывать слово. «Проповедуй слово», заповедует святой Апостол Павел Тимофею (2 Тим. 4; 3), а в лице его и всем нам. Какое слово? Вот я соберу это слово относительно того, о чем мы беседуем. — «Иже Христово суть, плоть распяша со страстми и похотми» (Гал. 5; 24). Слышите! Стало быть, кто не распинает плоти, тот не Христов, не христианин. «Сего ради ходите не по плоти, но по духу» (Рим. 8; 4). «И плоти угодия не творите в похоти» (13; 14). «Мы должны есмы не плоти, еже по плоти житии» (8; 12). «Аще бо по плоти живете, иматеумрети: аще ли духом деяния плотская умерщвляете, живи будете» (8; 13). «Сущий бо по плоти плотская мудрствуют» (8; 5) и «Богу угодити не могут» (8; 8): «ибо мудрование плотское смерть есть» (8; 6), «вражда на Бога есть» (8; 7). «Да упразднится убо тело греховное» (Рим. 6; 6), «да не царствует грех в мертвенным вашем теле» (6; 12). «Представьте телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови» (Рим. 12; 1); «и умертвите уды ваша, яже на земли» (Кол. 3; 5). Ибо есть «ин закон во удех наших, противу воюющ закону ума нашего и пленяющ нас законом греховным, сущим во удех наших» (Рим. 7; 23). — Ограничусь этим. Видите ли как? И вот такого-то рода непощадение плоти проповедуется и заповедуется по всему пространству Божественного Писания! Стало быть, нечего рассуждать, нечего придумывать разные извороты к пощадению плоти. Кто хочет питать и греть плоть свою, тот не питомец Писания и чужд духа его. Чужд духа, чужд и обетованию. — Вот с сей-то стороны усмотрите всю матернюю попечительность о нас святой Церкви в учреждении святых постов. И вся жизнь у нас должна проходить в умерщвлении и порабощении плоти. Иначе тотчас попадешь в неключимые, а за то потом и участи их горькой подвергнешься. Чтоб самым делом не подпал кто из нас сей участи по забвению или какому увлечению делами, святая Церковь напоминает нам об умерщвлении плоти каждую неделю — средою и пятком, а в каждое время года продолжительными постами, особливо же великим постом святой Четыредесятницы, чтобы, когда придет пост, и против воли взялись мы за труд умерщвления и порабощения плоти и вступили на поприще, ведущее к получению нетленного венца. Так, если уж в другое время даем мы себе всякие льготы, хоть постом несколько поутрудим плоть свою. Если же в другое время будут у нас для плоти все празднества, и в пост всякие льготы, то не к нам ли будет относиться следующее укорительное слово Апостола:

«мнози, - говорит он, - ходят, ихже многажды глаголах вам, ныне же плача глаголю, враги креста Христова: им же кончина погибель, имже бог чрево, и слава в студе их, иже земная мудрствуют» (Флп. 3; 18, 19). — Блаженны труды умерщвляющих плоть свою, и да воодушевляет их на продолжение уверенность в неизбежности сего пути. Но и те, кои лишали себя сего блага, имеют еще время сделаться участниками его. Поприще открыто; виден и светлый венец в конце его. Вступите бодренно в подвиг. Ревностью возревновав, перегнать еще успеете тех, кои так далеко ушли от вас. Что потеряно в длительности времени, то вознаградить можете напряжением сил в одушевлении и, таким образом, не мечтательным ожиданием, а несомненно и действительно вступите в сонм тех, кои, по Апостолу, тако текут, что наверно постигнут. Аминь.

(Из книги "О покаянии ", преосвященного епископа Феофана)

191. «Сделавши добро – не кайся!» Русская пословица

Каяться в грехах — дело понятное, ибо кто творит грех, тот исполняет волю сатаны; но как же это можно каяться в добром деле? Ведь кто творит добро, тот исполняет волю Божию; доброе дело и Богу любезно, и добрым людям приятно; значит, если Бог помог тебе сделать доброе дело, — радоваться надо, Бога благодарить надо, а не каяться... Так бы и должно быть; но вот, возлюбленные, в чем беда наша великая: грех нередко так овладевает сердцем человека, что заставляет его жалеть о том добром деле, какое он сделал: не правда ли, братия мои, какое грешное желание, какое богопротивное покаяние!.. Кажется, и поверить бы этому трудно; но к несчастью, друзья мои, это нередко бывает, и бывает, конечно, с великим вредом для души. — Во дни святителя Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского, был один епископ, по имени Троил, человек скупой и расчетливый. Раз святитель Иоанн пригласил его с собою в больницу, навестить бедняков недугующих. Обходя болящих, святой Иоанн сказал Троилу: — "Вот тебе, отче, прекрасный случай утешить бедную братию и подать им милостыню". Троилу было стыдно отказаться от доброго дела, и он оделил больных по золотой монете, издержав на это тридцать златиц. Но когда он вернулся домой, ему до того стало жаль этих денег, что он заболел и слег в постель. — Между тем святитель Иоанн присылает к нему с приглашением к себе на обед; Троил отказывается, ссылаясь на нездоровье; тогда святой Иоанн понял, в чем дело: он берет 30 златиц, и идет к болящему епископу. — "Я принес тебе деньги, которые взял у тебя в заем для раздачи в больнице, — говорит он Троилу: — вот, возьми их; только потрудись написать своею рукою, чтобы Господь отдал мне ту награду, какая следовала за них тебе". Троил, увидев золото, с радостью поднялся с постели — и тут же написал такую расписку: "Боже Милосердый! Дажь воздаяние Господину моему Иоанну, за то золото, которое я, грешный Троил, раздал в

больнице: ибо он мое возвратил мне". Отдав сию расписку святителю Иоанну, Троил забыл свою болезнь и пошел к Иоанну обедать. Скорбно было видеть угоднику Божию такое сребролюбие — и в ком же? — в пастыре Церкви Христовой! И вот, святой Иоанн всем сердцем стал молиться, чтобы Господь вразумил Троила; и Господь услышал его святую молитву. В следующую ночь Троил увидел во сне прекрасный дом, над дверями которого было написано золотыми буквами: "Обитель и покой вечный Троила епископа". И несказанно обрадовался он сему видению, как вдруг является некий грозный Муж, и говорит бывшим тут слугам: — "Господь всего мира повелел стереть здесь имя Троила и вместо его написать имя Иоанна, патриарха Александрийского, который купил себе сей дом за 30 златиц. Итак — перемените надпись!" — При этих словах Троил проснулся и исполнился страха и жалости. На утро он поспешил к святому Иоанну; весь в слезах, он рассказал первосвятителю свое видение, принес раскаяние в сребролюбии и — с той поры стал ко всем щедр и милостив. Так Господь вразумил скупого Троила, друзья мои; вразумил, но не попустил погибнуть душе его: видно в его прежней жизни и добро было, которое вот и помянул теперь Господь, по молитвам святителя Иоанна Милостивого: ведь у Господа Бога ни один вздох сердечный, ни одна капля слезная не останутся забытыми; Он, Милосердый, может поставить нам грешным в цену добрых дел и те скорби, какие терпим мы поневоле, за грехи наши, — лишь бы только не роптали мы в этих скорбях, и каялись в своих грехах. Так и Троил, верно, имел какое-нибудь дело доброе, за которое Господь и не оставил его. А вот другой рассказ, от которого невольно должно бы содрогнуться самое корыстолюбивое сердце. — Один житель Константинополя был тяжело болен; страхась смерти, он раздал нищим, как и Троил, тоже 30 золотых монет. Бог смиловался над ним, и за сию милостыню даровал ему здравие. Но неразумный стал жалеть потраченных денег, и поведал свое горе одному знакомому, богатому человеку. Тот уговаривал его — не жалеть денег: "Смотри, чтобы не прогневать тебе Господа, — говорил он, — ведь Бог за милостыню тебя почти из мертвых воскресил; как бы не умереть тебе за это без покаяния". Но он не переставал жалеть о деньгах. Тогда знакомец говорит ему: "Если уже не хочешь слушать меня, то пожалуй, пойдем в церковь; там только скажи: "Господи! Не я подавал милостыню, а вот этот человек". — и я тут же отдам тебе деньги". — Несчастный сребролюбец охотно на то согласился. И вот, только что он взял в руки деньги и сказал упомянутые слова, как тут же, в церкви, упал и умер... Церковнослужители предлагали его товарищу назад 30 златиц после умершего, но раб Божий отвечал: "Сохрани меня Бог взять то, что я уже отдал Господу Богу! Разве это можно? Бог поругаем не бывает!" — И деньги те были розданы нищим. (Пролог, девятнадцатое января). — Вот так, друзья мои, совершился грозный суд Божий над человеком, который не устыдился ради корысти отречься от того доброго дела, за которое сам уже получил великую милость Божию! — Оглянемся теперь, возлюбленные, на самих себя: нет ли и между нами таких,

которые сделают доброе дело, а потом и жалеют, что сделали, и даже иногда укоряют тебя в том?.. А это бывает и с нами, грешными. Вот, например, человек опасно заболел: он просит молиться за него, он сам вопиет к Богу, как Езекия, дает обещания, и иногда раздает все, что имеет, только бы получить исцеление. И Милосердый Отец Небесный слышит вопль скорбящей души его, и болящий восстает от одра болезни. Блажен сей человек, если он не забудется, если он от всей души возблагодарит Бога за явленную ему милость, и не только не будет жалеть о том, что роздал нищим во дни болезни своей, но и сторицею умножит сию милостыню... Но, к несчастью, нередко бывает вовсе не так. Он начинает жалеть о том, что потратил на бедных, и если уж нельзя вернуть потраченного, то старается всеми силами, а иногда и всеми неправдами поскорее нажить то, что имел до болезни... И не дивно было бы, если бы он искал только необходимого; нет: ему нравится быть рабом своей страсти любимой, — ей служить он хочет по-прежнему, а о том, что обещал Господу в минуту жизни трудную, он и не думает... — Но этот несчастный жалеет по крайней мере только о деньгах; если бы было можно, он не прочь бы и добро оставить за собой, только бы деньги были целы. А бывает и еще хуже. Бывает, что человеку и денег не жаль, а жаль именно того, что он сделал доброе дело. Вот, например, ты оказал помощь человеку в нужде ради Господа; а человек этот, вместо благодарности, поносит и злословит тебя... Тебе горько терпеть от него это поношение, и ты начинаешь говорить в кругу близких тебе людей: "Глупо я сделал, что оказал милость этому негодяю"... Удержись, возлюбленный, ради Господа удержись от такого слова недоброго! Не в духе Христовом это слово, — его шепчет тебе враг твоего спасения, чтоб отнять цену у твоей добродетели! А Христос Спаситель — слышишь ли, говорит: «Аще любите любящая вы, кая вам благодать есть? ибо и грешницы любящие их любят. И аще благотворите благотворящим вам, кая вам благодать есть? ибо и грешницы тожде творят» (Лк. 6; 32, 33). «Аз же глаголю вам: любите враги ваша, благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас, и молитесь за творящих вам напасть и изгонящих вы, яко да будете сынове Отца вашего, Иже есть на небесех» (Мф. 5; 44, 45)! Какие утешительные для тебя глаголы! То и знак, что ты Христов раб, если добро творишь своему врагу: то и добро Богу угодное, которое творится во имя Христово: если за него нет тебе награды здесь на земле, — зато велика награда твоя у Господа на небесах! Утешься же, друг мой, не жалея о добре своем, а возблаговари Господа, что скорбью очищает Он добро твое от примеси тщеславия, что берегает Он всю награду за него всецело на небесах, что уподобляет Он тебя Самому Себе, ибо и Он, весь благодать, весь любовь, много ли видел благодарности даже от тех, которым стыдно было бы забывать Его великие благодеяния? И Он, исцелив десять прокаженных, не спрашивал ли: «да девять где? како не обретошася возвращшеся дати славу Богу токмо иноплеменник сей?...» Итак, не скорби, не жалея, когда сделал добро, хотя

бы и недругу своему: тогда жалеи, тогда скорби, когда упустишь удобный случай сделать доброе дело!

192. Как стоять в Церкви Божией

«Дом Мой дом молитвы есть: вы же сотвористе его пещеру разбойником» (Лк. 19; 46).

Истинно сказал апостол Павел в своей проповеди Афинянам: «Бог сотворивый мир и вся, яже в нем, сей небесе и земли Господь сый, не в рукотворенных храмах живет» (Деян. 17; 24); однако же Сам Бог еще в ветхозаветные времена благоволил избрать Себе место, где люди могли бы приносить Ему жертвы и изливать перед Ним свои молитвы. Он Сам говорит Соломону о храме: «и ныне избрах и освятих дом сей, да будет имя Мое ту даже до века, и будут очи Мои и сердце Мое ту вся дни» (2 Пар. 7; 16). Но тогда в одном только народе Израильском Господь избрал Себе одно место, возлюбил один храм, а теперь, во всяком народе, во всякой стране, во всяком граде и веси Он благоволит иметь столько храмов и домов для молитвы, сколько бы ни построили их православные христиане. И в этом мы видим великую милость Всещедрого Бога, дабы мы по лености своей не удаляли себя от Него, ссылаясь на дальнейшее расстояние от храма, ибо удаляющий себя от Бога, по слову Пророка, погибнут. Молиться мы должны и на всяком месте владычества Господня, как поучает апостол Павел: «Хочу убо, да молитвы творят мужие на всяцем месте» (1 Тим. 2; 8); угодна Господу молитва и в пустыне, как молитва пророка Илии, Иоанна Предтечи, и всех тех, которые скитались в пустынях, горах, вертепах и пропастях земных; угодна была Господу и Петрова молитва в горнице, и Павлова на корабле, и Ионина в чреве кита, и Иовлева на гноище, и Езекиина на одре болезни, и множества мучеников в темницах, — никакое место не препятствует молитве; но особенно приятное Богу приношение бескровной жертвы требует особенного места, требует храма освященного. Да и молитва множества верующих, собравшихся воедино, имеет большее дерзновение ко Господу. Христос Господь Сам сказал: «паки аминь глаголю вам, яко аще два от вас совещаеа на земли о всяцеп вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего, Иже на небесех: идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреди их» (Мф. 18; 19-20). Много может молитва и одного праведника ко умолению Владыки, но еще больше может молитва многих. И если один член Церкви имеет какой-либо недостаток, то другой член восполняет этот недостаток. Кроме того, молитва многих, возносимая в церкви, подкрепляется еще и молитвой святых Божиих, святые мощи которых во храмах почивают.

Когда святые апостолы ожидали пришествия Святаго Духа по обетованию Христову, то пребывали все вместе, в Сионской горнице, в единомудной молитве и молении. Хорошо делаете и вы, православные,

собираясь, в подражание апостолам, в эту горницу духовную, во храм Господень; хорошо делаете, что здесь молитесь, и воистину снидет и на вас Дух Святой, терние грехов ваших как бы огнем попадающий, а души ваши зарями благодати Своей просвещающий и освящающий, если только сами вы не положите препятствий Его пришествию в ваших душах. А препятствий таких бывает много.

И вот первое из них: кто входит в храм Божий без страха Божия, тот не может получить благодати Святаго Духа. Господь не взирает милостиво на таких людей, ибо «очи Господни» только «на боящихся Его» (Пс. 32; 18). Не исполняет Он желания сердец их, ибо Он только «волю боящихся Его сотворит» (Пс. 144; 19). Он лишает их благ вечных, «яко несть лишения» этих благ только «боящимся Его» (Пс. 33; 10). Не являет Он к ним милости Своей, ибо «милость ... Господня от века и до века только на боящихся Его» (Пс. 102; 17). Кто входит без страха в чертог царя земного? А в дом Царя Небесного многие дерзают входить без всякого страха и благоговения! Велегласно взывает Давид: Работайте Господи со страхом и радуйтесь Ему с трепетом (Пс. 2; 11); но многие не хотят слышать словес этих, так что Сам Господь жалуется на таковых через пророка Малахию: «и аще Господь есмь Аз, то где есть страх Мой?» (Мал. 1; 6). Второе препятствие для благодати Божией есть недостаток смирения и кротости. Кто величается как гордый фарисей, а не молится подобно смиренному мытарю, кто исповедует перед Богом не грехи свои, а свои вклады, свои милостыни, свои добрые дела, забывая заповедь: «...не воструби пред собою... да не у весть шуйца твоя, что творит десница твоя» (Мф. 6; 2-3), тот сам себя лишает благодати Божией.

Не от смирения, конечно, происходит и то, что некоторые, во время службы Божией, когда священник возглашает: "Мир всем", не хотят приклонить своей главы для принятия этого мира, и через то сами себя лишают мира, от Самого Христа посылаемого, — не дают этому миру места в своих сердцах. Кто нерадит об этом, тот пусть знает, что мир наш, по слову Христову (Мф. 10; 13), к нам (священнослужителям) возвращается, а он остается без мира и в этом и в будущем веке. И какое же тут смирение, когда при возглашении иерея: "Благодать Господа нашего Иисуса Христа... буди со всеми вами!" — многие не хотят наклонить главы, оскорбляя тем и самую благодать, и ее служителя. Это признак гордости, а не смирения. А «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать» (Иак. 4; 6). Если хочешь, чтобы молитва твоя была услышана, то поучись смирению: «молитва смиренного пройде облаки» (Сир. 35; 17). Не знаю также, гордости или невежеству некоторых приписать и то, что они, при возглашении иереем словес Христовых (Мф. 26; 26): «приимите, ядите... пиите от нея вси...». не делают даже малого поклонения, тогда как необходимо в это время наипаче возблагодарить Господа. Кто не поклонился бы царю земному, если бы сам царь предложил ему на своей трапезе лучшую пищу? А на Божественной литургии Царь Небесный упомянутыми словами Самого Себя предлагает в пищу и питье всем верующим: как же не воздать за это Господу Богу

Боголепного поклонения? Итак, если не хочешь быть изгнан за свою неблагодарность от трапезы Господней, смиренно преклоняй главу свою пред Господом, когда услышишь оные слова Господни: «приимите, ядите... пиите от нея вси...» Замечу кстати: у некоторых есть обычай делать земной поклон во время Великого входа со Святыми Дарами на литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого: этого не подобает делать, ибо Святые Дары еще не освящены в Тело и Кровь Христовы; довольно при этом наклонить главу, дабы не воздать хлебу и вину чести, Единому Богу принадлежащей. По учению Святой Церкви Православной хлеб и вино прелагаются в истинное Тело Христово и в истинную Кровь Христову только тогда, когда иерей во время пения: "Тебе поем..." и призывания Духа Святаго, осенит их знамением креста. Тогда подобает воздать им Боголепное поклонение.

Третье препятствие к принятию благодати Божией есть пребывание в смертном грехе: как нет общения света со тьмой и Христа с Велиаром, так нет общения и благодати Божией со грехом смертным.

Наконец, четвертое препятствие — это житейские попечения. Поэтому, как Моисей, приближаясь к купине горящей, снимал обувь с ног своих, так и ты, входя во храм Божий на молитву, отложи всякое житейское попечение, чему поучает тебя и Святая Церковь в Херувимской песне. Стоя в храме, помышляй, что ты стоишь на небе. Как на небе, так и в церкви есть престол Божий; как на небе нет никаких попечений земных, так пусть не будет их и в церкви; как на небе одно непрестающее славословие Господу, так пусть будет и в церкви; как на небе с благоговением предстоят престолу Божию Ангелы и все святые Божии, так пусть будет и в церкви: кто в церкви, этом земном небе, занят бывает житейскими попечениями, тот и небо делает землей, или, по слову Христову, дом молитвы обращает в вертеп разбойников. Господь изгнал из храма торговцев и менял: разве тот не торгует в церкви, у кого душа занята только прибылью да расчетами? Разве тот не меновщик, у кого и в церкви только лихва на уме? Разве не достойны таковые, чтобы Христос Господь бичом осуждения страшного изгнал их из церкви Своей? А чтобы нам избавиться от этого осуждения, будем входить в церковь Божию со страхом и стоять в ней со смирением. В доме молитвы будем прилежно молиться; стоя во храме, будем помышлять, что стоим на небесах. И тогда Господь Бог исполнит все прошения наши, ниспошлет нам благодать Святого Духа здесь, на земле, а когда разрушится храмина тела нашего, то сподобит нас войти в дом Свой Небесный, и тогда насытимся мы лицезрением Его, когда явится нам слава Его. Аминь.

(Поучение Иоахима, патриарха Московского и всея Руси Из рукописи Патриаршей или Синодальной Библиотеки № 147)

193. Как творить милостыню

Пророк Даниил, из-за ненависти Вавилонских вельмож, был ввержен в ров львиный. Шесть дней уже прошло, как он никакой пищи там не вкушал, и вот Господь посылает Ангела Своего в Иудею, к другому пророку, Аввакуму, который в это время нес похлебку на поле к жнецам. Ангел сказал Аввакуму: «отнеси этот обед... в Вавилон, к Даниилу, в ров львиный. Аввакум отвечал: господин! Вавилон я никогда не видал и рва не знаю. Тогда Ангел Господень взял его за темя и, подняв его за волосы головы его, поставил его в Вавилоне над рвом силою духа своего. И воззвал Аввакум и сказал: Даниил! Даниил! возьми обед, который Бог послал тебе. Даниил сказал: вспомнил Ты обо мне, Более, и не оставил любящих Тебя. И встал Даниил и ел; Ангел же Божий мгновенно поставил Аввакума на его место» (Дан. 14; 29-41).

Аввакум, конечно, мог бы сказать Ангелу, когда тот явился ему: "У меня в поле работники ждут обеда, а ты посылаешь меня в далекий Вавилон с этим обедом к Даниилу... что же будут есть мои работники?" Но не сказал так пророк. Бог велел ему отнести пищу заключенному, голодающему, и он исполнил повеление без всяких отговорок. Ах, сколько таких заключенных, сколько таких голодающих, как Даниил! Сколько таких, у которых нет ни куска хлеба насущного, сколько должников, беспомощных, сколько дрожащих от холода! Брат мой! Бог велит тебе иметь о них попечение, оказывать им помощь. «Тебе оставлен есть нищий, сиру Ты буди помощник» (Пс. 9; 35). Можно ли иметь тут какую-нибудь отговорку? Всесильный Бог конечно мог бы напитать Даниила пищей небесной и без обеда Аввакумова; но Его премудрое Провидение хочет, чтобы один человек терпел нужду, а другой ему помогал в этой нужде, — чтобы нужду терпел убогий, а помогал ему ты, богатый. Для чего так? Для пользы того и другого: чтобы убогий получил венец за терпение, а ты — за милосердие. Но чтобы ты не трудился напрасно, вот тебе правило: 1) Давай, куда надобно. 2) Давай, сколько надобно. 3) Давай, как надобно. 4) Давай, когда надобно, то есть рассуждай и о человеке, которому даешь, и о мере, и об образе подаяния, и о времени.

1) Давай куда надобно. Два раза жертвовали Евреи свои сокровища в пустыне: в первый раз они собирали женские украшения для того, чтобы из них отлить золотого тельца; в другой раз они сносили свои золотые, серебряные и медные вещи, драгоценные камни и ткани на устройство и украшение скинии (походного храма). В первом случае они отдали свои сокровища диаволу, а следовательно, не туда куда надобно; во втором — посвятили их Богу, то есть отдали туда, куда отдать было надобно. Итак, когда ты даешь, даришь, издерживаешь, расточаешь свое имение на свои прихоти, которые для тебя то же, что идола, например, на игры, на наряды, на пьянство и непристойные пирушки, то знай, что ты отдаешь его туда, куда не надобно, ибо приносишь его в дар диаволу. А когда жертвуешь на церковь, на монастырь; когда употребляешь свое достояние на помощь какому-нибудь бедному семейству, на приданое бедной девице, на выкуп

пленника, на пропитание сироты, то знай, что ты отдаешь его именно туда, куда надобно: ты приносишь все это в дар Господу Богу.

2) Давай сколько надобно, то есть, смотря по человеку и по его нужде. Нищему, который бродит по миру, довольно и двух денежек на покупку насущного хлеба; но этих двух денежек недостаточно почтенному человеку, который, по каким-нибудь прискорбным обстоятельствам, пришел в нищету; этих денег недостаточно на приданое бедной девице. Когда земля пересохла, ее не напоишь несколькими каплями воды: она нуждается в обильном дожде. Какова нужда, такова и помощь быть должна. Равным образом: каково состояние подающего, такова должна быть и милостыня. Богатый давай больше, убогий может дать меньше. А у Господа оба они получают равную награду. Почему? Потому, конечно, что Господь смотрит не на подаяние, а на доброе произволение. Две медные лепты положила убогая вдовица в сокровищницу церковную, куда богатые клали золото и серебро: но Христос похвалил ее приношение больше других: «еси бо, — сказал Он, — от избытка своего ввергоша: сия же от лишения своего вся, елика имеаше, вверже, все житие свое» (Мк. 12; 44), то есть все свое состояние. Дверь можно отпереть и золотым, и железным, и даже деревянным ключом, лишь бы он подходил к замку; так и райскую дверь — богатый может отпереть себе червонцем, а бедняк — медной денежкой.

3) Давай как надобно, и, во-первых, давай с приветливым взором, от доброго сердца, а не с сожалением и как бы поневоле: «не от скорби, ни от нужды: доброхотна бо дателя любит Бог» (2 Кор. 9; 7). Стоит ли награды тот, кто дарит — и бранит, подает милостыню — и стыдит? Ах, брат-христианин! Если бы ты знал, Кто на самом деле просит у тебя кусок на пропитание, ничтожной помощи! «Аще бы ведала еси дар Божий, и Кто есть глаголяй ти: даждь Ми пити!» (Ин. 4; 10). Ведь это Сам Бог в образе нищего человека! Так говорит об этом святитель Златоуст: "О, как высоко достоинство нищеты! Под покровом нищеты скрывается Сам Бог: нищий простирает руку, а приемлет Бог. Кто подает милостыню убогому, тот одождает Самого Бога: «Милуяй нища взаим дает Богови» (Притч. 19; 17). Итак, подумай, с какой радостью надобно тебе подавать милостыню! Во-вторых, подавай щедрой рукой, ибо как сеятель не по одному зернышку бросает семена, а целой горстью, так и в деле милостыни следуй слову царя Давида: «Расточи, даде убогим, поэтому правда его пребывает во век века» (Пс. 111; 9). Как посеешь, так и пожнешь; посеешь щедро — много и пожнешь; посеешь скупо — мало и собирешь. «Сеяй скудостию, скудостию и пожнет; а сеяй о благословении, о благословении и пожнет» (2 Кор. 9; 6). Как подавать милостыню, — учит Сам Христос: «тебе же творящу милостыню, да неувесть щуйца твоя, что творит десница твоя» (Мф. 6; 3). Это значит: пусть твоя милостыня будет тайной, так чтобы не только люди не знали о ней, но чтобы и сам ты не считал своего добра: когда подает одна рука, другой о том знать не надобно; пусть они обе подают, то есть щедро и обильно.

4) Давай когда надобно. Это всего нужнее и для бедняка и для самого тебя. Дорога милостыня во время скудости. Помогай тогда, когда еще можно помочь, давай, пока не поздно, пока бедняк не пришел в отчаяние, не предался воровству и другим порокам, пока не умер он от голода и холода. Помоги беспомощной сироте, девице, выйти замуж, пока она не потеряла себя, чтобы и тебе за нее Богу не отвечать. Подавай, наконец, пока и сам ты живешь на свете, не ожидая часа смертного. При смерти ты поневоле будешь милостив, потому что с собой в гроб ничего взять не сможешь; пока жив, делай добро, чтобы оно шло от доброго сердца, от доброго произволения, и тогда ты будешь иметь у Господа награду совершенную. Хороша милостыня и при исходе из этой жизни, но много лучше она при жизни. О, как велика за нее награда у Господа! Какое утешение доставит она твоей совести! О, какая радость сердцу утешаться еще при жизни благополучием того сироты, которого ты в люди вывел; видеть счастье той бедной девицы, которую ты замуж пристроил; видеть радость того бедняка, который с твоей помощью из беды выпутался! До того ли будет в то время, когда будешь находиться при последнем издыхании? Ты соберешься написать духовное завещание, а к тебе придут уже родные и знакомые, чтобы закрыть глаза твои... Но, положим, что ты успеешь написать это завещание: уверен ли ты, что наследники твои исполнят волю твою? Какое неразумие! Когда уж при жизни ты не доверял им пожитков своих, ужели по смерти своей доверишь им душу свою?

Богачи умершие! Если можно, встаньте из ваших гробов; я предложу вам только один вопрос: "Если бы Бог даровал вам воскреснуть только на один час, что бы вы сделали тогда?" О, конечно, вы тогда четверицей заплатили бы за всякую неправду свою, вы роздали бы все свое достояние, чтобы через это умиловить Божие правосудие... Вот, читатель, ты теперь спрашиваешь, как Евангельский богач: "Что благо сотворив, живот вечный наследствую?" И я тебе отвечаю на этот вопрос: "Если Бог благословил тебя земными благами, как этого богача, то давай: давай куда надобно, давай сколько надобно, давай как надобно, и давай когда надобно. И тогда ты будешь иметь сокровище на небесах — жизнь вечную, Царство Небесное. Больше этого, конечно, чего еще можешь ты пожелать себе?..

(Из "Поучительных слов" святителя Илии Миняitia)

194. Как трудиться во славу Божию

Все вы, друзья мои, трудитесь и работаете, и хотя всякая работа, сама по себе, есть дело доброе и Богу угодное, однако же может быть, и часто бывает, пополам со грехом. Можно работать день и ночь, и в то же время тяжело грешить; можно целый век трудиться, потеть, изнурять себя, — и погубить душу свою навеки. Поэтому весьма нужно знать вам, други и братие мои, как надобно трудиться и работать, чтобы работа была полезна

телу и душе; чтобы была делом святым и Богоугодным; чтобы из нее происходила и слава Богу, и польза ближним, и спасение души своей.

Как работать во славу Божию, на пользу ближним, и во спасение души своей?

Спрашиваю: почему вы трудитесь, — обрабатываете землю, пашете, сеете, жнете и прочие работы выполняете? Не из одной нужды, не ради прибыли одной; почему же? Потому, наипаче, что есть на то заповедь Божия, повеление Божие. Сам Господь сказал: «в поте лица твоего снеси хлеб твой» (Быт. 3; 19). Сам Он повелел в четвертой заповеди Своей: «шесть дней делай, и сотвориши в них вся дела твоя» (Исх. 20; 8-10); то есть если кроме воскресного дня не случится в седмице никакого праздника Господня, то все шесть дней, ни одного не исключая, постоянно трудись, работай, делай то дело, которое тебе ко времени. Видите ли, что значит всякая ваша работа деревенская? Она есть исполнение заповеди Божией. Заповеди Божии вы должны исполнять? Непременно и всячески должны, следственно и работать должны непременно. Заповеди Божии вы должны исполнять со всяким усердием и страхом Божиим? Следственно и работать должны со всеусердием, имея страх Божий в сердце. «В поте лица твоего снеси хлеб твой»: пусть этот пот градом катится с чела твоего и лица твоего; не жалея его: он отнимает у тебя время для делания грехов; он и Богу любезен, если ты проливаешь оный от чистоты сердца и в страхе Господнем; от него ждет плода Государь — Отец; от него ожидает Церковь Божия благолепия, икона Христова свечи, нищий подаяния, братья и ближние твои честного прибитка. «Шесть дней делай», — трудись, работай, и при всякой работе думай, что ты делаешь не свое дело, а дело Божие, совершаешь службу Богу и Государю; а где служба Божия и Государева, там должно быть всякое усердие, и страх, и благоговение, и родительность; ибо сказано: «Проклят, кто дело Господне делает небрежно» (Иер. 48; 10). Работать таким образом — и значит работать во славу Божию.

Далее, вы часто говорите, что земля — мать наша. Это правда: как телесная мать носит детище свое на руках своих, питает сосцами своими, утешает и покоит его, так и общая мать наша, земля, на себе носит всех нас, открывает недра свои для принятия семян, поит и кормит своими водами и произрастаниями, а со временем и упокоит наши кости в могиле, как в колыбели. Что же отсюда следует? То, что с землей вы должны обращаться, как дети с матерью; то есть должны работать всякую земледельческую работу с детской любовью, в простоте души младенческой, с детской готовностью, не сердясь, не досадуя, не ленясь и не бранясь. «Любы долготерпит, — учит святой апостол Христов Павел, — милосердствует, любы не завидит, любы не превозносится... не безчинствует... не раздражается, не мыслит зла... вся любит... вся терпит» (1 Кор. 13; 4-7). С такой-то милосердой и терпеливой любовью и работа всякая будет спора, и труд легок и приятен, и на душе будет ясно и весело. И как вам не любить своих занятий земледельческих, когда они, во-первых, занятия самые

невинные? Обрабатывая землю, вы не проливаете ничьей крови, как поступают птицеловы и звероловы; вы не ищете прибыли обманом, как иногда делают купцы; вы сажаете и сеете для того, чтобы все жило и росло, пока созреет, и само, так сказать, попросилось бы вам в пищу. Во-вторых, эти занятия самые полезные: когда ты хорошо обработал землю, и житница твоя полна плодами трудов твоих, тогда и сам ты сыт, и дети твои сыты, и скот твой сыт, и подати у тебя заплачены, и есть чем поделиться с людьми сторонними. В-третьих, эти занятия самые необходимые: без денег ты можешь прожить, но без хлеба не проживешь; имей золото и серебро, имей богатое платье и все другое, что хочешь, — но не будь у тебя куска хлеба, не будь никакой пищи, — на что все это тебе? И при великом богатстве ты умрешь голодной смертью. В-четвертых, наконец, эти занятия Богом и Церковью благословленные; ибо Церковь Божия молится о семенах ваших, которые вы сеять собираетесь, молится на полях, гумнах и в садах ваших, — молится, благословляет, кропляет святой водой и говорит: "Благословляется и освящается кроплением освященная вода сея... (то и то, например, семена, гумно и пр.) во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь". Сам Господь Бог, взирая на ваши работы, если они производятся с исполнением Его святых заповедей, обещает вам всякий успех и обилие; «И дам, — говорит, — дождь вам во время свое, и земля даст плоды своя... и снете хлеб ваш в сытость... И призрю на вас и благословлю вас... И снете ветхая и ветхая ветхих, и ветхая от лица новых изнесете» (Лев. 26; 4, 9,-10): то есть у вас не только много будет хлеба нового, но будет оставаться и хлеб старый за два, за три и четыре года; и когда поспеет новый, вы будете выносить старый, чтобы очистить место для нового.

Видите ли, сколько вам добра от ваших работ земледельческих? Исполняйте же их с любовью и кротостью; работайте с благоговением и страхом Божиим, всегда благодаряще Бога; работайте со всяким усердием и радением, сколько у кого есть силы и времени. Работая так, вы будете работать во славу Божию, для пользы ближних и во спасение души своей.

Истинно, други и братия, во спасение души своей! Знаю, что работы ваши тяжелы, жизнь ваша не роскошна, доля не красна; но по этому-то самому вам легче, не в пример легче, спасти свои души, достигать Царства Небесного, нежели кому-нибудь другому. Святое слово Господне учит нас, что многими скорбями, многими трудами и потом подобает внити в Царствие Божие. Трудов вам не искать; потом можете обливаться от утра — до вечера и до глубокой ночи; бывают у вас и скорби, случается горе великое, например, работаешь целое лето, а придет пора для жатвы, — жать нечего; либо непогода мешает уборке хлеба, либо попусцием Божиим град опустошает поля. Жаль труда кровного; но не сетуйте много, не ропщите, а все переносите с терпением, и если беда настигла, вздохните и скажите: "Согрешили мы пред Господом Богом; да будет воля Твоя святая", — и снова продолжайте работать неусыпно. Работа безропотная, перенесение скорби, предание себя воле Божией, все это само собой приведет вас в Царство

Небесное; и чем больше будете трудиться, чем крепче терпеть, тем ближе станете к Царствию Божию. Не говорите: "Мы задавлены работой; ни днем, ни ночью нет ни отдыха, ни покоя". Святые угодники Божии еще не так трудились, как вы трудитесь и работаете. Мученики Христовы не то терпели, что мы терпим, грешные. Почитайте их жития и страдания, и тогда сами увидите, велики ли наши труды и работы, крепко ли наше терпение? И говорить-то не стоило бы о них. Но хотя они и невелики, и недороги, однако, могут довести вас до Царства Небесного, если совершаются во славу Божию. Поэтому еще раз повторяю вам: работайте, трудитесь, делайте всякое дело деревенское с благоговением и страхом Божиим, с усердием и без лености, с кротостью и любовью, без гнева и роптания, без досады и брани, а с охотой, с терпением и благодарением Богу. Тогда Бог благословит все ваши работы, а в свое время дарует вам за них и Царство Небесное, молитвами Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых Своих. Аминь.

("Воскресное Чтение ", 1846)

195. Кем мир стоит?

Ради десяти праведников, если бы их столько нашлось в Содоме, Бог обещал Аврааму пощадить этот город и все его окрестности; и ради одного праведного Лота, пока он жил там, Господь щадил этот беззаконный город: вот как полезны люди праведные для каждого города, каждой страны, каждого царства, и каким тяжким бедствиям подвергаются И грады, и страны, и царства, если в них не найдется ни одного праведника! Да, полезны праведники для того места, где обитают они, полезны вдвойне: во-первых, — своей жизнью и словом назидания, во-вторых, — молитвами. Примером своей добродетельной жизни и духовными наставлениями они отводят грешных людей от греха и поучают добродетели. Они — вожди для слепых и заблудших, они — врачи для болящих, они — кормчие для обуреваемых, светильники для пребывающих во тьме, небесные светила для всего мира, как говорит им апостол: «являетесь якоже светила в мире» (Флп. 2; 15). Да и Сам Господь говорит им в Евангелии: «Вы есте свет мира» (Мф. 5; 14). Через них просвещаются ослепленные душевными очами, у них получают врачевание недугующие совестью, ими направляются волнуемые суетой мира сего — к тихому пристанищу Богу, если только взирают на их Богоугодную жизнь и стараются подражать ей. Рассказывает преподобный авва Дорофей в своей книге, что брат спросил одного старца: "Что мне делать, отче, чтобы бояться Бога?" Старец отвечал: "Иди и живи с человеком, который сам боится Бога". То же самое можно сказать и о всякой другой добродетели: хочешь научиться целомудрию? Иди, подружись с человеком целомудренным, и подражай ему во всем. Желает ли быть кротким, смиренным, незлобивым? Подружись с кротким, смиренным и незлобивым.

Ищешь ли мудрости духовной? Беседуй чаще с мужами духовной жизни: от них ты научишься всякому Богоугождению, по слову Давида: «С преподобным преподобен будешь» (Пс. 17; 26). Уже одно сожитие, соседство с праведным может исправить грешника, если только грешник будет смотреть на жизнь праведника. В Книгах Царств мы читаем, что однажды мертвец был брошен в погребальную пещеру пророка Елисея, и лишь только труп коснулся останков пророка, мертвец тотчас же ожил и встал на ноги. Если от прикосновения к мертвым останкам праведника тело мертвеца получило жизнь, то тем более от общения с живыми праведниками души, омертвевшие от грехов, могут возбуждаться к покаянию, исключая разве тех, сердца которых ожесточились во зле, как у Иуды при Христе Господе и у Содомлян при Лоте, на большее их осуждение.

Полезны миру люди праведные и своими молитвами: они охраняют живущих с ними грешных людей от всяких бед и зол, какие гнев Божий попускает на раздражающих Бога своими грехами. В таких случаях праведники для каждого города и страны — то же, что столбы для дома, что стены для города; так их и называют святые отцы. Святитель Иоанн Златоуст называет праведных людей "столпами отечества", а святой Амвросий именует их "каменными стенами". Как столбы поддерживают здание, как стены оберегают и укрепляют город, так и праведные утверждают и охраняют свое отечество, умиловляя прогневанного Бога и защищая от наказания Божия. Хотел Бог во гневе Своем праведным истребить в пустыне весь народ Еврейский за поклонение золотому тельцу, но встал перед Ним Моисей, умоляя за согрешивший народ, и умолил Его, как сказано в псалме: «И рече потребити их, аще не бы Моисей, избранный Его, стал в сокрушении пред Ним, возвратити ярость Его, да не погубит их» (Пс. 105; 23), — и был тогда Моисей для своего народа столпом и крепкой опорой. Вознамерились было Филистимляне вконец истребить народ Израильский во дни пророка Самуила, и конечно истребили бы, потому что Израильтяне в то время были безоружны и неопытны в военном деле; притом же Филистимляне превосходили их и численностью войска, а главное — Сам Бог прогневан был тяжкими грехами Израильтян; но праведный Самуил оградил их своими теплыми к Богу молитвами как крепкой стеной; чудесным образом он победил Филистимлян без всякого сражения, побил их без оружия, прогнал без стрел и пращей. Ибо во время его молитвы возгремел Господь над иноплеменниками, и они пришли в смятение и пали перед Израилем. И был тогда Самуил праведный для Израильтян то же, что крепкая стена каменная. Подобным образом и пророк Божий Елисей был для города Дофаима стеной каменной, когда этот город осаждали Сирияне. Он оградил Дофаим невидимой силой Ангелов, по его молитве от Господа посланных, а врагов поразил слепотой. В христианские времена праведный святитель Иаков один защитил свой город Нисивию от Персов, которые готовы были уже совсем овладеть им. Он взошел на городскую стену и помолился ко Господу; и вот, по мановению Божию, вдруг появились целые тучи насекомых, укусы

которых были столь болезненны, что и кони, и верблюды обрывали узды и поводья, и в бешенстве бегали туда и сюда. Да и для самих Персов эти насекомые были столь несносны, что они вынуждены были со стыдом снять осаду и уйти от Нисивии, будучи гонимы не оружием и стрелами, а мухами и комарами. Так этот праведник был поистине каменной стеной для своего города! И счастлив тот город и та страна, где находится хоть один праведник, потому что ради него Бог щадит многих грешников. А что Бог щадит грешников ради праведных, это видно и из притчи Евангельской. Один хозяин посеял доброе семя на поле своем, а враг тайно посеял плевелы между пшеницей; когда взошла пшеница, явились и плевелы. И сказали рабы своему господину: "Позволь нам выполоть плевелы"; он же ответил им: "Нет, вырывая плевелы, вы легко можете вырвать вместе с ними и пшеницу; оставьте то и другое расти до жатвы". В этой притче пшеница означает праведных, а плевелы грешных. Не вырывают плевелы, чтобы не повредить пшенице; щадит Бог и грешных, чтобы не оскорбить и сохранить праведных. Так ради праведных и грешные остаются невредимы.

Но горе тому городу или стране, где нет ни одного праведника: им угрожает разорение и гибель. Содом дотоле оставался невредим, пока жил в нем праведный Лот; а как только он вышел оттуда, погибла вся страна. Мы удивляемся, почему это в наши времена бывает столько войн, разоряются города, опустошаются целые страны, возникают междоусобные войны, много проливается крови и так много всяческих бед. Потому, конечно, что мало стало праведных: «все уклонишася, вкупе непотребны быиш: несть творяп благостыню, несть даже до единого» (Рим. 3; 12). Все развратились, все стали прогневлять Бога, оскорблять Его милосердие и раздражать Его долготерпение. Все бесстрашно творят беззаконие и возбуждают Божие правосудие на отмщение. Вот почему и тяготееет над нами много бед: видно, нет праведников, которые умоляли бы Господа за нас грешных! Два святых пророка скорбели о том, что мало стало праведных на земле: Давид и Михей. Давид взывал к Богу: «Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих. Суетная глагола кийждо ко искреннему своему: устне льстивыя в сердце, и в сердце глаголаша злая» (Пс. 11; 2-3). А святой Михей уже не сетует только, но и рыдает: «О, лютемене, душе! яко погиге благочестивый от земли, и исправляющаго в человецех несть: Всеи во кровех прятся, кийждо ближняго своего озлобляет озлоблением, на зло руки своя уготавлиют: князь просит (даров), и судия мирная словеса глаголет... О, люте! О, люте!... Не верите другом, ни надейтесь на старейшины... Понеже сын бесчестит отца, дщерь востанет на мать свою и невеста на свекровь свою...» (Мих. 7; 2-6). Но, о святые пророки! Почему же вы так печалитесь, что праведных не стало на земле? Потому, говорят они, что за этим следуют беды и напасти. Давид говорит: «Потребит Господь вся устны льстивыя» (Пс. 11; 4) — погибнут все лжецы, льстецы и неправедники. Итак, спаси меня, Господи, чтобы и мне не погибнуть вместе с ними! Подобно этому и Михей возвещает о грядущем

гневе Божиим: «о, люте! о, люте! отмщения Твоя приспеша, ныне будут плачи их» (Мих. 7; 4). Итак, горе тому граду и той стране, где нет ни одного праведника! Ибо праведниками мир стоит.

(Из "Летописи" святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

196. Не соблазняй...

Апостол Павел говорит: «сие паче судите, еже не полагати претыкания брату или соблазна» (Рим. 14; 13). "Что такое претыкание? Что такое соблазн? — вопрошает святитель Филарет, митрополит Московский, и отвечает: — если мы перед ближним нашим говорим такие слова, или делаем такие дела, которые произведут в нем худые помыслы и расстройство душевное, то мы полагаем ему претыкание; если нашими словами или действиями даем ему повод, побуждение, поощрение ко греху, то полагаем ему соблазн. Как печально, и вместе с тем как грозно говорил о соблазнах Господь наш: «Горе миру от соблазн... обаче горе человеку тому, имже соблазн приходит» (Мф. 18; 7). «У нее ему было бы, аще жернов оселский облежал бы о выи его, и ввержен в море, неже да соблазнит от малых сих единого» (Лк. 17; 2).

О милосердый Господи! О грехах и грешниках глаголеши с толиким покоем, с толикою кротостью: «не приидох бо призвати праведники, но грешники на покаяние» (Мф. 9; 13); а о соблазнах и соблазняющих выражаешься так плачевно, и так грозно!... «Разумех, Господи, яко правда судьбы Твоя» (Пс. 118; 75); воистину плачевен грех и страшен, но соблазн более страшен. Грех мой, при помощи благодати Твоея, могу я прекратить и покаянием очистить; но соблазн, если он виной моей подан и перешел к другим, уж я не властен ни прекратить, ни очистить". Так размышляет о соблазнах великий святитель Филарет (Сочинения, 1845, ч. III, с. 476, 479-480). "Соблазн — то же, что моровая язва, — говорит святитель Тихон Задонский. — Язва моровая заражает и умерщвляет тело, а соблазн заражает и умерщвляет душу человеческую. Язва моровая зачинается в одном человеке, а потом весь дом, весь город, все село и, наконец, всю страну заражает; так и соблазн: начинается в одном человеке, а от него переходит ко многим" (Там же, ч. IV, с. 146). В Книге Судей Израилевых (Суд. 17; 1,4-13; 18; 2-31) повествуется, что некто Миха сделал кумир для себя и для своего дома, потом нанял левита, чтобы приносить ему жертвы; от левита выведали об этом домашнем кумире воины племени Данова, и похитили оный; и таким образом идолослужение одного человека из одного дома сделалось грехом города и племени. Таков обыкновенно ход греха путем соблазна. "Один начал строить себе роскошный дом, ходить в нарядной одежде, ездить на дорогих конях; видит это другой, третий, видят многие и делают то же. Один нажил себе богатство нечестным путем, это соблазняет и других, и так зло переходит от одного к другому и растет все шире и шире. О лютое зло —

соблазн! — восклицает святитель Тихон. — Берегись, христианине, подавать соблазн, и сам берегись соблазна как моровой язвы! Люби сердечно Закон Божий, и не будет тебе соблазна. «Мир мног любящим закон Твой, Господи, и несть им соблазна» (Пс. 118; 165). Презри мир сей с его прелестями, и возлюби единого Бога, и ты будешь жить в мире, как Лот в Содоме, невредим!" (Там же, ч. IV, с. 147).

"Не думай, — говорит блаженный Августин, — что ты не убийца, если ты соблазнил ближнего на грех... Ты растлеваешь душу его, ты похищаешь у него то, что принадлежит вечности!" Чтобы не соблазнить брата, святой апостол Павел отказывает себе даже и в позволенных удовольствиях и вещах. Например, пища, сама по себе, не удаляет от Бога, и не приближает к Богу, однако же и в пище апостол Павел ограничивает себя: «аще брашно соблазняет брата моего, — говорит он, — не имам ясти мяса во веки, да не соблазню брата моего» (1 Кор. 8; 13). Он готов лучше навсегда отказаться и от мяса, и от вина, лишь бы не подать повод немощной совести брата соблазниться (Рим. 14; 20-21). Вот как апостол Христов боялся соблазнить кого-нибудь даже употреблением позволенных вещей. Видно, он твердо помнил грозное слово Христово о соблазнителях! Видно, он всегда памятовал, что и в последний день мира Господь начнет Страшный Суд Свой именно с творящих соблазны: «послет Сын Человеческий Ангелы Своя, и соберут от Царствия Его вся соблазны и творящих беззаконие и ввергут их в пещь огненну» (Мф. 13; 41-42). А если так, то как же, скажите, не бояться нам, христианам, быть в соблазн кому-нибудь? "Велик грех соблазна! — говорит один проповедник слова Божия. — Велик этот грех потому, что, во-первых, соблазнитель непременно препятствует Христу в устройении Им нашего спасения: Христос хочет всем спастися, а ты на грех людей наводишь. Поэтому ты враг Христу и друг и сообщник диаволу; ибо, служа для братии соблазном, ты творишь чрез это дело диавольское; первый искуситель на грех — диавол. Во-вторых, кто служит для других соблазном, тот губит этих людей, и потому он их злодей, враг, убийца, и даже хуже убийцы, ибо не тело, а душу своих братии убивает. В-третьих, всякий грех можно сколько-нибудь загладить покаянием; а произведенный соблазн загладить, большей частью, нельзя. Положим, например, сам ты и раскаялся в известном грехе, и сам лично уже получил прощение от Господа; но в людях, для которых ты послужил соблазном, как ты прекратишь этот грех? Это уже редко бывает в нашей власти и большей частью для нас невозможно. Между тем, грех этот все растет и растет: от того, кого ты соблазнил, он перешел к другому и третьему. А всему этому кто причина, кто повинен? Ты. В тебе он искоренен, этот грех, но в людях, тобой соблазненных, живет, и живет как твое семя, твое детище, от которого как ты отречешься перед Богом? Да еще хорошо бы было, если бы мы могли знать, в ком именно живет грех, подобным образом нами посеянный; тогда можно бы было, по крайней мере, приложить старание, покаявшись, и того человека, которого мы соблазнили на грех, расположить к покаянию. Но о многих ли можем мы

знать, что мы их соблазнили? Сколько людей, которых мы могли соблазнить совершенно для себя неведомым образом, и которые, пожалуй, и сами-то не знают, кто первый навел их на тот или другой грех! Вот, например, ты произнес скверное слово. Слово твое слышали сотни детей. Иные из них ничего не потерпели от этого, но другие приняли твое слово к сердцу и в них это скверное слово принялось, все равно как бы некое зернышко, и дало росток: сначала они и сами стали такие бранные слова произносить, затем гнилое слово перешло у некоторых и в гнилое дело, и — пошел, пошел грех, тобой посеянный, гулять по белу свету; все равно как семечко с иного дерева — сорвется и летит, летит за много верст, несомое ветром; наконец, упало на землю, принялось, выросло и — само начало приносить и сеять семена. Вот самый точный образ того, насколько живучи соблазны!

Друзи мои! Бога ради, не смотрите вы на грех глазами грешного мира, который ко всему греховному относится очень легко; а всегда старайтесь вдумываться и в те последствия, которые могут от того или иного греха произойти для вас самих и для других. Тогда и будет суд ваш праведен. Например, относительно соблазнов: нам заповедано друг друга оберегать, вразумлять, наставлять на путь спасения. А мы словом и делом — не губим ли друг друга, служа для братии своих соблазном? И разве это не тяжкий грех? И сторонних ли только губим мы подобным образом? Напротив, не наводим ли мы сплошь и рядом даже собственных детей на грех, мы, грешные пастыри, — вас, детей своих духовных, начальники — своих подчиненных, старшие — младших и т.д.? Поистине, горе нам, в миру живущим, от множества соблазнов!.. Однако это не оправдание для соблазняющихся, — скажем и об этом. Соблазнов много в миру; но всегда можно избежать их. Скажу более: в некотором отношении это даже полезно, что соблазнов в миру много. Они невольно приучают человека к осторожности и осмотрительности; нет соблазнов — нет и подвига. Нет, ты при множестве-то соблазнов сумей устоять в добре! Поэтому и Спаситель сказал: нужда бо есть прийти соблазном», соблазны не бесполезны. «Обаче горе человеку тому, имже соблазн приходит» (Мф. 18; 7). Трудно жить среди соблазнов, но зато многоценно в очах Божиих выстаивать среди них. Соблазняющимся, конечно, горе; а соблазнителям и того горше. «Блюдайте убо, братия, како опасно ходите» (Еф. 5; 15). Аминь".

(Поучение протоиерея Белоцветова)

197. Борьба с плотью

Скажи мне, естество мое, как я сам себе и враг и друг? Скажи мне, как я могу победить твое мучительство? Как мне связать тебя, плоть моя, что мне делать с тобой, помощница моя и соперница, заступница и предательница моя?" — так жалуется на плоть преподобный Иоанн в своей "Лествице". Преподобный Кассиан Римлянин называет подвиг борьбы с плотью

подвигом великим и многотрудным, потому что эта борьба объемлет и душу и тело. Плоть — это наш домашний враг; похоть плоти — это такая склонность, с которой мы родимся на свет. Прочитайте житие преподобной Марии Египетской ("Троицкие листки", № 104), преподобного Мартиниана (Четий Минеи, 13 февраля), нашего Киево-Печерского подвижника, преподобного Иоанна Многострадального ("Троицкие листки", № 136) и многих других, и вы увидите, чего стоило святым Божиим побороть эту греховную склонность. Но чем труднее борьба, тем выше подвиг, тем ближе к человеку всемогущая благодать Божия. Вот что рассказывал о себе один семидесятилетний старец, подвижник, преподобный Пахон, в утешение брату, боримому похотью блудной. "Ты видишь, — говорил он, — что я уж стар и хил; сорок лет я прожил в этой одной келье, но и в самой старости не совсем еще оставил меня демон; а когда я был в твоих годах, мысли и страсти, подобные твоим, меня до того обуревали, до того обессиливали, что я приходил в отчаяние; даже думывал, что Бог меня вовсе оставил. В течение десяти лет страдал я так и днем и ночью. При всем этом я лучше бы решился умереть, чем растлить чистоту моего девства. Дело до того доходило, что однажды я бросился из кельи и убежал в самую глушь пустыни. Там мне попала пещера, и я спустился в нее, в надежде найти диких зверей, которые бы разорвали меня и тем прекратили мои страдания. Я не обманулся. Пещера была занята зверями; я бросался на них, дразнил, сердил их, стараясь привести в ярость и бешенство; но они, вместо того чтобы разорвать меня, валялись в ногах моих, играли как ягнята, облизывали мне руки и ноги и, наконец, удалились из пещеры. Это меня удивило. "Верно, — подумал я, — Бог помнит и хранит меня!" Мне сделалось тогда же легче: страсти утихли, и я весело воротился в мою келью. Я был спокоен, мысль моя была невозмутима, страсти спали, — но демон не дремал. Прошло немного времени, и брань упорнее прежней возникла на меня от демона в движениях моей собственной плоти; он пустился на хитрости и, видя, что я не сдаюсь на влечение мысли, предстал передо мной в виде девицы, которую знавал я и с которой был во взаимности чувств во дни моей беспечной юности, без всякой, впрочем, преступной связи с ней. Это видение, признаюсь, меня очаровало, минувшее воскресло передо мной; я совершенно растерялся, был сам не свой, и близок был к падению... Едва мог я, наконец, прийти в себя; хотел вырваться от искусительницы, но она прильнула ко мне... В досаде я замахнулся и так ударил ее по щеке, что она как дым исчезла. Не поверишь, от руки, которой нанес я демону пощечину, такой гадкий, такой мерзкий исходил запах, что я в течение двух лет не мог его заглушить.

Но и этим не отделался я от демона; он снова довел меня до того, что я, как помешанный, бросился в пустыню и искал дикого зверя, чтобы идти ему навстречу и сделаться жертвой лютой его. Долго бродил я по пустыне; нестерпимый жар солнца палил меня; внутренний страстный огонь и того более тревожил меня. Случайно наткнулся я на аспиду, схватил его, положил на мое тело, в чаянии его угрызения, и ждал последних минут жизни; но и

здесь совершилось чудо благодати: аспид издох прежде, нежели успел повредить или уязвить меня. Это поразило меня до крайности, и я с чувством благодарности заплакал перед Богом, так дивно сохранившим меня от язвительности самых ядовитых Его творений. Тогда-то послышался мне таинственный голос свыше: "Мир тебе, Пахон! Мужайся и крепись: Я с тобою! Ты был силен в подвигах, и если бы не оставить тебя на борьбу с плотскими страстями, ты мог бы погубить себя гордостью, которая ненавистна Мне. Твое смирение, твои слезы и страдальческий подвиг привлекли на тебя благодать Мою: Я с тобою!" Действительно, с той поры я спокоен и не чувствую уже в плоти моей действия прежних бурных страстей; но демон все-таки не спит в некоторых случаях; да без этого нельзя и обойтись истинному подвижнику, то есть без демонских, в большей или меньшей мере, искушений".

Вот как боролись со своими похотениями святые подвижники! Боролись, и при помощи благодати Христовой побеждали. У кого же, если не у них, учиться и нам этой великой науке — побеждать страсти свои?... Итак послушаем, как учат они, наученные многоскорбным опытом, бороться с плотской страстью — этим домашним и всегдашним нашим врагом. "Когда стужают тебе блудные помыслы, — говорит преподобный Нил Сорский, — тогда наиболее ограждай себя страхом Божиим и напоминай себе, что от Бога ничего нельзя утаить, даже самого сокровенного помышления, что Он есть судия и истязатель всех таин сердечных. Помни, что истинно целомудрен только тот, кто чист бывает от скверных помыслов, — вот что пред Богом многоценно и вселюбезно! А кто предается нечистым помыслам, тот любодействует в сердце своем, как сказали святые отцы. Таковой от помыслов легко доходит и до дела. А как тяжек грех блудный, это видно уже из того, что никакой другой грех у святых отцов не называется падением, кроме этого греха. И это потому, что впадший в этой грех лишается дерзновения пред Богом и сильно влечется к отчаянию. Вспоминай стыд и срам перед людьми: что, если бы люди застали тебя в сквернодействе этом? Не пожелал ли бы ты тогда лучше умереть, нежели понести сей срам? Блуди главу змия, то есть всячески гони от себя прочь самые первые блудные помыслы, гони их прежде всего прилежной сердечной молитвой. Молитва — это страшное оружие против всякого врага. Преподобный Максим Исповедник велит молиться против блудных помыслов словами пророка Давида: «избавимя от обышедших мя» (Пс. 31; 7). И преподобный Иоанн Лествичник приводит образец молитвы против помыслов блудных: «Боже, в помощь мою вонми». Полезно в этом случае призывать на помощь тех святых, которые подвизались особенно за целомудрие и чистоту. Так, преподобный Даниил Скитский приказал брату, боримому блудом, молиться, призывая на помощь святую мученицу Фомаиду, за целомудрие пострадавшую, и молиться так: "Боже, за молитвы мученицы Фомады помози мне!" И брат, помолившись так у гроба мученицы, тотчас избавился от блудной страсти. Хорошо также призывать в молитве преподобных Моисея

Угурина и Иоанна Многострадального, Киевских Чудотворцев, — преподобных Моисея Мурина и Мартиниана, мученика Философа и др. Если брань не утихает, то встань, простри на небо очи и руки, и молись, по наставлению преподобных Григория Синаита и Исаака Сирина, говоря: "Ты, Господи, силен, Ты все можешь. Ты Сам, Господи, побори и победи за нас во брани сей!"

И преподобный Иоанн Лествичник учит: "Возопий к Могущему спасти тебя не хитро сложенными словами, но смиренным вещанием: «Помилуй мя, Господи, яко немощен есмь» (Пс. 6; 3), и тогда познаешь силу Вышнего, и врагов невидимых отженешь. Бей всегда супостатов именем Иисусовым, ибо крепче этого оружия не обрящешь ни на небе, ни на земле... Враг, особенно восстает на нас тогда, когда нам неудобно помолиться видимым образом: внимай же, и когда начнут тебя смущать скверные помыслы, возведи очи душевные и телесные ко Господу Сил, и тогда опытом уразумеешь, что силой Вышнего отражается всякая вражеская сила". А если обленишься это сделать, то ослабеешь, и осквернится тогда совесть твоя. Не смотри на лица женские и иные доброзачные, избегай вспоминать о них, гони и отсекай тотчас же всякий нечистый помысел, лишь только он появится в душе твоей, хотя бы это было с целью самоукорения. Бегай непристойных шуток и разговоров, не читай книг, в которых описывается нечистая любовь, и чаще вспоминай то, что говорит Лествичник от лица плоти нашей: "Если познаешь, — говорит она, — глубокую мою и твою немощь, то тем свяжешь мне руки. Если гортань умучишь постом и воздержанием, то свяжешь мои ноги; если отречешься от своей воли в деле спасения, то освободишься от меня, а если приобретешь смирение, то отсечешь мне голову". Так учат святые отцы побеждать похоть блудную.

198. Жертва хваления среди мучений

Благословлял Бога в скорбях своих великий ветхозаветный страдалец, праведный Иов, но и он, как человек, временами жаловался на свои несносные страдания и проклинал день своего рождения (Иов. 3; 2), и сожалел, что он не умер в утробе матери (Иов. 3; 11-12). «Почто бо дан есть сущьш в горести свет, — говорил он, — и сущым в болезнех душам живот, иже желают смерти и не получают, ищуще якоже сокровища» (Иов. 3; 20-21)... Как в цветущем саду, ликуя, воспевали Бога три отрока в печи Вавилонской, но понятно это ликование, когда огонь не касался даже их одежды, когда пламень обращался для них в росу прохлаждающую... А вот страдать, и в самых страданиях забывать о страданиях, терпеть нестерпимые муки, и среди этих мук прославлять Господа, вспоминая Его неизреченные милости, явленные всему роду человеческому, — быть рассекаемым на части, и при всем этом думать только о дивных делах Божиих, — такое, непостижимое для ума человеческого мужество могли проявлять только

Христовы мученики, в которых столь славно являла себя сила Христова. Вот одно из многих сказаний о таком мужестве мучеников.

Великомученика Иакова П рсянина режут на части: ему отрезали большой перст на правой руке. Мученик возводит очи на небо и говорит: "Господи Боже, Великий в крепости, перстом Твоим изгоняющий бесов (Лк. 11; 20), прими сей перст, за Тебя наущением бесовским урезанный, как ветвь виноградной лозы: ибо и у лозы обрезают ветви, чтобы она больше приносила плода". Мучитель отрезает второй перст, а мученик молится: "Прими, Господи, и вторую ветвь от лозы, которую насадила десница Твоя!" Ему отрезают третий перст, а он говорит: "Освободившись от трех искушений в мире, от похоти плоти, похоти очес и гордости житейской, благословляю Отца и Сына и Святаго Духа, и с тремя отроками прославляю Тебя, Господи!" Отрезают четвертый перст, а он молится: "Приемлющий хваление от четырех животных (Откр. 4; 8), прими страдание четвертого перста моего за святое имя Твое!" Отрезают перст пятый, и Иаков говорит: "Исполнилась радость моя, как радость пяти мудрых дев (Мф. 25; 2)". Мучители уговаривают его пожалеть себя, но страдалец отвечает им: "Когда пастухи стригут овец, то разве оставляют у них одну сторону неостриженной? Я — овца Христова стада: обрезайте, как волну, все члены мои!" — и снова стал молитвенно беседовать с Богом. И вот ему отрезают первый перст на левой руке, а он говорит: "Благодарю Тебя, Господи, что сподобил меня и шестой перст принести Тебе, простершему за меня в шестой день и час Свои пречистые руки на кресте!". Отрезают еще перст, а он славит Бога: "Как устами седмижды днем с Давидом прославлял я судьбы Твои, Господи, как теперь седмию перстами, за Тебя отрезанными, прославляю Твою милость, на мне являемую!" Режут еще перст, и он вещает: "Ты Сам, Господи, приял во осмый день обрезание по закону, а я претерпеваю за Тебя отрезание осьмого перста: не лиши меня лицезрения пресветлого лица Твоего!". Отрезают следующий перст, а мученик молится: "Ты, о Христе мой! в девятый час предал Дух Свой Богу Отцу на кресте, а я в болезни урезания девятого перста благодарю Тебя, что сподобил меня лишиться членов моих за имя Твое!". Когда же отрезали десятый перст, он воскликнул: "В десятострунном псалтири прославляю Тебя, Боже мой, сподобившего меня претерпеть отрезание всех перстов на обеих руках моих, за десятицу завета Твоего, на двух скрижалях написанного!"

Снова уговаривают его мучители, и снова он отвергает все их увещания, обещания и угрозы. Ему начинают отрезать персты на ногах, и он с тем же спокойствием прославляет Господа при отрезании каждого перста. Так, при отнятии первого перста он говорит: "Слава Тебе, Христе Боже; у Тебя пронзены были не руки только, но и ноги; сподоби меня стать сею десною ногой хотя в числе последних одесную Тебя!" При отнятии второго перста он молится: "Удвоилась на мне милость Твоя, Господи, ибо Ты избавляешь меня от смерти второй" (Откр. 20; 14). Отрезают и бросают перед ним третий перст, а мученик с улыбкой вещает: "Иди во имя Троицы и ты, третий перст,

к дружине твоей: как зерно пшеничное, в землю брошенное, и ты мног плод принесешь в день общего воскресения!" Отрезают перст четвертый, а святой утешает себя: "Векую прискорбна еси, душе моя, и векую смущаеши мя? Уповай на Бога, силой четвероконечного креста спасающего мя (внимайте, неразумные ревнители восьмиконечного креста, что говорит мученик Христов!), и я прослаблю Его, от четырех стихий создавшего меня!" Отрезают перст пятый; мученик говорит: "Славлю Тебя, Господи, пять язв на кресте претерпевшего, что удостаиваешь Ты меня участи верных рабов, пять талант умноживших!" Ему отрезают мизинец левой ноги, а он говорит: "Мужайся, малый перст шестой; Бог, сотворивший в шестой день тебя, малого, с большими, равно и воскресит тебя с этими большими!" Отрезают седьмой перст и мученик обращается к мучителям со словами: "Разорайте сию ветхую храмину, под которой укрывается седмоглавый змий; Создатель, в седьмой день почивший от дел Своих, уготовил мне храмину нерукотворенную, вечную на небесах!" Отрезают восьмой перст, а Иаков рассуждает: "Тот, Кто сохранил в ковчеге Ноевом восемь душ, спасет и меня, хотя и проливаете вы мою кровь, как воду". Отрезают девятый перст, и он молится: "Укрепи меня в терпении, Боже истинный, как укрепил Ты во благодати Твоей девять чинов Ангельских во время искушения!" Отрезают последний перст на ноге, а он восклицает: "Вот, я принес в жертву Тебе, Иисусе Христе, совершенный Боже и совершенный Человече, две десятицы перстов моих!" Тогда отсекают ему всю стопу правой ноги, и он говорит: "Да станет нога моя во Царствии Небесном на правоте!" Отсекают затем стопу левой ноги, а он, взирая на небо, молится: "Услыши мя, Господи, сотвори со мною знамение во благо, избави меня от стояния ошуюю Тебя!" Отсекают правую руку, а он восклицает: "Милость Твою, Господи, во век воспую. Ты Сам исполняешь на мне слово Твое: «и аще десная твоя рука соблажняет тя, усецы ю и верзи от себе!» (Мф. 5; 30). Отсекают левую руку, а он молится: "Не мертвые восхвалят Тебя, Господи, не те, которые сходят во ад, держась пути шуяго, а мы, живые, благословим Тебя отныне и до века". Отсекают правое плечо, а он говорит: "Тот, Кто возложил на плечо Свое овцу погибшую, поставит и меня одесную Себя со овцами Своими". Отсекают левое плечо, и он говорит: "Господь, Егоже власть на раме Его (Ис. 9; 6), не попустит меня уклониться ко власти темной на страну шуую". Стали отрезать ему ноги до колен; тогда страдалец болезненно возопил: "Господи, Боже мой, «ниже в листех мужеских благоволит. Благоволит Господь в боящихся Его» (Пс. 146; 10-11), помоги мне, рабу Твоему, ибо меня сокрушают болезни смертные!" Мучители на это заметили ему: "Вот, мы говорили тебе, что болезни тяжкие ждут тебя, а ты не верил нам". Страдалец отвечал им: "Я для того и возопил в болезни моей, чтобы вы знали, что я человек, плотью обложенный, и что, следовательно, только Один Бог укрепляет меня! Но Он же и облечет меня в новую плоть, которую не смогут коснуться никакие ваши орудия мучительские!" И непобедимый воин Христов стал прославлять Господа Ангельской песнью: "Свят, Свят, Свят

Господь Саваоф", — взывал он, лежа на земле, и призывал милость Божию, — да укрепит его до конца. Наконец, мучители отрезали честную главу его, и он предал дух свой Богу.

Как свеча догорал он перед Богом, как фимиам кадильный восходили к Богу его славословия, и донныне ощущается это дивное благоухание молитв его, и теперь без умиления сердечного нельзя читать рассказ о его страданиях, и по прочтении невольно восклицаешь с Царственным Пророком: "Дивен, воистину «дивен Бог во святых Своих...» (Память святого великомученика Иакова Персянина празднуется Церковью 27 ноября/10 декабря).

("Четий Минеи ", рассказ о святом мученике Иакове Персянине)

199. «Бойся Господа, и почитай священника» (Сир.7,33)

Во всяком деле, чадо мое, ради Господа смиренно поступай. Если ты будешь Господа Бога всеми силами своими держаться, если не будешь забывать повелений Его и нарушать благочестия, в котором ты родился, а будешь неослабно хранить все древние апостольские и преемников их предания и постараться всегда их исполнять, то и тебя Господь не оставит. Особенное почтение оказывай рабам Божиим — архиереям и иереям. Ибо издревле Священное Писание повелевает почитать их. У Иисуса, премудрого сына Сирахова, написано: «Всею душою твоею благоговей Господеви, и иереи Его чти» (Сир. 7; 31). Бог почтил их неизмеримо высокой честью: как же осмелимся мы унижать их? Иерей — слуга Бога Вышняго; Сам Святой Дух им действует и никогда, кроме запрещения архиерейского, дар Святаго Духа не отъемлется от него. И поэтому великой честью надлежит почитать нам священников и за почтение к ним благословляет Господь свыше. Многие богатые люди, считая себя великими, священный чин принижают, от чего Боже тебя сохрани. Почитай священника как апостола Христова, за отца его себе вменяй и ни в какую обиду его не вдавай. Берегись в чем-либо осудить его или посмеяться над ним, чтобы не принять тебе за непочтение к нему какой-либо от Бога казни. Отца же своего духовного более своего родного отца почитай и все повеления его исполняй, ибо насколько душа честнее тела, настолько и отец духовный честнее родного отца. Плотский отец родил только тело твое и питает тебя пищей тленной, духовный же отец твой питает тебя пищей бессмертной. Отец родной если и свяжет в чем-либо твое рождение, то отец духовный всячески развязать может; если же отец духовный сына своего духовного правильно свяжет, то Сам Бог не развяжет его, ибо Сам Он дал иереям власть; и кого они свяжут на земле, тот связан будет и на небе, и кого они разрешат на земле, тот разрешен будет и на небе (Мф. 18; 18). И по этому дару Божию велика власть духовного отца. И еще сказал Господь: «Имже отпустите грехи, отпустятся им: и имже держите, держатся» (Ин. 20; 23). И по этому Господню слову, и по данному им от

Него, Господа Бога, дару, без их отеческого прощения никому грехи не могут быть прощены. Если и в пустыню кто пойдет без благословения отеческого, мало и в том пути бывает, ибо Господь всю власть спасения нашего вручил им, пастырям нашим. И на том не остановился, но и ключи Царствия Небесного им же вручил (Мф. 16; 18-19). Поэтому тем более их надо почитать и во всем слушать. Ты же, сын мой, без благословения отца своего духовного ничего не делай. Как бы богат и знатен ты ни был, а перед отцом своим духовным будь покорен, как сын перед отцом своим родным. И какую бы он ни дал тебе заповедь, храни ее как зеницу ока, и не смей ни единой черты повеления его изменить. И если будешь все его повеления исполнять, то диавол ничем повредить тебе не сможет, ибо исполняющим заповеди отцов своих духовных диавол никакой пакости сделать не может. Диавол, хотя и весьма естеством тонок и проникателен, но человеку, если он сам не откроет к себе доступа, повредить не может. А вот если кто заповедь Божию или приказание отца своего духовного нарушит и вскоре не покается в том, то к таковому человеку диавол дерзко приступает и вредит ему. Ибо кто заповедь духовного отца преступит и начнет хотя и доброе что, но от своего изволения творить, не без беды ему бывает то. В "Прологе" говорится об одном иноке, который, не послушав своего пастыря, оставил обитель и пошел в пустыню, будто бы для лучшего угождения Богу; но за самовольное его хотение дело это обратилось ему во вред и диавол чуть не погубил его. И если бы Бог за молитвы пастыря, которого он преслушал, не помиловал его, то отшельник этот погиб бы и душой и телом. Ибо диавол, преобразившись в ангела светлого, сказал ему, что молитвы его услышаны Богом и Бог повелел его взять с плотью на небо. Обрадованный отшельник возвестил об этом отцу своему. Отец же, познав прелесть бесовскую, сейчас же отправился к нему, и когда пришли бесы, чтобы взять отшельника, отец, обхватив его руками, держал крепко. Бесы, не имея возможности исхитить инока из рук пастыря, похитили его мантию и, изорвав ее, бросили на землю. После этого тот отшельник снова вернулся в монастырь, и молитвами отца своего спасся.

Итак, чадо мое, ты как заповеди Божии, так и заповеди отца своего духовного держи твердо, чтобы тебе нимало чем их не нарушить. Поступая так, ты всегда с Господом будешь, и Бог в тебе обителище сотворит. А когда будешь в Боге, и Бог в тебе будет, то диавол и приблизиться к тебе не посмеет. За презрение же повелений Божиих и отцов духовных великие беды бывают людям. И в ереси ни от чего так не впадают, как от высокоумия своего и презрения повелений отеческих. Когда человек возомнит себя более других разумным, он и отцу своему духовному бывает непослушен, ибо от высокоумия он впадает в безумие; за преслушание же отца духовного отнимается благодать Божия от людей. А когда благодать Божия отнимется от человека, то диавол всеконечную власть над ним возымеет, и куда захочет, туда и поведет его. Поэтому, чадо мое, если не допустишь до себя самоумничества, то будешь Божий раб и Евангельский ученик. Господь, пресекая в нас гордость, повелел нами с посторонними людьми советоваться.

Совета у людей просить надо не с гордостью, ибо дар Божий и в самом простом человеке находится. Те люди, которые, презрев слово Христово, только на свой ум полагаются, потому-то и погибают, что не хотят ни с кем советоваться. Впрочем, советоваться надо не с худыми людьми, а с благочестивыми, чтобы от дурного совета людей богопротивных и безумных не получить себе вреда.

Еще, сын мой, не пропускай ни одного года без того, чтобы не причаститься пречистого Тела Христова и животворящей Его Крови, ибо жизнь человеческая неизвестна. Исповедуйся же два и три раза в год, и если с намерением или без намерения впадешь в какой-либо тяжкий грех, то хотя бы это было и в мясоед, иди к отцу своему духовному и новосодеянный грех исповедуй перед ним, а долго во грехе не оставайся, дабы он не укоренился в тебе. И если будешь часто каяться, то никакой грех не одолеет тебя, ибо ты не дашь ему укорениться в себе. Некоторые люди, безумнейшие из безумных, диаволом наученные, говорят, будто нет прощения тому, кто, покайся, опять в прежний грех впадет, и потому будто бы лучше жить без покаяния, нежели покайся, опять грешить. Ты такого безумия совершенно и в мысли не допускай, ибо через подобное рассуждение диавол многих себе уловил и ныне уловляет. Рассуждая подобным образом, многие люди покаяние до старости отлагают; диавол же, овладев ими, при смерти их до покаяния уже не допускает. "Какое это покаяние, — говорят иные, — в одном грехе десять раз каяться, а после покаяния опять то же творить?" И я говорю, что это нехорошо; но по немощи своей, хотя бы ты и сто раз согрешил, все же кайся и проси Бога, чтобы Он, имиже Сам весть судьбами, помог тебе удержаться от греха; покаяния же своего не отлагай; хотя и стыдно, — но всегда кайся. Ибо это совершенно диавольское рассуждение — отлагать покаяние до смерти или старости. Это петля, уготованная человеку диаволом; и людям, отлагающим покаяние до старости, при смерти редко удастся покаяться; ибо Бог за удаление от покаяния и исповеди благодать Свою отнимает от них и диавол низводит их во ад. А иных людей диавол, отведя от покаяния, ввергает в отчаяние и погубляет. Ты же, сын мой, думай только об одном: с чем бы тебе на том свете на суд Божий предстать, и всегда Господа Бога моли, чтобы диавол никакой власти над тобой не имел и на грех тебя не приводил, и чтобы Господь сподобил тебя при кончине своей вкусить пречистого Тела Христова, ибо кто сподобится перед смертью достойно святых Христовых Таин приобщиться, того демоны на воздушных мытарствах удержать не могут и души тех, по глаголу Господню, пойдут в Царство Небесное. Сам Господь сказал: «Ядый Мою Плоть, и пий Мой Кровь имать живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день» (Ин. 6; 54). И еще повторял: «Ядый Мою Плоть и пий Мой Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем» (Ин. 6; 56). И по этому Господню слову, как могут прикоснуться демоны к той душе, в которой Сам Господь пребывать будет?

(Из "Завещания Отеческого" крестьянина И. Посошкова)

200. Терпи до конца!

Во времена святителя Иоанна Златоуста много лет подвизался в глубокой пустыне преподобный Иеракс. Однажды бесы пришли к нему видимым образом и сказали: "Старец! Ты проживешь еще полсотни лет; возможно ли терпеть так долго в этой безлюдной пустыне? Иди отсюда!" Старец им на это отвечал: "Очень жаль, что так мало остается мне жить на свете; а я было запасся терпением еще на двести лет". При этих словах Иеракса бесы исчезли... Это значит, что святой подвижник решил терпеть все скорби, все лишения пустынной жизни до конца. Видно, твердо помнил он слово Спасителя: «в терпении вашем стяжите души ваша» (Лк. 21; 19). «Претерпевши оне до конца, той спасен будет» (Мф. 10; 22).

А мы, грешные, возьмемся за какое-нибудь дело доброе со всем жаром, со всем усердием, но лишь только встретиться какое-нибудь препятствие, или неудача, мы уж и готовы совсем бросить дело доброе, как будто оно нам вовсе не по силам! И сколько таким образом у нас добрых намерений остается без исполнения! Сколько добрых дел недоделано... Что же это значит? Отчего это, возлюбленные? Оттого, конечно, что, принимаясь за дело доброе, мы смотрим только на плоды его, а о том, достанет ли у нас сил на исполнение задуманного, вовсе не заботимся. Оттого, что мы забываем или, лучше сказать, вовсе не хотим знать, что никакое истинно доброе дело не обходится без искушений и скорбей; таков уж закон добро делания. Хочешь делать добро истинное, Богу угодное? Запасись терпением, будь готов на всякие скорби и лишения, может быть, даже на страдания от неправды людской, ибо сказано: «Чадо, аще приступавши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение» (Сир. 2; 1), а в искушении всего нужнее терпение. А мы об этом вовсе и не думаем; оттого добро наше и непрочное, непостоянное, оттого оно и в очах Божиих надлежащей цены не имеет. Вот что рассказывал пресвитер Кроний Палладию Еленопольскому об одном подвижнике, по имени Евлогий.

Этот Евлогий был человек очень образованный; приняв монашество, он, по слабости здоровья, не решился вступить в общежитие, но не считал себя способным и к уединенному подвижничеству. Однажды увидел он на торжище одного увечного, у которого не было ни рук, ни ног; подойдя к нему, он помолился так: "Господи! Во имя Твое я возьму этого несчастного, и буду покоить его до самой смерти, чтобы ради его спастись и мне. Помоги мне, Господи, послужить ему!" После этого Евлогий привел осла, посадил на него бедняка и привез в свое жилище. Пятнадцать лет Евлогий ухаживал за ним, как за отцом родным; он сам омывал его, сам натирал маслом, носил его на руках, берег и покоил, как только умел. Но, видно, нужно было еще больше испытать терпение подвижника, и вот враг всякого добра научил увечного поносить и всячески ругать своего благодетеля. Напрасно Евлогий его успокаивал, напрасно говорил ему: "Скажи мне, друг мой, чем я огорчил тебя? Я исправлюсь", — увечный не хотел и слушать его и требовал, чтобы

Евлогий опять отнес его на торжище, где его взял. "Не могу выносить твоей коварной ласки, — говорил несчастный, — противна мне эта голодная жизнь; я хочу мяса!" Евлогий тотчас достал ему и мяса. Но увечный не успокоился: "Скучно мне жить с тобой, хочу видеть много людей!" Евлогий кротко отвечал ему: "Я сейчас приведу к тебе сколько хочешь братии". — "О я несчастный! — закричал увечный. — Я не могу и на тебя-то смотреть, а ты хочешь привести сюда таких же тунеядцев, как ты! Не хочу, не хочу, — хочу на торжище!" Тогда Евлогий обратился к соседним подвижникам за советом, что ему делать с увечным? Те отвечали ему: "Великий (так звали они преподобного Антония) еще жив, — пойди к нему, и что он тебе скажет, то и сделай; через него Бог будет говорить тебе".

Евлогий обласкал увечного, положил его в лодку и отправился с ним к Антонию Великому. Поздно вечером они туда прибыли; великий старец принимал тогда всех приходящих. И вот он воззвал: "Евлогий, Евлогий, Евлогий!" А Евлогий думал, что старец зовет не его, а другого кого-нибудь, и потому не отвечал. "Тебе говорю, Евлогий, который пришел сюда из Александрии!" — сказал ему старец. Тогда Евлогий подошел к Антонию. "Зачем ты пришел сюда?" — спросил его старец. "Кто открыл тебе мое имя, — ответил Евлогий, — Тот откроет и дело мое". — "Знаю, зачем ты пришел, — говорит ему Антоний Великий, — но все же расскажи свое дело, чтобы слышала братия". Евлогий рассказал все по порядку и просил наставления. Тогда великий старец строгим голосом сказал ему: "Евлогий! Ты хочешь бросить его? Но Сотворивший его не бросит его. Ты бросишь его, а Бог воздвигнет лучшего, чем ты, и поднимет его..." В глубоком молчании слушал покорный Евлогий. А старец, между тем, обращаясь к увечному, громко говорил: "Ты, грешный, недостойный ни земли, ни неба! Перестанешь ли восставать на Бога и раздражать брата? Или не знаешь, что тебе служит Сам Христос? Как же ты смеешь говорить против Христа? Разве брат служит тебе не ради Христа?" Потом старец обратился к обоим вместе: "Перестаньте, дети, ссориться; идите с миром домой; не разлучайтесь друг с другом; Бог уже посылает за вами... Сатана видит, что вы оба при конце подвига, скоро оба вы получите венцы от Христа: ты за него, а он за тебя, — вот почему он и навел на вас это искушение. Идите же с Богом; если Ангел придет за вами, и не найдет вас обоих вместе, вы оба лишитесь венцов". Нет нужды сказывать, что оба они помирились всем сердцем, вернулись в свою келью и — не прошло сорока дней, как оба, один за другим, отошли ко Господу... "Я сам был переводчиком в беседе Антония с Евлогием и увечным, — заключил свой рассказ пресвитер Кроний, — ибо Антоний не знал по-гречески, а Евлогий и увечный не понимали языка египетского".

Как поучителен этот рассказ! Терпи до конца! — говорит он и мне, и тебе, мой возлюбленный брат о Христе! Кто бы ты ни был, труженик спасения, к какому бы ты званию не принадлежал, у тебя, конечно, есть скорби свои, ибо без них век не проживешь, — терпи же все до конца! Быть может, ты человек почтенный, может быть, ты и властью облечен; но у

властных-то людей и бывает много скорбей; иной не знает, как развязаться со своей почетной должностью, чтобы душой отдохнуть, чтобы от скорбей избавиться; не скорби же, возлюбленный, не снимай с себя произвольно бременя, на тебя Богом возложенного, неси его, пока Бог велит, и все терпи до конца! Может быть, Господь благословил тебя земными благами, и ты ничего не щадишь для меньшей своей братии, но за это терпишь немало от неправды и злобы людской, от людской зависти и неблагодарности? Что нужды! Нам сказано: «Блажени есте, егда поносят вам» (Мф. 5; 11); там, на небесах у Господа, за все скорби многа мзда нам уготована; только трудись, ничего не жалей, не бросай дела доброго и терпи до конца! Или, может быть, тебя самого одолела нищета безысходная, может быть, ты сам век свой скитаешься бесприютным сиротой по чужим углам? Терпишь и голод, и холод, и всякие болезни? И тогда не горюй, не ропщи на свою долю горькую; слышишь? Господь Сам зовет к Себе всех труждающихся и обремененных, обещая им упокоение, — Он насытит всех алчущих, утешит плачущих, — верь же слову Его неложному, бодро неси крест твой и терпи до конца! Несешь ли ты тяжесть службы Государевой, служишь ли обществу, или трудишься для своих детей, для успокоения престарелых родителей? Трудись, друг мой, во славу Божию, не падай духом посреди неудач и терпи до конца. А если призвал тебя Господь послужить Святой Церкви Его в духовном сане и звании, или потрудиться для спасения твоей собственной души во святой обители, тем паче не ослабевай в подвиге, не останавливайся на половине пути: правда, «многими скорбьми подобает нам внити во Царствие Божие» (Деян. 14; 22), узки туда врата, тесен и прискорбен путь, но по этому пути прошел впереди нас Сам Господь наш Иисус Христос, на Него смотри, у Него проси помощи, Он всегда готов тебе руку подать. Итак, мужайся и все терпи до конца! До конца — дотоле, пока Господу угодно будет держать тебя под крестом, до конца ли дней жизни твоей, или только до конца тех мрачных скорбных дней, за которыми настанут для тебя ясные дни радости. Милостив Господь! По мере смирения Он подаст тебе терпение, по мере терпения подаст и утешение, по мере утешения возгорится любовь к Богу, по мере любви воссияет в твоём сердце радость о Дусе Святе. А тогда, понятно, и всем скорбям конец!..